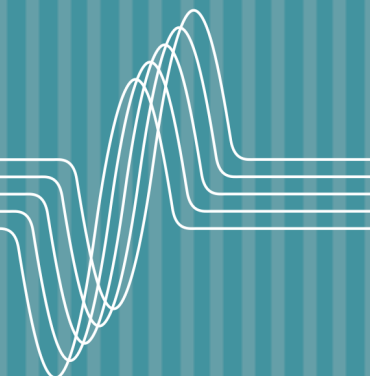
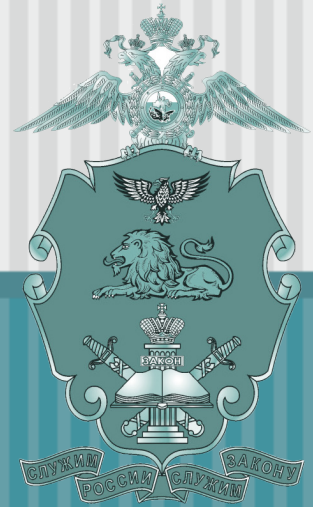

ISSN 2313-5646

1' 2022

ВЕСТНИК

БЕЛГОРОДСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО
ИНСТИТУТА МВД РОССИИ
ИМЕНИ И.Д. ПУТИЛИНА

ВЕСТНИК БЕЛГОРОДСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ ИМЕНИ И.Д. ПУТИЛИНА. 2022. № 1.

Учредитель и издатель:
Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации СМИ серия ПИ № ФС77-80715 от 9 апреля 2021 года.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА:

Главный редактор – Амелчаков И.Ф., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Заместитель главного редактора – Дизер О.А., доктор юридических наук, доцент (Россия, Белгород)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Александров А.Н., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Камышанский В.П., доктор юридических наук, профессор (Россия, Краснодар)
Карагодин А.В., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Катаева О.В., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Кириллов М.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Чебоксары)
Колмаков П.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Сыктывкар)
Кудрявцев А.В., доктор юридических наук, доцент (Россия, Владимир)
Кузнецов А.П., доктор юридических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)
Максименко А.В., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Махина С.Н., доктор юридических наук, профессор (Россия, Воронеж)
Нижник Н.С., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Новикова Е.А., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Нудненко Л.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Петрянин А.В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)
Россинский С.Б., доктор юридических наук, доцент (Россия, Москва)
Самсонов В.Н., доктор юридических наук, профессор (Россия, Белгород)
Солдатов А.П., доктор юридических наук, профессор (Россия, Краснодар)
Старилов Ю.Н., доктор юридических наук, профессор (Россия, Воронеж)
Старосельцева М.М., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Степкин Р.М., кандидат юридических наук (Россия, Белгород)
Ткачук Т.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Владимир)
Туранин В.Ю., доктор юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Хужин А.М., доктор юридических наук, доцент (Россия, Нижний Новгород)
Черняков С.А., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Шаров В.И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук

Заведующий редакцией: Маркова Ю.В.
Редактор: Олейникова Е.А.
Дизайн и компьютерная верстка: Зиновьева И.И.
Сдано в набор 18.02.2022
Подписано к печати 24.02.2022
Дата выхода в свет 28.02.2022

Формат 60x84/8
Объем 11,7 усл. печ. л.
Набор компьютерный. Бумага офисная.
Печать цифровая. Заказ № 8.
Цена: бесплатно. Тираж: 50
16+

Отпечатано в отделении полиграфической и оперативной печати Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 308024, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Горького, 71.

Адрес редакции, издателя, типографии: 308024, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Горького, 71.
Контактный телефон: (4722) 51-71-35; факс: (4722) 55-53-31; E-mail: vestnik.belui@mvd.ru; rio.belui@mvd.ru
Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 39493

VESTNIK OF PUTILIN BELGOROD LAW INSTITUTE OF MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA. 2022. № 1.

The founder and the publisher:
Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia
The Journal is registered in The Federal Service for Supervision of Communications Information Technology
and Mass Media (Roskomnadzor).
The Mass Media Registration Certificate PI № FS77-80715 of April 9, 2021.

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL:

Editor-in-Chief – Igor F. Amelchakov, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Deputy Editor-in-Chief – Oleg A. Dizer, Doctor of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)

EDITORIAL BOARD MEMBERS:

Alexey N. Alexandrov, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Ivan Vladimir P. Kamyshansky, Doctor of Law, Professor (Krasnodar, Russia)
Alexander V. Karagodin, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Olga V. Kataeva, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Mikhail A. Kirillov, Doctor of Law, Professor (Cheboksary, Russia)
Peter A. Kolmakov, Doctor of Law, Professor (Syktyvkar, Russia)
Alexey V. Kudryavtsev, Doctor of Law, Associate Professor (Vladimir, Russia)
Alexander P. Kuznetsov, Doctor of Law, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)
Alexander V. Maksimenko, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Svetlana N. Makhina, Doctor of Law, Professor (Voronezh, Russia)
Nadezhda S. Nizhnik, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)
Ekaterina A. Novikova, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Lydia A. Nudnenko, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)
Alexey V. Petryanin, Doctor of Law, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)
Sergey B. Rossinsky, Doctor of Law, Associate Professor (Moscow, Russia)
Valery N. Samsonov, Doctor of Law, Professor (Belgorod, Russia)
Alexander P. Soldatov, Doctor of Law, Professor (Krasnodar, Russia)
Yuri N. Starilov, Doctor of Law, Professor (Voronezh, Russia)
Marina M. Staroseltseva, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Roman M. Stepkin, Candidate of Law (Belgorod, Russia)
Tatiana A. Tkachuk, Doctor of Law, Professor (Vladimir, Russia)
Vladislav Yu. Turanin, Doctor of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Alfir M. Huzhin, Doctor of Law, Associate Professor (Nizhny Novgorod, Russia)
Sergey A. Chernyakov, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Victor I. Sharov, Doctor of Law, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of basic results of candidate and doctoral theses

Head of the Editorial Staff: Julia V. Markova
Editor: Elena A. Oleynikova
Design and computer make-up: Irina I. Zinovieva
It is handed over in a set 24.02.2022
It is passed for the press 28.02.2022

Format 60x84/8
Volume 11,7 printer's sheets
Typing. Office paper. Digital printing.
Order № 8. Price: free of charge.
Printed copies: 50
16+

It is printed in the Polygraphic and Operative Press Department of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. 71, Gorky street, Belgorod, 308024.

The address of the publisher and edition: 308024, Belgorod, Gorky street, 71.
Contact phone: (4722) 51-71-35; Fax: (4722) 55-53-31; E-mail: vestnik.belui@mvd.ru; rio.belui@mvd.ru
Subscription index in Unified catalogue "Press of Russia" – 39493

© Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, 2022
© Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

- НАЗАРЕНКО Г.В.** 4 **NAZARENKO G.V.**
ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ МЕДИЦИНСКОГО
ХАРАКТЕРА: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ
COMPULSORY MEDICAL MEASURES:
PROBLEMS AND SOLUTIONS
- БАУМШТЕЙН А.Б., ВЕТЧИНОВА Ю.И.** 9 **BAUMSHTEIN A.B., VETCHINOVA YU.I.**
ХУЛИГАНСТВО – НЕСОВЕРШЕННАЯ
ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ, КАК ТРАКТУЕТ ЕЕ
ЗАРУБЕЖНЫЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬ
HOOLIGANISM – AN IMPERFECT LEGAL
CATEGORY AND HOW IT IS TREATED BY A
FOREIGN LEGISLATOR
- ЖЕЛУДКОВ М.А.** 15 **ZHELUDKOV M.A.**
РЕАЛИЗАЦИЯ НОВОЙ ТЕХНОЛОГИИ
ЦИФРОВОГО КОНТРОЛЯ QR-КОДОВ
В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ГОРОДСКОЙ
ПРЕСТУПНОСТИ
IMPLEMENTATION OF A NEW TECHNOLOGY
FOR DIGITAL CONTROL OF QR CODES IN THE
PREVENTION OF URBAN CRIME
- ИЛИДЖЕВ А.А.** 22 **ILIDZHEV A.A.**
УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ОТРАЖЕНИЯ НЕОКОНЧЕННОГО
ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ
УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ
CRIMINAL LAW CHARACTERISTICS OF THE
REFLECTION OF AN UNFINISHED CRIME IN
THE SPECIAL PART OF THE CRIMINAL CODE
OF THE RUSSIAN FEDERATION
- ЧЕРНЯКОВ С.А., БРОВКО Н.В.** 28 **CHERNYAKOV S.A., BROVKO N.V.**
РЕГУЛЯТИВНАЯ ФУНКЦИЯ УГОЛОВНОГО
ПРАВА
THE REGULATORY FUNCTION OF CRIMINAL
LAW
- УШАКОВ А.Ю., ДОЛГАЧЕВА О.И.** 32 **USHAKOV A.YU., DOLGACHEVA O.I.**
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ С
ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ИТ-ТЕХНОЛОГИЙ
SOME ISSUES OF LEGAL SUPPORT FOR
COUNTERING CRIMES COMMITTED WITH THE
USE OF IT-TECHNOLOGIES

КРИМИНАЛИСТИКА, ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

CRIMINALISTICS, OPERATIONAL SEARCH ACTIVITY

- ШАРОВ В.И.** 37 **SHAROV V.I.**
ЗАДАЧИ И ФОРМЫ (НАПРАВЛЕНИЯ)
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
TASKS AND FORMS (DIRECTIONS) OF
OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITY
- ЩУКИН В.И., ЖУРБЕНКО А.М.** 42 **SCHUKIN V.I., ZHURBENKO A.M.**
ОСОБЕННОСТИ ВОЗБУЖДЕНИЯ
УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО ФАКТАМ
ПРЕСТУПНЫХ ДЕЙСТВИЙ В СФЕРЕ
ПАССАЖИРСКИХ ПЕРЕВОЗОК
ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА
FEATURES OF THE INITIATION OF A
CRIMINAL CASE ON THE FACTS OF CRIMINAL
ACTIONS IN THE FIELD OF PASSENGER
TRANSPORTATION OF RAILWAY TRANSPORT
- ИВАНОВ П.И.** 47 **IVANOV P.I.**
О КОНТРОЛЕ ЗА ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОМ
ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ
(СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ)
ON THE CONTROL OF POLICE INTELLIGENCE
CARRIED OUT AT THE LEVEL OF BODIES
STATE POWER (SYSTEM ANALYSIS)
- НЕНАШЕВ Е.В., ПУДОВИКОВ А.С.** 55 **NENASHEV E.V., PUDOVIKOV A.S.**
ИНФОРМАЦИОННО-ТЕХНИЧЕСКИЕ СЛЕДЫ
КАК СИСТЕМА КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ
ОЦЕНКИ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ
INFORMATION-TECHNICAL TRACES AS
AN ACTUAL SYSTEM OF CRIMINALISTIC
ASSESSMENT OF CYBERCRIME

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ТЕЛИЦЫН Н.А. К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ПОНЯТИЯ ОПЕРАТИВНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ОБЪЕКТОВ И ЛИНИЙ РАБОТЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ИСТОРИЧЕСКИЙ И СУЩНОСТНЫЙ АСПЕКТЫ	62	TELITSYN N.A. ON THE ISSUE OF THE FORMATION OF THE CONCEPT OF OPERATIONAL MAINTENANCE OF OBJECTS AND LINES OF WORK IN THE ACTIVITIES OF OPERATIONAL UNITS OF THE DEPARTMENT OF INTERNAL AFFAIRS: HISTORICAL AND ESSENTIAL ASPECTS
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО. АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИЦИИ		ADMINISTRATIVE LAW. ADMINISTRATIVE ACTIVITY OF POLICE
КОЖЕВНИКОВ О.А. ОРГАНЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В НОВОЙ СТРУКТУРЕ ЕДИНОЙ СИСТЕМЫ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ: ВОПРОСЫ НОРМАТИВНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ	69	KOZHEVNIKOV O.A. LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES IN THE NEW STRUCTURE OF THE UNIFIED SYSTEM OF PUBLIC AUTHORITY: ISSUES OF REGULATORY REGULATION
КАРАГОДИН А.В., МУЛЕНКО Н.В. НЕГАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ВЛИЯНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ СОЗНАНИЯ У НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	74	KARAGODIN A.V., MULENKO N.V. NEGATIVE ASPECTS OF INFLUENCE OF INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES ON THE FORMATION OF CONSCIOUSNESS IN MINORS
СТЕПКИН Р.М., ГОЛУБЯТНИКОВА Ю.Ю. МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ОБЪЕКТАХ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ	80	STEPKIN R.M., GOLUBYATNIKOVA YU.YU. MECHANISM FOR ENSURING TRANSPORT SAFETY AT TRANSPORT INFRASTRUCTURE FACILITIES
ДИЗЕР О.А., КУЯНОВА А.В. ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ СУЩЕСТВУЮЩИХ МЕР ПРОФИЛАКТИКИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ И ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НАРКОМАНИЕЙ, НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ	85	DIZER O.A., KUYANOVA A.V. ON THE EFFECTIVENESS OF EXISTING MEASURES FOR THE PREVENTION OF ADMINISTRATIVE OFFENSES AND CRIMES RELATED TO DRUG ADDICTION, ILLICIT TRAFFICKING IN NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES
ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО		TRIBUNE OF THE YOUNG SCIENTIST
ГЕРАСИМЕНКО Е.В. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ИММУНИТЕТ АДВОКАТА	91	GERASIMENKO E.V. OPERATIONAL INVESTIGATIVE IMMUNITY OF A LAWYER
АНДРЕЕВ Д.В. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЛЕГАЛЬНУЮ ПРОДАЖУ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ	97	ANDREEV D.V. THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF DOMESTIC LEGISLATION ON LIABILITY FOR THE ILLEGAL SALE OF ALCOHOLIC BEVERAGES

**ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА:
ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ****COMPULSORY MEDICAL MEASURES: PROBLEMS AND SOLUTIONS**

УДК 343

Г.В. НАЗАРЕНКО,доктор юридических наук, профессор
(Юго-Западный государственный университет,
Россия, Курск)
nazarenkogen@gmail.com**GENNADY V. NAZARENKO,**Doctor of Law, Professor
(Southwest State University, Kursk, Russia)

Аннотация: статья посвящена актуальным проблемам принудительных мер медицинского характера в уголовном праве, которые не нашли своего отражения в юридической литературе. Предметом данной статьи являются законодательно-технические особенности уголовно-правового института, сочетающего в себе юридические и медицинские начала. Цель исследования заключается в выявлении конструктивных недостатков, которые остались вне поля зрения исследователей. Методологической основой работы являются методы законодательно-текстологической интерпретации в совокупности с инструментальными методами. В ходе проведенного исследования выявлено: во-первых, имеются недостатки формулировок заголовков раздела VI «Иные меры уголовно-правового характера» (в ред. Федерального закона от 27.07.2006 № 153-ФЗ) и главы 15 «Принудительные меры медицинского характера», которые создают ошибочные представления о существовании двойственного характера мер, назначаемых судом лицам, страдающим психическими расстройствами; во-вторых, п. «д» ч. 1 ст. 97 Уголовного кодекса Российской Федерации, в котором сформулированы признаки лиц, страдающих педофилией, во время совершения преступления против половой неприкосновенности малолетних, содержит ряд недостатков, требующих устранения; в-третьих, предложения отдельных авторов изъять формулу педофилии из статьи 97 Уголовного кодекса Российской Федерации либо исключить из нее возрастные показатели педофилов и потерпевших не учитывают множества существующих обстоятельств. Выводные положения: следует переформулировать заголовки раздела VI и главы 15 уголовного закона таким образом, чтобы исключить двойственный характер института принудительных мер медицинского характера; необходимо устранить недостатки, допущенные нормотворцами при проектировании формулы педофилии. Полученные результаты и авторские предложения могут быть учтены законодателем для совершенствования норм главы 15 Уголовного кодекса Российской Федерации и Пленумом Верховного Суда Российской Федерации при разработке постановлений, касающихся института принудительных мер медицинского характера, а также использованы в научной и учебной деятельности.

Ключевые слова: меры уголовно-правового характера, принудительные психиатрические меры.

Для цитирования: Назаренко Г.В. Принудительные меры медицинского характера: проблемы и решения // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2022. № 1. С. 4–8.

Abstract: this article is devoted to the actual problems of compulsory medical measures in criminal law, which have not been reflected in the legal literature. The subject of this article is the legislative and technical features of the criminal law institute, which combines legal and medical principles. The purpose of the study is to identify design flaws that have remained out of the field of view of researchers. The methodological basis of the work is the methods of legislative and textual interpretation in conjunction with instrumental methods. In the course of the conducted research, the following were revealed: first, the shortcomings of the headings of section VI «Other measures of a criminal legal nature» (as amended Federal Law № 153-FZ

of 27.07.2006) and Chapter 15 «Compulsory medical measures», which create erroneous ideas about the existence of a dual nature of measures imposed by the court to persons suffering from mental disorders; secondly, paragraph «d» of Part 1 of Article 97 of the Criminal Code of the Russian Federation, in which the signs of persons suffering from pedophilia during the commission of a crime against the sexual integrity of minors are formulated, have a number of shortcomings that require elimination; thirdly, the proposals of individual authors to remove the formula of pedophilia from Article 97 of the Criminal Code of the Russian Federation or to exclude from it the age indicators of pedophiles and victims do not take into account many existing circumstances. Conclusion provisions: 1. The headings of section VI and chapter 15 of the Criminal law should be reformulated in such a way as to exclude the dual nature of the institution of CMM. 2. It is necessary to eliminate the shortcomings made by the norm-makers when designing the formula of pedophilia. The obtained results and the author's proposals can be taken into account by the legislator to improve the norms of Chapter 15 of the Criminal Code of the Russian Federation and the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation when developing resolutions concerning the Institute of CMM, as well as used in scientific and educational activities.

Keywords: measures of a criminal-legal nature that are not a punishment, compulsory psychiatric measures.

For citation: Nazarenko G.V. Compulsory medical measures: problems and solutions // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1. P. 4–8.

Проблемы, касающиеся принудительных мер медицинского характера, в уголовном праве имеют несколько аспектов, в том числе законодательно-технический, законодательно-текстологический, правоприменительный и эрратологический. Несмотря на существование множества проблем и многоаспектность таковых, принудительные меры медицинского характера находятся на периферии уголовно-правовых исследований и в современной литературе излагаются недостаточно точно либо с ошибками. О периферийности и даже маргинальности отмеченных проблем свидетельствует отсутствие теоретических выкладок в отношении принудительных мер медицинского характера в объемных работах по актуальным проблемам уголовного права, опубликованных за последнее десятилетие [1, с. 6; 2, с. 6]. Исключение составляет лишь работа под редакцией Л.В. Иногамовой-Хегай, в которой изложены некоторые проблемы, касающиеся указанных мер [3, с. 207–215].

Между тем именно эти проблемы нуждаются в решении, так как первоначальная редакция Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (1996) подверглась многочисленным изменениям и дополнениям: 1) радикально изменен заголовок раздела VI, который ранее текстуально совпадал с названием главы 15 «Принудительные меры медицинского характера»; 2) из числа лиц, которым суд мог назначить принудительное лечение, исключены алкоголики и наркоманы, совершившие преступления; 3) наряду с невменяемыми, ограниченно вменяемыми и лицами, у которых психическое расстройство наступило после со-

вершения преступления, в число лиц, подлежащих принудительному лечению, включены педофилы (ч. 1 ст. 97 УК РФ); 4) в связи с последним изменением дополнен ряд уголовно-правовых предписаний указанием на категорию лиц, страдающих расстройством сексуального предпочтения (педофилией).

В 2016 г. российский законодатель включил принудительные меры медицинского характера (гл. 15) в раздел VI Уголовного кодекса Российской Федерации под названием «Иные меры уголовно-правового характера» наряду с конфискацией имущества (гл. 15.1) и судебным штрафом (гл. 15.2). В результате таких изменений принудительные меры медицинского характера, назначаемые и применяемые к психически больным лицам, совершившим деяния, запрещенные уголовным законом, приобрели двойственный характер. Указанное противоречие возникло в силу того, что законодатель включил в раздел VI УК РФ разные по своей правовой природе меры, но не позаботился о соблюдении требований законодательной техники и законодательной текстологии [см.: 7, с. 58–70; 8, с. 212–223].

Механическое использование в качестве заголовка раздела VI словосочетания «иные меры уголовно-правового характера», которое фигурирует в статьях 2, 3, 6 УК РФ, наряду с наказанием, явно противоречит требованиям законодательной техники. Обращает на себя внимание, что в уголовно-правовых предписаниях, характеризующих задачи и принципы УК РФ (гл. 1), «наказание и иные меры уголовно-правового характера» выступают в качестве мер противодействия преступности, которые по смыслу закона различаются между собой.

¹ Далее – УК РФ.

Очевидно, что иные меры уголовно-правового характера не являются наказанием, его видами и не определяют наказуемость деяний, в то время как наказание и его виды являются мерами уголовно-правового характера, которые имеют такие отличительные особенности, как ограничение прав и свобод виновного лица по приговору суда.

Механический подход к конструированию заголовка в рассматриваемом случае заключается в том, что законодатель не обозначил правовую природу мер, включенных в раздел VI УК РФ, более того, он использовал фрагмент уголовно-правовых предписаний, в которых значатся «иные меры уголовно-правового характера», без каких-либо изменений, не исключив из него местоимение-прилагательное «иной». Такой заголовок имеет низкое качество, так как слово «иной» является столь же неопределенным, как и его синонимы «другой» и «прочий», что совершенно неуместно в названии главы.

Чтобы устранить отмеченный недостаток, следует озаглавить раздел VI УК РФ «Меры уголовно-правового характера, не являющиеся наказанием». Предлагаемый заголовок вполне соответствует содержанию включенных в данную главу уголовно-правовых институтов, поскольку принудительные меры медицинского характера, как и институты конфискации имущества, а также судебного штрафа, не являются видами наказания. Такого рода конкретизация заголовка дает правоприменителю надежный ориентир для понимания правовой сущности обозначенных мер, которые отличаются от иных мер уголовно-правового характера, указанных в других разделах Общей части УК РФ.

Вместе с тем изменение только заголовка раздела VI не устраняет той двойственности при определении правовой природы института принудительных мер медицинского характера, которая возникла в результате переименования в 2006 г. указанного раздела. С позиций формальной логики рассматриваемый уголовно-правовой институт не может иметь одновременно уголовно-правовой характер и медицинский характер. В нашем случае данный институт имеет уголовно-правовой характер, так как предусмотрен УК РФ, при этом меры принудительного лечения назначаются судом, применяются по решению суда и исполняются в соответствии с предписаниями Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов Российской Федерации.

С позиций законодательной текстологии заголовок гл. 15 «Принудительные меры медицинского характера» имеет существенные дефекты, так как название обозначенной гла-

вы дает весьма приблизительное представление о ее содержании, ибо медицинские меры имеют предельно широкое значение: они в равной степени охватывают как соматические (телесные), так и психические (душевные) заболевания. Устранить отмеченные дефекты заголовка указанной главы следует путем его конкретизации и корректировки, в результате которой правоприменитель получит точное и вместе с тем корректное наименование главы 15 УК РФ, а именно «Принудительные психиатрические меры безопасности». Таким образом удастся избежать не только недостаточно корректного наименования главы, но и устранить двойственный характер мер, обозначенных в действующем УК РФ.

В юридической литературе высказывается ошибочное мнение, что из категории лиц, которым суд вправе назначить принудительные меры медицинского характера, следует исключить педофилов, совершивших преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста, так как лица, страдающие расстройством сексуального предпочтения (педофилией), согласно п. «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ, являются ограниченно вменяемыми, то есть подпадают по действию п. «в» той же статьи, где речь идет о лицах, страдающих психическими расстройствами, не исключающими вменяемости [4, с. 18]. Иными словами, педофилия, не исключающая вменяемости, является частным случаем ограниченной вменяемости и в силу дублирования пункта о лицах, страдающих психическими расстройствами в рамках вменяемости, пункт, предусматривающий категорию педофилов в ст. 97 УК РФ, якобы является лишним.

При таком подходе к лицам, страдающим расстройствами сексуального предпочтения (педофилией), упускается из виду ряд обстоятельств:

- педофилы при наличии тяжелых психических расстройств, сочетающихся с педофилией (микстов), считаются невменяемыми, лишь в относительно легких случаях признаются ограниченно вменяемыми и подлежат принудительному лечению, соединенному с исполнением наказания;

- законодатель выделил среди множества расстройств сексуального предпочтения педофилию, так как лица, страдающие именно этим психическим расстройством, совершают посягательства на половую неприкосновенность несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста. Соответственно, УК РФ оставил без внимания такие расстройства сексуального предпочтения, объектом которых не выступает половая неприкосновенность ма-

полетних, в том числе эксгибиционизм, фетишизм, вуайеризм, зоофилия и т.д.;

– Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем Десятого пересмотра² относит педофилию к блоку расстройств личности и поведения в зрелом возрасте. Основным признаком педофилии является половое влечение к детям препубертатного и раннего пубертатного возраста [6, с. 216]. Это означает, что возраст лиц, вызывающих у педофилов сексуальное влечение, находится в пределах 12–14 лет. Поскольку положения МКБ-10 имеют рекомендательный характер, законодатель совершенно справедливо ограничил в п. «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ возрастные границы лиц, страдающих педофилией («старше восемнадцати лет»), а максимальный возраст несовершеннолетних, подвергшихся сексуальным преступлениям, ограничил тринадцатью годами («несовершеннолетний, не достигший четырнадцатилетнего возраста»). По существу, законодатель вполне успешно перевел на язык уголовно-правовых понятий психиатрическое понятие «педофилия». При этом включил в формулу закона, наряду с возрастными показателями педофилов и потерпевших, указание на наличие сексуального расстройства, не исключающего вменяемости. С позиций законодательной текстологии наличие возрастных признаков педофильных посягательств и специфика объекта посягательства (половая неприкосновенность несовершеннолетних) исключают возможность реализации предложений, направленных на изъятие из уголовного закона п. «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ.

А.Д. Кононов, в свою очередь, полагает, что законодатель, сформулировавший дефиницию педофилии в УК РФ, вторгся в область психиатрии, более того, закон ограничил возможность назначения принудительных мер медицинского характера к несовершеннолетним педофилам, совершившим сексуальные преступления против детей, а также к взрослым лицам, совершившим преступления против несовершеннолетних старше 14 лет. Соответственно, указанный автор предлагает исключить возрастные признаки из п. «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ [5, с. 14]. Однако реализация этого предложения способна лишь серьезно усложнить правоприменительную практику, которая опирается на формально определенные возрастные показатели, закрепленные в действующем уголовном законе.

Предписание, сформулированное в п. «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ, в основном отвечает требованиям законодательной техники, но вместе с тем законодатель допустил две погрешности:

в законе нечетко сформулированы возрастные показатели педофилов и потерпевших. Эти погрешности на практике порождают ряд проблем: правоприменитель ошибочно воспринимает как возраст педофилов, так и возраст потерпевших. Если следовать буквально тексту закона, то необходимо признать, что возраст, указанный в отношении педофилов, «старше восемнадцати лет» равен 19 годам и более, а возраст несовершеннолетних, «не достигших четырнадцатилетнего возраста», равен тринадцати годам и менее. Однако опрошенные автором сотрудники правоохранительных органов указали в отношении педофилов возраст 18 лет и старше, а в отношении потерпевших 14 лет и младше, так как по привычке ориентировались на сугубо цифровые показатели (18 и 14 лет), не вникая в содержание закона. При этом никто из опрошенных лиц не обратил внимания на ошибку законодателя, указавшего, что педофилами являются лица, совершившие преступления «в возрасте старше восемнадцати лет» вместо «в возрасте восемнадцати лет и старше».

Чтобы исключить неверное толкование возрастных показателей сотрудниками правоохранительных органов, следует сформулировать п. «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ следующим образом:

«1. Принудительные психиатрические меры безопасности могут быть назначены судом лицам: (далее – пункты „а“, „б“, „в“ по тексту);

д) страдающим расстройством сексуального предпочтения в форме педофилии, не исключающей вменяемости, совершившим в возрасте восемнадцати лет и старше преступления против половой неприкосновенности малолетних в возрасте тринадцати лет и младше».

В предлагаемой формуле устранено несколько недостатков:

1) психическое расстройство взрослого лица, не исключающее вменяемости, перемещено в более сильную позицию – из конца предписания в его начало. Это позволяет существенно упростить восприятие юридической конструкции, в которой медико-юридические признаки педофильного расстройства находились после возрастных признаков несовершеннолетнего;

2) изменена двусмысленная формулировка медицинского признака педофилии, в которой педофилия (узкое понятие) отождествлялась (-ось) с расстройством сексуального предпочтения (более широким понятием) за счет размещения термина «педофилия» в скобках, вслед за словосочетанием «расстройство сексуального предпочтения». В предлагаемой формуле четко указано, что педофилия является одной из форм расстройства сексуального предпочтения;

3) возрастные признаки педофилов и потер-

² Далее – МКБ-10.

певших сформулированы так, чтобы при толковании уголовно-правового предписания не возникло никаких разночтений: восемнадцать лет и старше (в отношении педофилов) и тринадцать лет и младше (в отношении потерпевших). Кроме того, термин «несовершеннолетние» в предлагаемой формуле заменен термином «малолетние», так как речь в законе идет о лицах, не обладающих возрастом полового согласия.

Таким образом, в данной статье изложены проблемы, касающиеся принудительных мер медицинского характера, которые до настоящего времени не нашли своего отражения в

юридической литературе либо рассмотрены, с точки зрения автора, неверно, а также предложены конкретные решения изложенных проблем. Автор не претендует на всеохватность вопросов, касающихся принудительных мер медицинского характера в уголовном праве, поскольку объем статьи не позволяет выйти за рамки изложенного материала. Настоящую работу следует рассматривать как приглашение к научной дискуссии, способной побудить законодателя к совершенствованию норм уголовного законодательства.

Литература

1. Актуальные проблемы уголовного права: учебник / отв. ред. А.И. Подройкина. – Москва: Проспект, 2015. – 560 с.
2. Актуальные проблемы уголовного права: курс лекций / под ред. О.С. Капинус. – Москва: Проспект, 2016. – 488 с.
3. Актуальные проблемы уголовного права. Часть Общая / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. – Москва: Проспект, 2016. – 224 с.
4. **Герасина Ю.А.** Принудительные меры медицинского характера: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Москва, 2013. – 26 с.
5. **Кононов А.Д.** Актуальные проблемы уголовной ответственности лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, и применение к этим лицам принудительных мер медицинского характера: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Москва, 2019. – 31 с.
6. Психические расстройства и расстройства поведения: МКБ-10, адаптированная для использования в Российской Федерации / под общ. ред. Б.А. Козаковцева, В.Б. Голланда. – Москва: Минздрав России, 1998. – 512 с.
7. **Ситникова А.И.** Законодательная текстология уголовного права: монография. – Москва: Юрлитинформ, 2011. – 344 с.
8. **Ситникова А.И.** Уголовно-правовая текстология: монография. – Москва: Проспект, 2016. – 304 с.

References

1. Aktual'nye problemy ugolovnogo prava: uchebnik / отв. red. A.I. Podroikina. – Moskva: Prospekt, 2015. – 560 s.
2. Aktual'nye problemy ugolovnogo prava: kurs lektsii / pod red. O.S. Kapinus. – Moskva: Prospekt, 2016. – 488 s.
3. Aktual'nye problemy ugolovnogo prava. Chast' Obshchaya / pod red. L.V. Inogamovoi-Khegai. – Moskva: Prospekt, 2016. – 224 s.
4. **Gerasina Yu.A.** Prinuditel'nye mery meditsinskogo kharaktera: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk. – Moskva, 2013. – 26 s.
5. **Kononov A.D.** Aktual'nye problemy ugolovnoi otvetstvennosti lits s psikhicheskimi rasstroistvami, ne iskluchayushchimi vmenyaemosti, i primenenie k etim litsam prinuditel'nykh mer meditsinskogo kharaktera: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk. – Moskva, 2019. – 31 s.
6. Psikhicheskie rasstroistva i rasstroistva povedeniya: MKB-10, adaptirovannaya dlya ispol'zovaniya v Rossiiskoi Federatsii / pod obshch. red. B.A. Kozakovtseva, V.B. Gollanda. – Moskva: Minzdrav Rossii, 1998. – 512 s.
7. **Sitnikova A.I.** Zakonodatel'naya tekstologiya ugolovnogo prava: monografiya. – Moskva: Yurilitinform, 2011. – 344 s.
8. **Sitnikova A.I.** Ugolovno-pravovaya tekstologiya: monografiya. – Moskva: Prospekt, 2016. – 304 s.

(статья сдана в редакцию 27.07.2021)

ХУЛИГАНСТВО – НЕСОВЕРШЕННАЯ ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ, КАК ТРАКТУЕТ ЕЕ ЗАРУБЕЖНЫЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬ

HOOLIGANISM – AN IMPERFECT LEGAL CATEGORY AND HOW IT IS TREATED BY A FOREIGN LEGISLATOR

УДК 343

А.Б. БАУМШТЕЙН,

доктор юридических наук, доцент
(Юго-Западный государственный университет,
Россия, Курск)
5068896@list.ru

ANTON B. BAUMSHTEIN,

Doctor of Law, Associate Professor
(Southwest State University, Kursk, Russia)

Ю.И. ВЕТЧИНОВА

(Юго-Западный государственный университет,
Россия, Курск)
vetchinova.yulya@mail.ru

YULIA I. VETCHINOVA

(Southwest State University, Kursk, Russia)

Аннотация: в статье анализируется хулиганство как одно из наиболее распространенных и противоречивых правонарушений в России. Представлены различные точки зрения относительно его трактования. Авторами приводится уголовно-правовая квалификация данного общественно опасного деяния с учетом различных факторов. Обозначены существующие на данный момент проблемы, которые обуславливают необходимость изучения хулиганства как правовой дефиниции. Проанализировано толкование данного термина рядом зарубежных законодателей. Рассмотрено, как регулируется данное деяние в Америке, странах Азии и Европы. В статье приведены некоторые сходства и различия между отечественным толкованием и зарубежным. Представлены достоинства и недостатки современного российского подхода в квалификации хулиганства с учетом сравнительно-правового анализа законодательства зарубежных стран, сделан вывод о неоднозначности законодателей разных стран относительно понимания данного правонарушения. Одни государства не выделяют его как самостоятельный состав преступления, иные вовсе не предусматривают данный вид правонарушения, третьи подходят к его изучению и правовой регламентации довольно многоаспектно. Тем не менее отметим, что Россия уделяет значительное внимание преступлениям против общественной безопасности. Охрана общественного порядка была и будет одной из важнейших задач в нашей стране, именно поэтому она должна обеспечиваться различными правовыми средствами, в том числе и уголовно-правовыми.

Ключевые слова: хулиганство, общественный порядок, общественная безопасность, преступление, правонарушение, уголовное и административное законодательство.

Для цитирования: Баумштейн А.Б., Ветчинова Ю.И. Хулиганство – несовершенная правовая категория, как трактует ее зарубежный законодатель // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2022. № 1. С. 9–14.

Abstract: the article analyzes hooliganism as one of the most widespread and controversial offenses in Russia. Various points of view regarding its interpretation are presented. The authors provides the criminal law qualification of this socially dangerous act, taking into account various factors. The existing problems at the moment are indicated, which lead to the need to study hooliganism as a legal definition. The interpretation of this term by a number of foreign legislators has been analyzed. It is considered how this act is regulated in America, countries of Asia and Europe. The article traces some similarities and differences between the domestic and foreign interpretation. The advantages and disadvantages of the modern Russian approach to the qualification of hooliganism are presented, taking into account the comparative legal analysis of foreign countries, the conclusion was made about the ambiguity of legislators from different countries regarding the understanding of this offense. Some states do not distinguish it as an independent corpus delicti, others do not provide for this type of offense at all, while others approach its study and legal regulation in a rather multifaceted manner. However, we note that Russia is not the last country to devote significant influence to crimes against public safety. The protection of public order has been and will remain one of the most important

tasks in our country, which is why it must be ensured by various legal means, including criminal ones.

Keywords: hooliganism, public order, public safety, crime, offense, criminal and administrative legislation.

For citation: Baumshtein A.B., Vetchinova Yu.I. Hooliganism – an imperfect legal category and how it is treated by a foreign legislator // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1. P. 9–14.

С давних времен залогом стабильного развития любой страны являлся общественный порядок и общественная безопасность. Их реализация представляла собой основное направление в деятельности государства по обеспечению национальной безопасности. Первые упоминания о противодействии лицам, посягающим на общественный порядок, относятся к XVII веку [1, с. 106]. По сей день подобные деяния, которые носят наименование «хулиганство», не теряют своей актуальности, даже причисляются к группе самых распространенных правонарушений.

При этом данный вид правонарушения, будучи одним из обширного перечня преступлений против общественного порядка, причислен к одному из самых распространенных в силу того, что хулиганы составляют почти четверть всех лиц, привлекаемых к уголовной ответственности [2, с. 140]. Как следствие, данная область требует особого внимания со стороны как государства, так и научных кругов.

С.В. Борисов справедливо замечает, что хулиганство смело можно причислить к группе лидеров по общему числу научных споров и правоприменительных ошибок [3, с. 16].

В теории правовых наук нет единого мнения относительно трактования данного деяния в силу ряда факторов. Сам законодатель определил хулиганство как грубое нарушение общественного порядка, выражающееся в явном неуважении к обществу¹. Как мы видим, в данном определении имеют место быть оценочные характеристики (грубое нарушение, явное неуважение). При этом, что понимается под подобными категориями, нигде не определено, что, несомненно, представляет собой правовой недочет [2, с. 141].

Дело осложняется и тем, что в иной отрасли права также находит свое отражение родовое понятие – мелкое хулиганство, предусмотренное административным законодательством. Так, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях трактует его как нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопровождающееся нецензурной бранью в общественных местах, оскорбительным приставанием к

гражданам, а равно уничтожением или повреждением чужого имущества².

Как мы видим, подобные обстоятельства наводят на мысль о сложном и многоаспектном характере категории «хулиганство», что обуславливает внимание к рассматриваемому понятию со стороны научных кругов, дабы обозначить его природу и сущность.

С.П. Мокринский в своей работе замечал, что хулиганство представляет собой не столько само деяние, сколько его свойство, его противоправный характер, который обуславливает хулиганское побуждение [4, с. 899].

Подобную позицию разделяют и современные правоведы, например, С.В. Борисов писал, что хулиганство стоит рассматривать лишь как общность уголовно наказуемых деяний, которые были совершены с хулиганским подтекстом, то есть основным критерием выделения данного деяния будет хулиганский мотив [3, с. 16].

Л.С. Аистова же считает, что упор необходимо делать не столько на побуждении, сколько на подробном описании общественной опасности данного деяния [5, с. 8].

А.П. Ерзиков в качестве контраргумента привел точку зрения, согласно которой у хулиганства нет как таковых специфических черт, которые могли бы безошибочно описать именно его, что в любом случае будет вести к расплывчатости формулировок [6, с. 30].

По мнению К.В. Бубновой, вся сложность в описании данной категории сводится лишь к отсутствию описания тех самых оценочных признаков [7, с. 1110].

И.И. Косарев понимает под хулиганством совокупность отношений между государством и противоправным субъектом, которые регламентируются не только нормами уголовного или административного права, но и моральными нормативными установками [8, с. 190].

Итак, мы видим, что помимо аморфности трактования категории хулиганства на законодательном уровне в науке специфика ее не позволяет выделить единое понимание сущности данного вида правонарушения. В связи с этим возникает закономерный вопрос: что следует предпринять

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.02.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 24.03.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

для того, чтобы уяснить правовое содержание хулиганства, а также избежать неверной квалификации деяний, подпадающих под эту норму?

Одним из путей решения данной проблемы, как утверждают специалисты, является исследование законодательства зарубежных стран в сфере хулиганства. Таким образом, опираясь на их опыт, отечественный законодатель сможет перенять те или иные конструкции, что сможет стать гарантией справедливой квалификации [9, с. 35].

Заметим, что сам термин «хулиганство», по мнению ученых, например П.И. Люблинского, происходит из Америки, так как оттуда имели корни племена индейцев, которые воевали с европейскими поселенцами, впоследствии их так и называли – хулиганы [10, с. 43]. Позже это слово приобрело нарицательный характер: по сей день так называют тех, кто враждебен, склонен к надругательству над определенными ценностями.

Неудивительно, что именно американский законодатель уделяет пристальное внимание проблеме хулиганства, изучению его правой природы, установлению справедливой и соразмерной ответственности за нарушение общественного порядка [11, с. 178].

Примечательно, что в Уголовном кодексе США аналогично Уголовному кодексу Российской Федерации³ приводится дифференцированная система терминов, включающая в себя два вида правонарушений в данной сфере. Первый из них, наименее опасный, подразумевает под собой действие против общественного порядка, общественной безопасности. Второй же представляет собой определенную провокацию или пропаганду общественных беспорядков, неподчинение требованиям полиции разойтись, а иногда вовсе создание громкого шума, однако за все эти деяния наступает уже уголовная ответственность⁴. При этом обязательным условием уголовной ответственности будет являться признак публичности, который подробно раскрывается законодателем, дабы избежать правовых пробелов [12, с. 292].

Таким образом, можно сделать вывод о некоторой схожести российского и американского законодательства в вопросе разграничения общественной опасности хулиганства. И там и там мы видим, что одна категория представляет наибольшую опасность, что выражается в применении уголовной ответственности, а вторая чуть менее опасна. Однако при более подробном толковании выясняется, что характеристики американского

хулиганства подробно раскрыты в уголовном законе США, отечественный законодатель обошел вниманием оценочные признаки хулиганства.

В Голландии под хулиганством понимается сознательное нарушение общественного порядка заведомо ложными криками тревоги или ложными сигналами, а также организация общественного беспорядка либо прерывание различными способами законно организованного общественного митинга, демонстрации, шествия. За подобные деяния наказание предполагает тюремное заключение, однако на небольшой срок – максимум 2 недели. Заметим, что голландский законодатель предусмотрел и более опасные деяния, нарушающие общественный порядок и безопасность, например, когда вышеперечисленные действия сопровождаются насилием или угрозой применения такого насилия, но в данном случае это будет говорить о квалифицирующих признаках к уже обособленному составу преступления, что существенно отягчает толкование криминогенных характеристик хулиганства⁵.

Болгарский законодатель понимает под хулиганством непристойные деяния в форме явного неуважения к обществу, направленные против общественного порядка⁶. В целом при сопоставлении Уголовного кодекса Болгарии и УК РФ можно проследить довольно схожее понимание состава преступления хулиганства, что объяснимо определенным этническим родством болгарского и русского народа.

В Монголии с 1961 года существует обособленная статья, которая предусматривает уголовную ответственность за хулиганство. Так, в понимании монгольского законодателя оно представляет собой сознательное грубое нарушение общественного порядка в форме явного неуважения к обществу. Квалифицирующими признаками здесь могут быть причинение насилия, «исключительный цинизм или дерзость», а также рецидив лица⁷.

В Уголовном кодексе Республики Беларусь не только подробно раскрыта сущность хулиганства, но и присутствует четкая дифференциация на виды в зависимости от тяжести деяния. Так, например, выделяется простое хулиганство, злостное хулиганство и особо злостное хулиганство. Первый вид имеет место быть в случае умышленного нарушения общественного порядка в форме неува-

⁵ Уголовный кодекс Голландии / науч. ред. Б.В. Волженкин; пер. с англ. И.В. Мироновой. – 2 изд. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2001. С. 281–282.

⁶ Уголовный кодекс Республики Болгария / науч. ред. А.И. Лукашова; пер. с болг. Д.В. Милушева. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2001. С. 223.

⁷ Уголовный кодекс Монгольской Народной Республики: официальный текст с изменениями и дополнениями на 1 мая 1969 г. / Юридический комитет Совета Министров МНР. – Улан-Батор, 1969. С. 91.

³ Далее – УК РФ.

⁴ Примерный Уголовный кодекс (США). Официальный проект Института американского права / под ред. Б.С. Никифорова (предисл.); пер. А.С. Никифорова. – Москва: Прогресс, 1969. С. 184–185.

жительного отношения к обществу с применением насилия или повреждением, уничтожением чужой собственности. Второй подразумевает циничный характер ранее названного деяния с дополнительным сопротивлением полиции, совершенного группой лиц или повторно либо же повлекшего причинение увечий лицам. И наконец, наиболее опасный вид хулиганский действий имеет обязательный признак – применение оружия. Заметим, что законодатель довольно строго подошел к назначению ответственности за данное деяние. Так, уже с 14 лет лицо будет полностью нести бремя наказания⁸.

В Уголовном кодексе Украины дается довольно схожая квалификация хулиганства. Однако различие состоит в том, что если белорусский законодатель дал четкое наименование тому или иному виду хулиганского деяния, обозначив за каждый меру наказания, то украинский лишь выделил признаки рецидивности, причинения вреда, организованности, применения оружия и т.д. как квалифицирующие признаки⁹.

Литовская Республика в своем уголовном законе оговаривает составы трех преступных деяний, которые подпадают под традиционное понимание хулиганства. Это массовые беспорядки, нарушение общественного порядка, а также ложное сообщение об угрожающей обществу опасности либо о случившемся несчастье. Но при этом, несмотря на довольно однозначную позицию литовского законодателя, имеет место и собственная норма, содержащая конкретный состав хулиганства. Так, под ним понимаются определенные «дерзкие» действия, угрозы, издевательства, порой с вандалистским подтекстом, выраженные в форме неуважения к обществу, направленные против общественного покоя¹⁰. Таким образом, мы видим, что достаточно подробно описана как сама норма, так и схожие с ней, что уменьшает проблемы в правоприменительной практике.

Латвийская Республика дает схожее толкование в основном уголовном законе, которое сводится к грубому нарушению общественного порядка, выраженному в явном неуважении к общественности, дерзости по отношению к обществу, игнорировании общепринятых норм поведения и морали, вследствие чего нарушается размеренный образ

⁸ Уголовный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 2 июня 1999 года / отв. ред. Р.М. Асланов, А.И. Бойцов, Н.И. Мацнев. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2001. С. 378–379.

⁹ Уголовный кодекс Украины: принят Верховной Радой Украины 5 апреля 2001 г. / науч. ред. В.Я. Тацья, В.В. Сташиса; пер. с укр. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2001. С. 257.

¹⁰ Уголовный кодекс Литовской Республики: утв. Законом № VIII–1968 26 сентября 2000 г. / науч. ред. В. Павилонис; пер. с лит. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2003. С. 354–355.

жизни людей или нормальное функционирование предприятий, учреждений и организаций¹¹.

Эстония более детально подошла к трактованию хулиганских действий. Она, равно как и Белоруссия, классифицирует хулиганские действия на простое хулиганство, злостное и особо злостное. Отличительными особенностями между ними будут являться квалифицирующие признаки, которые неоднократно перечислялись ранее¹².

Республики Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан закрепляют одинаковое определение состава хулиганства, во всех странах оно отнесено к группе преступлений, направленных против общественной безопасности или общественного порядка. В уголовном законодательстве названных стран к хулиганству относят умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок или нормы общепринятого поведения, которые могут быть сопряжены с насилием, угрозой его применения, повреждением имущества, совершенные группой лиц, с применением оружия, сопротивлением представителю власти и др.¹³

Мы можем отметить, что указанные страны, действительно, имеют единое понимание в толковании данного вида правонарушения, что объяснимо тем, что они бывшие страны – участники СССР. Подобный единый опыт существенно повлиял на законотворческие процессы внутри страны даже после распада когда-то единого государства.

Заметим, что не во всех странах уделяется внимание подобному вопросу. Так, уголовный закон Дании четко не определяет понятие «хулиганство», однако похожий по правовой модели вид деяний против общественной безопасно-

¹¹ Уголовный кодекс Латвийской Республики: принят 8 июля 1998 г., введен в действие с 1 апреля 1999 г., с изменениями и дополнениями на 1 августа 2001 г. / науч. ред. А.И. Лукашов; перевод с латышского. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2001. С. 226.

¹² Уголовный кодекс Эстонской Республики, с изменениями и дополнениями на 1 августа 2001 г. / науч. ред. В.В. Запелов (пер.). – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2001. С. 203–204.

¹³ Уголовный кодекс Республики Казахстан: Закон Республики Казахстан от 16 июля 1997 г. № 167, с изменениями и дополнениями на 1 августа 2001 г. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2001. С. 286; Уголовный кодекс Республики Узбекистан, с изменениями и дополнениями на 15 июля 2001 г. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2001. С. 288; Уголовный кодекс Кыргызской Республики: принят Законодательным собранием Жогорку Кенеша Кыргызской Республики 18 сентября 1997 г. (в редакции законов Кыргызской Республики от 21.09.1998 № 124, 09.12.1999 № 141, 23.07.2001 № 77, 19.11.2001 № 92, 12.03.2002 № 36). – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2002. С. 301; Уголовный кодекс Республики Таджикистан: Закон Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574, с изменениями и дополнениями на 1 декабря 2001 г. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2001. С. 247.

сти носит наименование «организация уличных скандалов», которые нарушают общественное спокойствие¹⁴.

Швеция также не имеет в законодательстве правонарушения с наименованием «хулиганство» или «хулиганские действия». Однако так же, как Дания, она предусматривает схожий вид деяний, когда лицо неподобающе себя ведет в общественных местах, шумит, тем самым вызывая общественное негодование. Сама объективная сторона достаточно ясна, что объясняется подробным описанием в диспозиции нормы конкретных характеристик деяния. При этом заметим, что здесь, как и в США, обязательным признаком правонарушения в данной сфере является его публичность¹⁵.

Подобно Дании и Швеции, Турция в Уголовном кодексе, в главе, посвященной преступлениям, посягающим на общественную безопасность, не имеет состава преступления хулиганства, однако закрепляет схожий по природе проступок против общественной нравственности. К таковому относят нахождение лица в нетрезвом состоянии в общественном месте, беспокойство людей или провокация скандала, нарушение отдыха людей или оскорбление лиц. Иная норма, предусматривающая деяние в форме непристойного обнажения себя в публичном месте перед кем-либо, оскорбление словом или пением, нарушение общественной морали, также может подпадать под понимание термина «хулиганство»¹⁶. Мы видим, что турецкий законодатель не счел нужным закрепить данную категорию обособленно в самостоятельный состав.

Также неоднозначно решается вопрос толкования хулиганства в Австрии и Германии. В уголовных кодексах обеих стран предусматривается раздел преступных деяний, направленных против общественного спокойствия, однако сама норма, которая, казалось бы, подпадает под диспозицию хулиганства, по своей природе таковой не является, то есть в данном случае целью подобного деяния против общественного порядка является совершение в составе группы людей убийств, нанесение увечий, повреждение имущества и т.д., что вытекает из самого призна-

ка данного правонарушения – сопряженное с насилием и совершенное группой лиц¹⁷.

Исходя из этого, можно сделать вывод о неверном отнесении и австрийским, и немецким законодателям данного вида преступлений к посягающим на общественное спокойствие. По нашему мнению, для более точного толкования следовало бы отнести его к насильственным преступлениям.

В Уголовном кодексе Польши, по-видимому, вообще отсутствует норма о хулиганском деянии как самостоятельном правонарушении. При анализе группы преступлений, посягающих на общественную безопасность и общественный порядок, близким по содержанию может являться лишь осквернение исторически значимых мест, памятников и т.д.¹⁸ Однако, как можно заметить, данное деяние скорее можно соотнести с вандализмом, из чего следует правовое упущение польского законодательства.

Швейцария не отличается от ранее названных стран, поскольку также не закрепляет состава правонарушения «хулиганство». Мы можем лишь попытаться соотнести имеющуюся норму Уголовного кодекса Швейцарии, которая предусматривает участие лица в драке, повлекшей причинение тяжких увечий либо смерть, со знакомым нам понятием¹⁹. В данном случае объектом данного преступления является не столько общественный порядок и безопасность, сколько жизнь и здоровье человека.

В Японии вовсе после военной реформы 1946 года из Уголовного кодекса были исключены нормы о преступлениях против общественного спокойствия и порядка²⁰.

Таким образом, проведя сравнительно-правой анализ законодательства в сфере хулиганства, мы можем сделать вывод о неоднозначности законодателей разных стран относительно понимания данного правонарушения. Одни государства не выделяют его как самостоятельный состав преступле-

¹⁴ Уголовный кодекс Дании / науч. ред. С.С. Беляев; пер. с дат. С.С. Беляева. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2001. С. 124.

¹⁵ Уголовный кодекс Швеции / науч. ред. Н.Ф. Кузнецова, С.С. Беляев; пер. С.С. Беляева. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2001. С. 263.

¹⁶ Уголовный кодекс Турции: принят Великим Национальным Собранием Турции на 1 марта 1926 г., с изменениями и дополнениями на 3 августа 2002 г. / науч. ред. и предисл. Х. Аджар; пер. Х. Бабаев. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2003. С. 360.

¹⁷ Уголовный кодекс Австрии: принят 29 января 1974 г., вступил в силу с 1 января 1975 г., с изменениями и дополнениями на 1 мая 2003 г. / науч. ред. и вступ. ст. С.Ф. Милюкова; пер. с нем. Л.С. Вихровой. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2004. С. 300; Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия: в редакции от 13 ноября 1998 г. по состоянию на 15 мая 2003 г. / науч. ред. и вступ. ст. Д.А. Шестакова; пер. с нем. Н.С. Рачковой. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2003. С. 281.

¹⁸ Уголовный кодекс Республики Польша: с изменениями и дополнениями на 1 августа 2001 г. / науч. ред. А.И. Лукашова, Н.Ф. Кузнецовой; пер. с пол. Д.А. Барилевич. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2001. С. 17.

¹⁹ Уголовный кодекс Швейцарии / науч. ред., предисл. и пер. с нем. А.В. Серебренниковой. – 2 изд., доп. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2002. С. 168.

²⁰ Уголовный кодекс Японии, с изменениями и дополнениями на 1 января 2002 г. / науч. ред. А.И. Коробеева; пер. с яп. В.Н. Еремина. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2002. С. 16.

ния, иные вовсе не предусматривают данный вид правонарушения, третьи подходят к его изучению и правовой регламентации довольно многоаспектно. Тем не менее отметим, что Россия уделяет значительное внимание преступлениям против общественной безопасности. Охрана общественного порядка была и будет одной из важнейших задач в нашей стране, именно поэтому она должна обеспечиваться различными правовыми средствами, в том числе и уголовно-правовыми. Однако, несмотря на свою важность и актуальность, данная проблема требует дальнейшей проработки. По сей день у отечественного законодателя остается ряд серьезных вопросов, относящихся к уголовно-правовому обеспечению охраны общественного порядка [11, с. 37], в том числе это касается и более детального изучения и закрепления хулиганства как одного из основных видов преступлений против общественного порядка. Во многом эта проблема может быть

решена путем совершенствования российского законодательства именно посредством зарубежного нормотворческого опыта. Несомненно, мы не должны копировать ту или иную модель уголовной регламентации, учитывая, что многие государства не имеют таковой, однако, по нашему мнению, мы можем взять в разработку те или иные идеи стран зарубежья, но с учетом российских особенностей. Например, более подробно дифференцировать систему хулиганских действий, как в США, Белоруссии или Эстонии. Можно использовать и более четкое описание оценочных характеристик деяния, как в Голландии, Литве, Казахстане. И только в случае доработки, более подробного описания и закрепления рассматриваемого в данной статье деяния российский законодатель сможет преодолеть те правовые коллизии, ошибки в правоприменительной деятельности, которые существуют на данный момент.

Литература

1. **Орлова В.А.** Понятие и виды хулиганства в современном российском законодательстве // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2011. – № 5 (11). – С. 106–109.
2. **Тапилина В.Д.** Ответственность за хулиганство в Российской Федерации: проблемы теории и практики применения // Аллея науки. – 2016. – № 3 (3). – С. 139–146.
3. **Борисов С.В.** Понятие хулиганства // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2005. – № 9. – С. 15–17.
4. **Мокринский С.П.** Озорство и хулиганство // Ежегодник советской юстиции. – 1924. – № 38. – С. 898–901.
5. **Аистова Л.С.** Проблемные вопросы определения сущности хулиганства // Уголовный закон России: пути развития и проблемы применения: сборник научных статей. – Санкт-Петербург, 2013. С. 7–10.
6. **Ерзигов А.П.** К вопросу о совершенствовании законодательства об ответственности за хулиганство // Научные основы повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел. – Тюмень, 2013. С. 29–31.
7. **Бубнова К.В.** Общественная опасность как криминологическое основание установления уголовной ответственности за хулиганство // Научное сообщество студентов: междисциплинарные исследования: сборник статей. – Новосибирск, 2018. С. 1107–1112.
8. **Косарев И.И.** Субъект хулиганства // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 1. – С. 189–192.
9. **Горбачева А.Ю.** Особенности уголовной ответственности за хулиганство // Научные вести. – 2019. – Т. 6. – С. 32–37.
10. **Люблинский П.** Хулиганство и его социально-бытовые корни // Хулиганство и хулиганы: сборник статей. – Москва: Изд-во НКВД РСФСР, 1929. С. 38–62.
11. **Паэлов В.Г.** Ответственность за хулиганство в уголовном законодательстве зарубежных стран // Ленинградский юридический журнал. – 2017. – № 3 (49). – С. 175–189.
12. **Black H.C., Garner B.A.** Black's Law Dictionary. – 7th edition. – St. Paul, Minn.: West Group, 1999. – 1738 p.

References

1. **Orlova V.A.** Ponyatie i vidy khuliganstva v sovremennom rossiiskom zakonodatel'stve // Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. – 2011. – № 5 (11). – S. 106–109.
2. **Tapilina V.D.** Otvetstvennost' za khuliganstvo v Rossiiskoi Federatsii: problemy teorii i praktiki primeneniya // Alleya nauki. – 2016. – № 3 (3). – S. 139–146.
3. **Borisov S.V.** Ponyatie khuliganstva // Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2005. – № 9. – S. 15–17.
4. **Mokrinskiy S.P.** Ozorstvo i khuliganstvo // Ezhenedel'nik sovetskoi yustitsii. – 1924. – № 38. – S. 898–901.
5. **Aistova L.S.** Problemnye voprosy opredeleniya sushchnosti khuliganstva // Ugolovnyi zakon Rossii: puti razvitiya i problemy primeneniya: sbornik nauchnykh statei. – Sankt-Peterburg, 2013. S. 7–10.
6. **Erzegov A.P.** K voprosu o sovershenstvovanii zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za khuliganstvo // Nauchnye osnovy povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov organov vnutrennikh del. – Tyumen', 2013. S. 29–31.
7. **Bubnova K.V.** Obshchestvennaya opasnost' kak kriminologicheskoe osnovanie ustanovleniya ugovolnoi otvetstvennosti za khuliganstvo // Nauchnoe soobshchestvo studentov: mezhdistsiplinarnye issledovaniya: sbornik statei. – Novosibirsk, 2018. S. 1107–1112.
8. **Kosarev I.I.** Sub'ekt khuliganstva // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2012. – № 1. – S. 189–192.
9. **Gorbacheva A.Yu.** Osobennosti ugovolnoi otvetstvennosti za khuliganstvo // Nauchnye vesti. – 2019. – T. 6. – S. 32–37.
10. **Lyublinskiy P.** Khuliganstvo i ego sotsial'no-bytovye korni // Khuliganstvo i khuligany: sbornik statei. – Moskva: Izd-vo NKVD RSFSR, 1929. S. 38–62.
11. **Pavlov V.G.** Otvetstvennost' za khuliganstvo v ugovolnom zakonodatel'stve zarubezhnykh stran // Leningradskii yuridicheskii zhurnal. – 2017. – № 3 (49). – S. 175–189.
12. **Black H.C., Garner B.A.** Black's Law Dictionary. – 7th edition. – St. Paul, Minn.: West Group, 1999. – 1738 p.

(статья сдана в редакцию 02.06.2021)

РЕАЛИЗАЦИЯ НОВОЙ ТЕХНОЛОГИИ ЦИФРОВОГО КОНТРОЛЯ QR-КОДОВ В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ГОРОДСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

IMPLEMENTATION OF A NEW TECHNOLOGY FOR DIGITAL CONTROL OF QR CODES IN THE PREVENTION OF URBAN CRIME

УДК 343.375

М.А. ЖЕЛУДКОВ,
доктор юридических наук, доцент
(Тамбовский государственный
технический университет,
Россия, Тамбов)
kandydat1@yandex.ru

MIKHAIL A. ZHELUDKOV,
Doctor of Law, Associate Professor
(Tambov State Technical University,
Tambov, Russia)

Аннотация: в статье изучены новые мероприятия в предупреждении преступности, в том числе используемые в других отраслях знаний или вообще в других сферах регулирования общественных отношений. Исследовательский интерес к таким мерам определяется тем, что применение научно-технического прогресса в преступной деятельности возлагает на исследователей задачу не только изучения причин и условий преступности, но и анализа применения новых мер предупреждения с использованием цифровых технологий, в том числе программ искусственного интеллекта. Представлена гипотеза о том, что совершенствование реализации программы «Безопасный город» должно идти в совокупности с новыми системами искусственного интеллекта, сочетаться с программами распознавания лиц и различными видами идентификации личности. Проблемные вопросы применения этих технологий, рассмотренные в данной статье, требуют нового отношения к правовому обеспечению безопасности общества, личности и государства. Сделано предположение о том, что системность в этом вопросе находится на низком уровне. В частности, нормативные акты, регулирующие использование QR-кодов и информации, которая от них получена, полностью не систематизированы. Отсутствует правовая экспертиза данных документов. В статье предложена новая модель безопасности городской среды с учетом цифровых технологий системы QR-кодов, показавших свою эффективность в других сферах жизнедеятельности общества.

Ключевые слова: цифровые технологии, QR-коды, персональные данные, безопасность городской среды, предупреждение преступности.

Для цитирования: Желудков М.А. Реализация новой технологии цифрового контроля QR-кодов в предупреждении городской преступности // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2022. № 1. С. 15–21.

Abstract: the article examines new measures in crime prevention, including those used in other branches of knowledge or in general in other areas of regulation of public relations. Research interest in such measures is determined by the fact that the application of scientific and technological progress in criminal activity imposes on researchers the task of not only studying the causes and conditions of crime, but also analyzing the application of new prevention measures using digital technologies, including artificial intelligence programs. The hypothesis is presented that the implementation of the «Safe City» program should be carried out in conjunction with new artificial intelligence systems, combined with face recognition programs and various types of identity identification. The problematic issues of the use of these technologies discussed in this article require a new attitude to the legal security of society, the individual and the entire state. The assumption is made that the consistency in this matter is at a low level. In particular, the regulations governing the use of QR codes and the information received from them are not fully systematized. There is no legal examination of these documents. In this article, a new model of urban environment security is proposed, taking into account the digital technologies of the QR-code system, which have shown their effectiveness in other spheres of society.

Keywords: digital technologies, QR codes, personal data, safety of the urban environment, crime prevention.

For citation: Zheludkov M.A. Implementation of a new technology for digital control of QR codes in the prevention of urban crime // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1. P. 15–21.

Современные криминологические исследования традиционно начинаются с изучения элементов и характеристик видовой преступности, мер по ее предупреждению. Предлагаемый контур является наиболее правильным. Однако в последние годы в науке, правоприменении и криминальной обстановке произошли достаточно серьезные изменения, способы и методы совершения преступлений не стоят на месте, они трансформируются, приобретают новые формы [1].

Поэтому исследователям постоянно приходится обращаться к новым понятиям в предупреждении преступности, в том числе используемым в других отраслях знаний или вообще в других сферах регулирования общественных отношений. В этой связи очень важно не запоздать в использовании новых знаний и категорий. Криминальная ситуация в городах существенно отличается от периода даже 10-летней давности. Происходит переориентация преступников на новые технологии совершения преступлений. Например, появляются новые преступные технологии метода подмены лиц – дипфейка. По представленным в отчетах данным статистики за январь – май 2021 года в целом уровень преступности в России по видам стабильно снижался. Однако общее количество зарегистрированных преступлений возросло на 1,6% за счет киберпреступности. Преступлений в сфере информационных и других интернет-технологий зарегистрировано на 25,7% больше, чем год назад, в том числе совершенных при помощи сети Интернет – на 48,4%, с использованием компьютерной техники – на 40,1%¹. Подобное применение научно-технического прогресса в преступной деятельности возлагает на исследователей задачу не только изучения причин и условий данной преступности, но и анализа применения новых мер предупреждения с использованием цифровых технологий, в том числе программ искусственного интеллекта. Попробуем обосновать необходимость такого шага по предупреждению преступности в городской среде. Уровень городского населения постоянно возрастает как во всем мире, так и на территории России. Если в прошлом веке подобный показатель не превышал 50% жителей, то за последние 10 лет, по данным статистики, городское население России составляет около 2/3 от всех проживающих граждан на нашей территории (на

1 января 2021 г. – 74,74%)². В статье не затрагиваются данные по мигрантам, количество которых в городах периодически увеличивает население конкретного города на 20–50%. Подобный рост городских жителей неизбежно ставит вопросы обеспечения безопасности городской среды, например, с использованием новых систем видеонаблюдения. Также в условиях стабильного роста городского населения возрастают требования к правоохранительным органам по сокращению времени реагирования на пресечение преступлений и их последующее раскрытие. Естественно, что реализация этих требований сегодня невозможна без применения новых технологий цифровой городской среды. Поскольку большинство новых технологий безопасности основано на программах искусственного интеллекта, следует обратить внимание на их содержательный момент. Подобные программы не просто имитируют когнитивные функции лица, но и достаточно быстро просчитывают заданные параметры, что бывает важным в своевременном правоохранительном реагировании. Среди различных средств обеспечения безопасности городской среды выделяется аппаратно-программный комплекс «Безопасный город». Его первичное нормативное и техническое регулирование было осуществлено в 2014 году. Комплекс «Безопасный город» представляет собой один из основных элементов цифровой экономики в городской среде. Его концепция подразумевает всесторонний охват наиболее криминогенных мест видеонаблюдения для более быстрого реагирования сотрудников правоохранительных и иных органов при постоянном видеоконтроле городской среды. Комплекс «Безопасный город» получает фото- и видеоизображения живых людей. Технологии искусственного интеллекта, применяемые в этом комплексе в виде систем распознавания лиц, позволяют сделать эти файлы информативными и доступными для идентификации в правоохранительной работе. Современные программы способны не только зафиксировать происходящее на видеонаблюдении, но и с помощью нейросетей опознать преступников, которые находятся в розыске. Кроме того, по мере развития технологий создаются новые возможности для более быстрого правоохранительного реагирования. Однако вновь напомним о том, что безопасность городской среды от преступ-

¹ Состояние преступности в России за январь – май 2021 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/24742236/> (дата обращения: 04.08.2021).

² Витрина статистических данных [Электронный ресурс]. – URL: <https://showdata.gks.ru/report/278932/> (дата обращения: 24.08.2021).

ности – это не вопросы фиксации криминальной ситуации, а комплексная проблема обеспечения правоохранительного реагирования и предупреждения преступности [2]. Нельзя только надеяться на визуальное распознавание объекта. Система может обработать информацию и выдать соответствующие данные. Идентификация людей по внешнему виду позволяет получить информацию о конкретном человеке из информационных баз правоохранительных органов. Например, возможно, что данное лицо обладает правом хранения и использования оружия для охоты. В этом случае его нахождение на улицах города с оружием сразу создает криминальную ситуацию, требующую соответствующего реагирования. Однако считаем необоснованными выводы определенных экспертов, которые думают, что нейросети могут решить все задачи по обеспечению безопасности нашего общества. Нейросеть действует быстрее, чем человек, только в обработке информации. Возможно, программы могут определить пол, возраст, расу человека, распознать его данные, сопоставив с полученной информационной средой, даже понять различные поведенческие установки, но распознать – не значит среагировать. В дальнейшем все зависит от комплекса мер по пресечению преступлений, профилактических и оперативно-розыскных действий сотрудников правоохранительных органов. Например, система распознает оружие в руках человека, и камера зафиксировала данный момент. Но если для оператора подобный видеоснимок пройдет незамеченным, то для алгоритмов нейросети фиксация человека с оружием своевременно выделяется в отдельный предупреждающий сигнал для последующего человеческого реагирования. Поэтому обоснованно считаем, что программы, используемые в комплексе «Безопасный город», должны не только уметь распознавать определенные объекты, но и определять алгоритм поведения людей, наличие криминальных инцидентов, влекущих дальнейшее правоохранительное реагирование. По данным различных экспертов, системы искусственного интеллекта сегодня позволяют идентифицировать любое опасное поведение людей в толпе. Главное – заложить в их программы заданный алгоритм поведения и соответствующие социальные правила. Для создания алгоритма в программу загружаются фото- и видеозаписи, которые несут в себе качественный признак опасности. Например, человек разбивает стекло автомобиля или наносит физические травмы другому лицу. Нейросеть будет изучать множество объектов и затем сформирует дифференциацию поведенческого аспекта людей на улице по заданным признакам опасности. Самое важное, чтобы программа вовремя сигнализировала сотрудникам правоохранительных органов, которые

находятся в районе деяния и могут своевременно среагировать на негативные обстоятельства. Контрольно-проверочные мероприятия осуществляют люди, поэтому задача программ распознавания лиц – максимально быстро предоставить им информацию о потенциальных криминальных ситуациях.

Новые технологии безопасности общества и личности в городской среде постоянно развиваются, и среди них выделим технологии цифрового контроля – QR-коды. В данной статье не ставится задача обосновать необходимость их введения или выявить нарушения прав и свобод человека при их применении. Попробуем без эмоций проанализировать их криминологическую значимость в обеспечении безопасности городской среды от преступности, а также проблемные вопросы, возникающие при их применении. Данные передовые технологии контроля применяются в различных государствах, где в условиях полной цифровизации эффективно решают задачи продажи товаров в крупных супермаркетах. Впервые технологию QR-кодов применили в Японии как своеобразный штрихкод для хранения большего объема информации и более быстрого считывания информации POS-терминалами. В России был разработан Национальный стандарт ГОСТ Р ИСО/МЭК 18004-2015, в котором выделено следующее содержание подобного понятия: «QR Code – матричная символика, которая состоит из массива квадратных модулей, структурированных в регулярную квадратную матрицу, включая уникальные шаблоны поиска, размещенные в трех углах символа (в Micro QR Code – только в одном углу) и предназначенные для упрощения определения места нахождения, размера и наклона символа»³. Загрузка на смартфон QR Code позволяет не только оплачивать им покупки, но и обмениваться ссылками, скачивать приложения и др. Популярны сервисы, где при наличии кода можно осуществить операции по переводу денег, оплату коммунальных услуг, рассчитаться в ресторанах.

Для правильного понимания содержания QR-кодов выделим их свойство оплаты и покупки товаров. Для этого продавец в программе генерирует статический или динамический код. Их отличие заключается в наличии у динамического кода информации о транзакции. Статический код сканируется смартфоном при помощи специального платежного приложения, появляется получатель перевода денег, вводится сумма покупки и под-

³ Об утверждении национального стандарта: приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 3 июня 2015 г. № 544-ст [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200121043> (дата обращения: 24.08.2021).

тверждение оплаты. В динамическом коде меняется сумма покупки, она отражается уже в самом коде, поэтому не нужно ее вводить, происходит только сканирование и подтверждение оплаты. Покупатель также может создать свой личный одноразовый QR-код, и уже продавец производит сканирование, деньги автоматически списываются со счета покупателя.

Однако подобная технология развивается не только в направлении торговли, но и находит применение в области цифрового контроля за поведением и перемещением людей. Во всем мире и в различных закрытых учреждениях (в том числе исправительных) цифровые технологии становятся основой для систем государственного и корпоративного контроля. В условиях коронавирусной инфекции в 2020 году в Китае возникла идея использовать личный QR-код для каждого жителя данной страны. Цель – идентификация заболевших данной инфекцией и обнаружение контактирующих с ними людей. Для этого было использовано мобильное приложение «Alipay Health Code», которое вначале было разработано именно для оплаты покупок по QR-кодам в магазинах и супермаркетах. Приложение устанавливалось на смартфоны жителей городов и сельских поселений, но наибольшее развитие получило именно в крупных городах, где расчеты кодами создавали удобство оплаты покупок, в том числе в интернет-магазинах. При подключении и скачивании данной программы система запрашивала геолокацию, место проживания и другую личную информацию, которая в автоматическом режиме поступала на серверы, контролируемые государством. После проверки полученных данных искусственный интеллект указанной программы присваивал человеку личный QR-код различной цветовой гаммы. Зеленый цвет кода разрешал перемещение человека по территориям страны и города без ограничений. Желтый цвет кода ограничивал перемещение на неделю домашнего режима. Красный цвет кода предусматривал карантин на две недели.

Привязка данной системы к камерам видеоконтроля позволила поставить всех жителей Китая под полный тотальный цифровой контроль. Система Alipay Health Code действовала в автоматическом режиме по заданному алгоритму, и поэтому возникали проблемные ситуации в том, что жители одного дома могли иметь разные цветовые гаммы кодов. Проводимый контроль позволял выявлять все контакты потенциальных носителей вируса и отправлять на карантин лиц, даже по случайности находившихся с больным в одном районе.

Постепенно данные коды стали пропуском на передвижение в городах Китая и проход в опре-

деленные учреждения (метро, рестораны, супермаркеты, служебные учреждения). Система работала таким способом, где каждый отсканированный QR-код пересылался в облачное хранилище и по заданному алгоритму можно было автоматически отследить перемещение любого человека. Все электронные сервисы городской среды были аккумулярованы с данной системой. Например, система видеонаблюдения позволяла отследить любого человека с неправильным кодом. Возникали случаи, когда человек по необходимости находился в одном помещении с заболевшим коронавирусом. В этот момент у него автоматически менялся цвет его личного кода на красный или желтый цвет. На смартфон данного жителя поступало СМС-сообщение о том, что он должен дожидаться реагирования властей. При нарушении этих условий все дальнейшие передвижения лица отслеживались камерами до пресечения негативных действий. Каждому присваивался индивидуальный кодовой номер, позволявший идентифицировать человека.

С учетом подобной идентификации и пересылки на сервер персональных данных все QR-коды становились все более связанными не только со смартфоном, но и с конкретным человеком. Появление и быстрое распространение данных информационных технологий предполагает наличие серьезного внимания к местам получения и хранения информации. Создается технологическая платформа, включающая в себя сам код, программы его генерирования, устройства для обработки кодов, программы на смартфонах и базы хранения полученной информации.

Привлекательность QR-кодов привлекла внимание не только государственных структур, но и потенциальных преступников. Киберпреступники быстро освоили данную технологию и выявили существенные пробелы в ее безопасном использовании. Например, создается QR-код со счетом на определенную личность с помощью приложений – генераторов этих кодов. Затем в магазине или автоматизированном торговом устройстве изначальный код заклеивается кодом мошенника. Покупатель или получатель услуг сканирует данный код, переводит деньги, а услугу не получает. Деньги уходят мошенникам. Подобное хищение может произойти при рассылке подложных штрафных квитанций или квитанций об оплате жилищных услуг. В отношении QR-кодов, которые генерируют покупатели, также возможны хищения, если до оплаты указанный код с помощью вирусной программы или простого фотографирования вашего смартфона попадет на смартфон преступника, у которого установлен специальный сканер данных кодов.

В результате анализа функционирования QR-кодов были выявлены следующие их полезные свойства для предупреждения преступности:

1. Совершенствуется реализация возможностей правоохранительных органов по удаленному отслеживанию реальных и потенциальных преступников, а также преступников, находящихся в розыске.

2. Развиваются основы новой цифровой профилактики и идентификации лиц, находившихся на месте совершения преступления.

3. Повышается безопасность городской среды.

4. Использование QR-кодов окажет помощь в раскрытии преступления, совершенного в местах, где камеры видеонаблюдения отсутствуют. Достаточно выявить все смартфоны с кодами в указанном районе, сверить месторасположение и выявить подозреваемых и свидетелей преступления. Наличие других средств идентификации (ДНК, мобильная связь) позволит ускорить расследование преступления и изобличение преступника.

5. Непрерывный мониторинг всех кодов на территории города позволит сотрудникам, имеющим доступ к данной информации, отследить не только месторасположение лица, но и его маршрут следования в пределах действия камер и вышек мобильной связи. Использование при мониторинге интерактивной карты раскрывает всю информацию о действиях лица на местности.

Существуют потенциальные и реальные риски от применения QR-кодов:

- несовместимость систем QR-кодов с программами распознавания лиц;
- неотработанная структура конфиденциальности полученных сведений;
- уязвимость кодов и слабый уровень защиты от взлома, изменения данных, кибератак;
- неотработанная методика получения, хранения данных персональной и иной информации и их последующего использования, в том числе в коммерческих целях;
- дискриминационные формы применения QR-кодов в системе цифрового контроля за человеком.

Изучая основы правового регулирования данной сферы, следует отметить, что системность в этом вопросе пока не налажена, нормативные акты, регулирующие использование QR-кодов и информации, которая от них получена, полностью не отработаны. В основном используются законы и подзаконные акты, регулирующие частичное применение данных кодов в смежных областях деятельности. В частности, в технической области их регулирование закреплено Национальным стандартом ГОСТ Р ИСО/МЭК 18004-2015, в области кассовых расчетов – Федеральным законом от 22.05.2003 № 54-ФЗ «О применении

контрольно-кассовой техники при осуществлении расчетов в Российской Федерации», а также письмом Минфина России от 10 августа 2020 г. № 02-06-10/73528 «Об использовании QR-кода в кассовом чеке и бланке строгой отчетности».

В этом отношении очень важно обратить внимание на такое понятие, как локализация персональных данных по QR-кодам. Считаем, что подобный вопрос не урегулирован действующим законодательством. В Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» к этим данным отнесена любая информация о физическом лице, где оператором, совершающим действия с информацией, является любое лицо, организующее или осуществляющее их обработку, а именно любые действия, совершаемые с использованием средств автоматизации или без их использования, включая сбор, запись, систематизацию, накопление, хранение, уточнение (обновление, изменение), извлечение, использование, передачу (распространение, предоставление, доступ), обезличивание, блокирование, удаление, уничтожение персональных данных⁴.

На основании положений ч. 5 ст. 18 указанного закона при их сборе оператор обязан записывать, систематизировать и главным образом хранить эти данные, то есть производить их локализацию. Существуют исключения, связанные с государственными и муниципальными нуждами, однако они никоим образом не отменяют тот факт, что сведения, заносимые сегодня в QR-коды, могут иметь характер персональных данных. Важно отметить то, что указанный закон потребовал разъяснения от Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации и Роскомнадзора. Однако и в их толковании норм закона прослеживаются пробелы, которые не решены на практике. Например, если оператором является тот, кто целенаправленно собирает эти данные, то будут ли являться таковыми рестораны города Москвы, которые в период пандемии коронавируса пропускали посетителей по данным кодам и проверяли их соответствие? Требования о локализации распространяются на самого оператора, а если он передает сведения на другое облачное хранилище, то указанные требования, получаемые не непосредственно от субъекта персональных данных, на другого оператора не распространяются. Обработывая данные, полученные от оператора, электронный сервис может их не локализовать и не хранить.

⁴ О персональных данных: Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант».

Таким образом, передача персональных данных, дальнейшее их использование на любой автоматизированной системе или иными лицами законом не урегулированы. Нет законодательного понимания того, чем является запись, систематизирование, накопление, хранение и извлечение персональных данных, в частности, по информации, которая заносится в QR-коды. Остается нерешенным вопрос о хранении всех информационных источников. В свою очередь, базой данных может считаться любое упорядочивание полученных сведений на носителе. Например, таблица в формате Excel, созданная в ресторане по лицам, которые предоставили свои QR-коды, также считается базой персональных данных, и на нее должны распространяться ограничения, указанные в законе.

Не отработана правовая база того, каким образом применение технологий искусственного интеллекта не будет нарушать законы, защищающие персональные данные. Каждая нейросеть для обучения использует обучающую базу, состоящую из различных сведений, которые при определенных обстоятельствах могут быть персональными. На сегодня отсутствует системность в этом вопросе, не ясно, как обеспечена защита этих обучающих баз. Представим ситуацию, когда человек узнает, что его фотоизображение использовалось для обучения нейросети по повадкам преступника. Если он подает запрос на удаление своих фотографий, будет ли нейросеть переучиваться? Подобные вопросы пока не получили своего юридического сопровождения. Указанные проблемные вопросы цифровой экономики требуют нового правового регулирования [3, с. 96].

Учитывая, что данная технология будет и дальше развиваться, обратим внимание на некоторые первичные меры общей профилактики [4]. Прежде всего необходимо поставить специальное приложение для защиты от вредоносного контента на смартфон, который будет использоваться для генерации QR-кодов или осуществления покупок. Всегда следует сверять наименование получателя денег и сумму перевода с отображением сведений на смартфоне. Обращайте внимание на наличие двух или трех наклеенных QR-кодов друг на друга. Генерируйте свой код только в момент оплаты и обращайтесь внимание на посторонних лиц. Передача смартфона другому лицу со своим кодом сразу будет выявлена по системам распознавания лиц.

Поскольку цифровая трансформация нашего общества представляет собой будущую реальность, считаем необходимым предложить новую модель безопасности городской

среды с учетом цифровых технологий, показавших свою эффективность в других сферах жизнедеятельности общества. Создание базы QR-кодов в сочетании с программой распознавания лиц позволит автоматически в режиме реального времени не только опознать конкретного человека, но и получить всю информацию о его местонахождении в определенный момент времени. Предполагаем, что развитие программы «Безопасный город» должно идти в совокупности в новых системах искусственного интеллекта, сочетаться с программами распознавания лиц и различными видами идентификации личности. Проблемные вопросы применения этих технологий, рассмотренные в данной статье, требуют нового отношения к правовому обеспечению безопасности [5]. Технологии QR-кодов достигли уровня применения, где под их реализацию и достижение новых пределов защиты персональных данных требуется уже не точечное изменение законов, а внесение нового закона о QR-кодах и других технологиях маркировки и идентификации объектов. Система безопасности общества и личности от преступности должна быть последовательно управляемой [6, с. 84], иметь многоуровневые системы защиты информационных данных, иметь набор цифровых технологий для обеспечения конфиденциальности и алгоритм принятия решения в получении, хранении и использовании этих данных. QR-коды не заменяют собой иные способы идентификации личности, например, с помощью отпечатков пальцев рук или ДНК. Их задача состоит в обеспечении идентификации человека именно в момент совершения преступного деяния или в процессе розыска преступника, а не только в момент расследования совершенного преступления. Конечно, не предполагается, что система QR-кодов должна превратиться в тотальную структуру цифрового контроля за конкретным человеком. Именно сейчас следует начинать общественное обсуждение указанных цифровых средств безопасности городской среды, так как их бесконтрольное, не имеющее правового обеспечения применение может создать серьезные негативные последствия для конкретного законопослушного человека в России. Важно найти точки соприкосновения применения содержания новых технологических средств в программах «Безопасного города» и правовых основ жизнедеятельности общества, где каждое применение новых технологий будет направлено только на совершенствование борьбы с преступностью, а не на нарушение прав и свобод конкретной личности.

Литература

1. **Буслов М.М.** Криминологическая оценка и предупреждение краж и грабежей, совершаемых молодежью. – Москва: Юрлитинформ, 2020. – 179 с.
2. **Кураш А.** Какие проблемы «Безопасного города» выявляет практика [Электронный ресурс]. – URL: http://www.cnews.ru/articles/2016-04-19_kakie_problemy_bezopasnogo_goroda_vyavlyayet_praktika (дата обращения: 05.02.2021).
3. **Орлова Е.Е.** Мониторинговые технологии повышения эффективности правотворчества в государствах – участниках СНГ в контексте евразийской перспективы // Право: история и современность. – 2021. – № 2 (15). – С. 96–106.
4. **Меркурьев В.В.** Защита безопасности человека и его жизнедеятельности. – Москва, 2005. – 350 с.
5. **Пинкевич Т.В., Смольянинов Е.С.** Международный опыт противодействия преступной деятельности с использованием криптовалюты: учебно-практическое пособие. – Москва: Академия управления МВД России, 2021. – 108 с.
6. **Желудков М.А., Сидоренко К.В.** Актуальные вопросы соотношения сферы дактилоскопической регистрации и правоохранительной деятельности при создании основ сильного государства в России // Право: история и современность. – 2018. – № 4. – С. 83–90.

References

1. **Buslov M.M.** Kriminologicheskaya otsenka i preduprezhdenie krazh i grabezhei, sovershaemykh molodezh'yu. – Moskva: Yurlitinform, 2020. – 179 s.
2. **Kurash A.** Kakie problemy "Bezopasnogo goroda" vyavlyayet praktika [Elektronnyi resurs]. – URL: http://www.cnews.ru/articles/2016-04-19_kakie_problemy_bezopasnogo_goroda_vyavlyayet_praktika (data obrashcheniya: 05.02.2021).
3. **Orlova E.E.** Monitoringovye tekhnologii povysheniya effektivnosti pravotvorchestva v gosudarstvakh – uchastnikakh SNG v kontekste evraziiskoi perspektivy // Pravo: istoriya i sovremennost'. – 2021. – № 2 (15). – S. 96–106.
4. **Merkur'ev V.V.** Zashchita bezopasnosti cheloveka i ego zhiznedeyatel'nosti. – Moskva, 2005. – 350 s.
5. **Pinkevich T.V., Smol'yaninov E.S.** Mezhdunarodnyi opyt protivodeistviya prestupnoi deyatel'nosti s ispol'zovaniem kriptovalyuty: uchebno-prakticheskoe posobie. – Moskva: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2021. – 108 s.
6. **Zheludkov M.A., Sidorenko K.V.** Aktual'nye voprosy sootnosheniya sfery daktiloskopicheskoi registratsii i pravookhranitel'noi deyatel'nosti pri sozdani osnov sil'nogo gosudarstva v Rossii // Pravo: istoriya i sovremennost'. – 2018. – № 4. – S. 83–90.

(статья сдана в редакцию 05.10.2021)

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОТРАЖЕНИЯ НЕОКОНЧЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

CRIMINAL LAW CHARACTERISTICS OF THE REFLECTION OF AN UNFINISHED CRIME IN THE SPECIAL PART OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

УДК 343.2/.7

А.А. ИЛИДЖЕВ,

кандидат юридических наук, доцент
(Казанский юридический институт
МВД России,
Россия, Казань)
ilidsasha@yandex.ru

ALEKSANDR A. ILIDZHEV,

Candidate of Law, Associate Professor
(Kazan Law Institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russia,
Kazan, Russia)

Аннотация: в статье исследуются вопросы преломления положений Общей части уголовного законодательства относительно института неоконченного преступления в его Особенной части. В работе определяется понятие фактического неоконченного преступления в нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. Целью статьи является анализ положений Особенной части применительно к вопросу отражения в них подобных составов преступлений. Предмет исследования – уголовно-правовые нормы и доктринальные положения относительно отражения неоконченного преступления в нормах Особенной части, а также особенности назначения наказания при его совершении. Исследование позволило установить, что в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации в последнее время растет количество подобных составов преступлений. Обосновывается, что данная позиция законодателя порождает возникновение существенных противоречий между обеими частями уголовного закона, разрушает их единство, а также нарушает логику построения Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. Доказано, что в результате подобной практики возникают серьезные нарушения правил законодательной техники, а также нарушения правил Общей части, регулирующих порядок привлечения к уголовной ответственности при приготовлении в зависимости от категории преступления. Подчеркивается, что регламентирование в системе Особенной части таких норм приводит к нарушению специальных правил назначения наказания за неоконченное преступление. В целях устранения этих недостатков предлагаются соответствующие правила дифференциации ответственности за неоконченные преступления в сравнении с оконченными. При решении определенных задач в работе используются такие исследовательские методы, как диалектический, сравнительно-правовой, системно-структурный. Область применения – юриспруденция, правоприменительная практика, законотворчество.

Ключевые слова: фактическое неоконченное преступление, приготовление, покушение, оконченное преступление, отражение, дифференциация.

Для цитирования: Илиджев А.А. Уголовно-правовая характеристика отражения неоконченного преступления в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2022. № 1. С. 22–27.

Abstract: the article examines the issues of refraction of the provisions of the General part of criminal legislation regarding the institution of unfinished crime in its Special part. The paper defines the concept of an actual unfinished crime in the norms of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. The purpose of the article is to analyze the provisions of the Special Part in relation to the issue of reflection in them of such corpus delicti. The subject of the research is criminal law norms and doctrinal provisions regarding the reflection of an unfinished crime in the norms of the Special Part, as well as the specifics of the imposition of punishment when it is committed. The study made it possible to establish that in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, the number of such crimes has been growing recently. It is substantiated that this position of the legislator gives rise to the emergence of significant contradictions between both parts of the criminal legislation, destroys their unity, and also violates the logic of constructing the Special Part of the

Criminal Code of the Russian Federation. It has been proven that as a result of this practice, serious violations of the rules of legislative technique arise, as well as violations of the rules of the General Part, which regulate the rules for bringing to criminal responsibility in preparation, depending on the category of the crime. It is emphasized that the regulation in the system of the Special Part of such norms leads to a violation of special rules for imposing punishment for an unfinished crime. In order to eliminate these shortcomings, appropriate rules for differentiating responsibility for unfinished crimes in comparison with completed ones are proposed. When solving certain problems, the work uses such research methods as dialectical, comparative legal, systemic and structural. Scope - jurisprudence, law enforcement practice, lawmaking.

Keywords: actual unfinished crime, preparation, attempt, completed crime, reflection, differentiation.

For citation: Ildzhev A.A. Criminal law characteristics of the reflection of an unfinished crime in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1. P. 22–27.

В Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации¹ в качестве оконченного преступления иногда отражается фактическое приготовление к преступлению и покушение на него, которые к неоконченному преступлению уже никакого отношения не имеют. В подобных случаях и появляется проблема отражения в Особенной части УК РФ фактических неоконченных преступлений.

Под фактическим приготовлением и покушением на преступление понимается виновно совершенное общественно опасное деяние, хотя и запрещенное Особенной частью УК РФ под угрозой наказания, но, по существу, представляющее собой создание условий для совершения преступления при приготовлении к преступлению или общественно опасные действия (бездействия), непосредственно направленные на совершение преступления при покушении на преступление. При определении положений, отражающих фактическое приготовление и покушение на преступление, по нашему мнению, следует использовать предлагаемый в литературе метод мысленного исключения соответствующих предписаний из уголовного закона, который в полной мере применим по отношению к рассматриваемому институту уголовного права [1, с. 118].

По поводу обоснованности существования в Особенной части УК РФ фактических неоконченных преступлений в теории сформировались противоположные позиции. Одни авторы считают, что в Особенной части уголовного законодательства не содержится неоконченных преступлений, другие согласны с таким размещением уголовно-правового материала, третьи являются противниками этого.

Так, А.Н. Петрушенков полагает, что «в Общей части УК РФ ничего не говорится о возможности переноса стадий неоконченного преступления в содержание диспозиций статей Особенной

части УК РФ и превращения их в оконченные преступления»; «в случае наличия неоконченного состава преступления в конкретной статье Особенной части УК РФ при квалификации необходимо обязательно делать ссылку на части 1 или 3 статьи 30 Общей части УК РФ»; «другого правила в действующем уголовном законодательстве не существует» [2, с. 155]. Формально все так, но, по нашему мнению, фактические неоконченные преступления присутствуют в Особенной части УК РФ. Следовательно, проблема имеется и требует разрешения.

По мнению Л.В. Иногамовой-Хегай, «некоторые виды подготовительной асоциальной деятельности лиц настолько опасны, что интересы защиты граждан, общества, государства от такой деятельности требуют применения решительных мер на более ранней стадии, когда только создаются условия для совершения преступлений» [3, с. 93]. С ней солидарен А.И. Рарог, который указывает, что «законодатель в исключительных случаях может перенести момент окончания преступления на более раннюю стадию, объявив подготовительную деятельность самостоятельным оконченным преступлением» [4, с. 17]. В.Н. Некрасов добавляет, что объявление фактически неоконченного и продолжающегося преступного деяния оконченным – «есть результат поиска законодателем наиболее оптимального способа изложения норм о неоконченном преступлении» [5, с. 19].

Напротив, Е.В. Благов пришел к выводу, согласно которому «следовало бы трансформировать преступления, допускающие ответственность за деяния, являющиеся, по существу, приготовлением к преступлению или покушением на преступление, в собственно оконченные преступления» [6, с. 151]. Не менее категоричен Н.А. Бабий, полагаящий, что «если наказуемость приготовления к преступлению и покушения на преступление установлена в Общей части, то в нормах Особенной части должны формулироваться только фактически оконченные преступления и не должно быть

¹ Далее – УК РФ.

отдельной наказуемости ни приготовительных действий, ни неудавшегося исполнения преступления» [7, с. 448]. С ними солидарен М.В. Феоктистов, считающий, что «законодательное решение нельзя признать оптимальным, поскольку оно ведет к необоснованному расширению казуистичности уголовного закона» [8, с. 301].

Из указаний ч. 3 ст. 29 УК РФ, на наш взгляд, прямо вытекает, что в статьях Особенной части должны регламентироваться только оконченные преступления. Как следствие, неоконченными преступлениями в данных статьях места нет.

Формально идея, заложенная в ч. 3 ст. 29 УК РФ, в статьях Особенной части получила безупречное воплощение. В них описаны исключительно оконченные преступления. Все заключается в том, что в УК РФ, по нашему мнению, в качестве оконченного преступления, в принципе, может быть представлено любое деяние, ибо преступления, присутствующие в Особенной части, могут быть, по идее, признаны оконченными, если они фактически и доведены до конца и не доведены до конца, поскольку первый признак (доведение до конца) отсутствует в действующей редакции ч. 1 ст. 29 Общей части уголовного законодательства.

Между тем в литературе делался вывод, что относительно оконченного и неоконченного преступления «в ч. 3 ст. 29 УК РФ заложена одна законодательная идея, а в Особенной части нашлась отражение совсем другая»; «из Общей части УК РФ следует, что все преступления, которые не доводятся до конца по не зависящим от лиц, их совершающих, обстоятельствам – неоконченные, а которые доводятся до конца – оконченные»; «из Особенной же части УК РФ вытекает, что оконченными могут быть как преступления, доведенные до конца, так и не доведенные до конца по обстоятельствам, не зависящим от лиц, их совершающих» [6, с. 150]. Нам же кажется, что законодатель, не включив в понятие оконченного преступления признак доведения деяния до конца, вольно или невольно подстраховал себя от подобных упреков. Тем самым формально оконченное преступление вполне может существовать как фактическое неоконченное преступление.

Л.В. Иногорова-Хегай, имея в виду, что в уголовном законодательстве имеется тенденция на увеличение числа составов, в которых криминализованы по большому счету приготовления или соучастие на этапе приготовления, пришла к выводу, что это «ведет не к усилению борьбы с преступностью, а к размыванию уголовной ответственности, к созданию противоречивых, ненужных конкурирующих норм» [9, с. 114]. Абсолютно то же можно повторить и относительно покушения на преступление.

Включая в оконченное преступление фактическое неоконченное преступление, законодатель входит в противоречие с собственными установлениями об уголовной ответственности при неоконченном преступлении. Во-первых, отражение фактических неоконченных преступлений в Особенной части уголовного законодательства разрушает ее единство с Общей частью.

С одной стороны, исходя из ч. 3 ст. 29 УК РФ в статьях Особенной части непосредственно не должны устанавливаться фактические неоконченные преступления. В противном случае ссылка на нормы уголовного закона, регламентирующие приготовление и покушение, ведет к неопределенности решения и, о каком конкретно преступлении идет речь. При такой ссылке оконченного преступления быть не может (ч. 1 ст. 29 УК РФ), однако не может быть и неоконченного преступления, поскольку будет совершаться деяние, описанное в ч. 1 ст. 29 УК РФ, а не в ст. 30.

С другой стороны, одним из правил конструирования состава преступления является недопустимость построения избыточных составов преступлений, в частности, создание автономных составов для регламентации явлений, уже нормированных Общей частью УК РФ [10, с. 124, 127]. Отсюда отражение фактических неоконченных преступлений в Особенной его части избыточно в связи с тем, что неоконченное преступление исчерпывающе нормировано в ч. 2 и 3 ст. 29 и ст. 30 Общей части.

С третьей стороны, в соответствии с законом уголовная ответственность за приготовление к преступлениям небольшой и средней тяжести должна отсутствовать. Когда же она устанавливается в его Особенной части за фактическое приготовление к преступлению, данное ограничение подчас не учитывается. Не случайно именно в неустановлении уголовной ответственности за приготовление к преступлениям небольшой и средней тяжести М.В. Феоктистов видит причины криминализации фактических приготовительных действий [8, с. 301].

Так, фактические приготовления к преступлениям небольшой тяжести, которые на основании уголовного закона влекут максимальное наказание до трех лет лишения свободы, регламентированы в ч. 2 ст. 146; ч. 1 ст. 159; ч. 1 ст. 159.6; ч. 1 ст. 171.1; ч. 3 ст. 171.1; ч. 5 ст. 171.1; ч. 1 ст. 191.1; ч. 2 ст. 191.1; ч. 1 ст. 234; ч. 1 ст. 234.1; ч. 1 ст. 238; ч. 1 ст. 242; ч. 1 ст. 327.1; ч. 3 ст. 327.1; ч. 1 ст. 327.2; ч. 2 ст. 327.2.

Фактические приготовления к преступлениям средней тяжести, которые на основании ч. 3 ст. 15 УК РФ влекут максимальное наказание до пяти лет лишения свободы, отражены в

ч. 1 ст. 150; ч. 2 и 5 ст. 159; ч. 2 ст. 159.6; ч. 1.1 ст. 171.1; ч. 3 ст. 191.1; ч. 2 ст. 234; ч. 1 ст. 239.

Существование обязательных предписаний уголовного закона, не допускающих наступления уголовной ответственности за приготовление к преступлению небольшой и средней тяжести, и введение таковой посредством соответствующих статей Особенной части А.П. Козлов справедливо назвал противоречием, которое «нельзя признать оправданным, поскольку законодатель обязан соблюдать внутреннюю логику закона» [11, с. 235]. Исключение уголовной ответственности за приготовление ко всем преступлениям небольшой и средней тяжести в ч. 2 ст. 30 УК РФ, на наш взгляд, должно находить свое отражение и в Особенной части.

С четвертой стороны, в соответствии со специальными принципами назначения наказания за неоконченное преступление срок или размер наказания за приготовление к преступлению не может превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ за оконченное преступление, при покушении на преступление – трех четвертей; при этом смертная казнь и пожизненное лишение свободы не назначаются.

Если же за фактическое неоконченное преступление в Особенной части УК РФ установлена уголовная ответственность, равная ответственности за оконченные преступления, приведенные правила смягчения наказания не применяются и оно назначается на общих основаниях в пределах, предусмотренных соответствующей статьей названной части за оконченное преступление. Говоря иначе, за фактическое неоконченное преступление законодательно предоставляется возможность определения такого же наказания, как за оконченное преступление.

Причем за совершение фактического неоконченного преступления вовсе не исключается назначение пожизненного лишения свободы и даже смертной казни. Правда, при фактическом приготовлении к преступлению речь идет только о пожизненном лишении свободы. Оно предусмотрено в ст. 205.1, 205.2, 205.4, 210, 211, 234.1 и 361 УК РФ. По отношению к данным случаям А.И. Рарог справедливо, по нашему мнению, отметил, что «наказание в виде пожизненного лишения свободы за приготовление к совершению преступлений, фактическое осуществление которых такого наказания не предусматривает, является недопустимым, поскольку противоречит правилу об обязательном смягчении наказания за неоконченное преступление» [4, с. 17].

Аналогична ситуация в целом и с фактическим покушением на преступление. Только при

нем возможно применение как пожизненного лишения свободы, так и смертной казни. Оба наказания установлены в ст. 277, 295 и 317 УК РФ. Более того, ситуация становится парадоксальной, когда за фактическое неоконченное преступление предусматривается более строгое наказание, чем за то же преступление, но оконченное. Так, А.И. Рарог обратил внимание на то, что «прохождение лицом обучения в целях участия в массовых беспорядках наказывается чрезмерно строго (лишением свободы на срок от 5 до 10 лет), поскольку реальное участие в массовых беспорядках карается существенно более мягким наказанием (лишением свободы на срок от 3 до 8 лет)», и ему «на этом фоне представляется совершенно нелогичным наказание за приготовление к преступлениям террористического характера в форме обучения в центрах террористической подготовки (лишение свободы на срок от 15 до 20 лет с ограничением свободы или пожизненно – ст. 205.3 УК РФ) либо в форме организации террористического сообщества (лишение свободы на срок от 15 до 20 лет со штрафом и ограничением свободы или пожизненно – ст. 205.4 УК РФ), тогда как фактическое совершение перечисленных в указанных статьях преступлений влечет гораздо более мягкие наказания» [4, с. 17]. Даже террористический акт влечет наказание по ч. 1 ст. 205 УК РФ в виде лишения свободы на срок от десяти до пятнадцати лет; по ч. 2 – в виде лишения свободы на срок от двенадцати до двадцати лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет; по ч. 3 – в виде лишения свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет или пожизненным лишением свободы.

Поскольку А.И. Рарог проиллюстрировал парадокс наказуемости с привлечением за преступление, которое мы не признали фактическим неоконченным, укажем на то, что не менее показательна ситуация с финансированием и организацией финансирования терроризма. Как отмечалось, само финансирование терроризма является по своей сути приготовлением к совершению преступлений, включенных законодателем в понятие террористической деятельности в примечании 2 к ст. 205.2 УК РФ. Одновременно организация финансирования терроризма может представлять собой приготовление к финансированию терроризма. При этом финансирование терроризма влечет наказание в виде лишения свободы на срок от восьми до пятнадцати лет со штрафом в размере от трехсот тысяч до семисот тысяч рублей либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух до четырех лет либо без

такового или пожизненным лишением свободы (ч. 1.1. ст. 205.1 УК РФ), а организация финансирования данной преступной деятельности – в виде лишения свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет или пожизненным лишением свободы (ч. 4), т.е. значительно суровее. Такую же нелогичность можно заметить в наказуемости финансирования экстремистской деятельности (ст. 282.3 УК РФ) и преступлений экстремистской направленности. Первое, являясь приготовлением к преступлению, влечет более строгое наказание (лишение свободы на срок от трех до восьми лет), чем, например, предусмотренное в ст. 282 УК РФ возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (лишение свободы на срок от двух до пяти лет).

Следовательно, по нашему мнению, дифференциация ответственности за неоконченные преступления в сравнении с оконченными в ст. 66 УК РФ должна исключать, с одной стороны, ее унификацию за фактические неоконченные и оконченные преступления в Особенной части, а с другой стороны, установление более строгой наказуемости фактических неоконченных преступлений в сравнении с оконченными. Правда, одной из причин наполнения Особенной части УК РФ составами приготовления к преступлению, по мнению Л.В. Иногамовой-Хегай, является «невысокая степень наказуемости за неоконченное преступление» [9, с. 114]. Поскольку наказуемость последнего зависит от наказуемости оконченного преступления, нам кажется логичным предположить, что в рамках современного уголовного законодательства проблема, если и имеется, то лежит в плоскости либо наказуемости именно оконченного преступления, ибо наказание за неоконченное преступление поставлено в определенную зависимость от наказания, предусмотренного за оконченное преступление, либо от соотношения наказуемости неоконченных и оконченных преступлений.

Во-вторых, введение фактических неоконченных преступлений в Особенную часть уголовного законодательства нарушает логику ее построения. Известно, что преступления в ней размещаются с учетом их непосредственных объектов. Вместе с тем в литературе уже отмечалось, что «приготовление к преступлениям, криминализованные в качестве оконченных преступлений, непосредственно не посягают на те объекты, которые ставятся под охрану в соответствующих статьях Особенной части Уголовного кодекса» [6, с. 151]. То же относится и к некоторым случаям фактического покушения на преступление. Так, посягательства на жизнь лиц, предусмотренных ст. 277, 295, 317

УК РФ, по нашему мнению, непосредственно направлены именно на их жизнь, а не на объекты преступлений, охраняемые главами 29, 31 и 32.

Очень актуален в отмеченном плане состав разбоя, представляющего собой нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия (ст. 162 УК РФ), хотя хищение подразумевает причинение ущерба собственнику или иному владельцу имущества в соответствии с общей дефиницией хищения в главе о преступлениях против собственности. Не случайно некоторые авторы не признают разбой видом хищения [12, с. 98; 13, с. 68–69]. Таким образом, конструирование норм Особенной части уголовного законодательства с учетом непосредственных объектов преступления, на наш взгляд, должно исключать установление ответственности за фактические неоконченные преступления среди тех деяний, в которых данные объекты являются основными.

В целом следует признать, что отражение фактических неоконченных преступлений в Особенной части уголовного законодательства связано с серьезными нарушениями правил законодательной техники. Последнее, по нашему мнению, с несомненностью свидетельствует, что такие преступления не должны содержаться в Особенной части УК РФ.

На основании проведенных в статье исследований мы приходим к следующим выводам:

– дифференциация ответственности за неоконченные преступления в сравнении с оконченными в ст. 66 УК РФ должна исключать, с одной стороны, ее унификацию за фактические неоконченные и оконченные преступления в Особенной части, а с другой стороны, установление более строгой наказуемости фактических неоконченных преступлений в сравнении с оконченными;

– фактические неоконченные преступления подчас непосредственно не посягают на те объекты, которые ставятся под охрану в соответствующих статьях Особенной части УК РФ, что в связи с построением данной части с учетом непосредственных объектов преступления должно исключать установление ответственности за фактические неоконченные преступления среди тех деяний, в которых данные объекты являются основными;

– фактическим неоконченным преступлениям нет места в Особенной части УК РФ;

– недостаточная наказуемость неоконченных преступлений в рамках действующего уголовно-правового регулирования может быть обусловлена лишь соответствующей наказуемостью оконченных преступлений либо соотношением наказуемости неоконченных и оконченных преступлений.

Литература

1. **Илиджев А.А.** Преступления пособника и их отражения в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29 (1-4). – № 1. – С. 112–122.
2. **Петрушенков А.Н.** Концепция реализации уголовно-правовых норм о стадиях преступления в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 4. – С. 154–159.
3. **Иногамова-Хегай Л.В.** Конкуренция уголовно-правовых норм при квалификации преступлений: учебное пособие. – Москва: Инфра-М, 2002. – 169 с.
4. **Рарог А.И.** Приоритеты российской уголовной политики // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XII Международной научно-практической конференции 29–30 января 2015 г. – Москва: РГ-Пресс, 2015. С. 13–17.
5. **Некрасов В.Н.** Нормы о неоконченном преступлении: проблемы законодательной техники и дифференциации ответственности: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук: 12.00.08. – Екатеринбург, 2013. – 26 с.
6. **Благов Е.В.** Тридцать пять лет служения Афине: сборник статей и тезисов. – Москва: Проспект, 2017. – 288 с.
7. **Бабий Н.А.** Учение о стадиях преступлений и неоконченных преступлениях: монография. – Москва: Юрлитинформ, 2017. – 747 с.
8. **Феоктистов М.В.** Оптимизация ответственности за приготовление к преступлению: некоторые вопросы теории и практики // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVIII Международной научно-практической конференции 21–22 января 2021 г. – Москва, 2021. С. 301.
9. Актуальные проблемы уголовного права. Часть Общая: учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. – Москва: Проспект, 2016. – 223 с.
10. **Иванчин А.В.** Конструирование состава преступления: теория и практика: монография. – Москва: Проспект, 2014. – 352 с.
11. **Козлов А.П.** Учение о стадиях преступления. – Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2002. – 351 с.
12. **Кочои С.М.** Ответственность за корыстные преступления против собственности: учебно-практическое пособие. – 2-е изд., доп. и перераб. – Москва: АНТЭЙ, 2000. – 286 с.
13. **Лопашенко Н.А.** Преступления против собственности: теоретико-прикладное исследование. – Москва: ЛексЭст, 2005. – 405 с.

References

1. **Ilidzhev A.A.** Prestupleniya posobnika i ikh otrazheniya v Osobennoi chasti Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. – 2021. – T. 29 (1-4). – № 1. – S. 112–122.
2. **Petrushenkov A.N.** Kontseptsiya realizatsii ugovolno-pravovykh norm o stadiyakh prestupleniya v Osobennoi chasti Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii. – 2014. – № 4. – S. 154–159.
3. **Inogamova-Khegai L.V.** Konkurentsiya ugovolno-pravovykh norm pri kvalifikatsii prestuplenii: uchebnoe posobie. – Moskva: Infra-M, 2002. – 169 s.
4. **Rarog A.I.** Prioritety rossiiskoi ugovolnoi politiki // Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy XII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 29–30 yanvarya 2015 g. – Moskva: RG-Press, 2015. S. 13–17.
5. **Nekrasov V.N.** Normy o neokonchennom prestuplenii: problemy zakonodatel'noi tekhniki i differentsiatsii otvetstvennosti: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk: 12.00.08. – Ekaterinburg, 2013. – 26 s.
6. **Blagov E.V.** Tridtsat' pyat' let sluzheniya Afine: sbornik statei i tezisov. – Moskva: Prospekt, 2017. – 288 s.
7. **Babii N.A.** Uchenie o stadiyakh prestuplenii i neokonchennykh prestupleniyakh: monografiya. – Moskva: Yurilitinform, 2017. – 747 s.
8. **Feoktistov M.V.** Optimizatsiya otvetstvennosti za prigotovlenie k prestupleniyu: nekotorye voprosy teorii i praktiki // Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy XVIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 21–22 yanvarya 2021 g. – Moskva, 2021. S. 301.
9. Aktual'nye problemy ugovolnogo prava. Chast' Obshchaya: uchebnik / pod red. L.V. Inogamovoi-Khegai. – Moskva: Prospekt, 2016. – 223 s.
10. **Ivanchin A.V.** Konstruirovaniye sostava prestupleniya: teoriya i praktika: monografiya. – Moskva: Prospekt, 2014. – 352 s.
11. **Kozlov A.P.** Uchenie o stadiyakh prestupleniya. – Sankt-Peterburg: Yurid. tsentr Press, 2002. – 351 s.
12. **Kochoi S.M.** Otvetstvennost' za korystnye prestupleniya protiv sobstvennosti: uchebno-prakticheskoe posobie. – 2-e izd., dop. i pererab. – Moskva: ANTEI, 2000. – 286 s.
13. **Lopashenko N.A.** Prestupleniya protiv sobstvennosti: teoretiko-prikladnoe issledovanie. – Moskva: LeksEst, 2005. – 405 s.

(статья сдана в редакцию 12.05.2021)

РЕГУЛЯТИВНАЯ ФУНКЦИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА**THE REGULATORY FUNCTION OF CRIMINAL LAW**

УДК 343

С.А. ЧЕРНЯКОВ,

кандидат юридических наук, доцент
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
sache2009@yandex.ru

SERGEY A. CHERNYAKOV,

Candidate of Law, Associate Professor
(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia, Belgorod, Russia)

Н.В. БРОВКО,

кандидат юридических наук, доцент
(Ростовский юридический институт
МВД России,
Россия, Ростов-на-Дону)
79185927828@ya.ru

NIKOLAY V. BROVKO,

Candidate of Law, Associate Professor
(Rostov Law Institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russia,
Rostov-on-Don, Russia)

Аннотация: феномен регулирования общественных отношений уголовно-правовыми мерами, наряду с такими сходными и однородными уголовно-правовыми категориями, как уголовно-правовое воздействие, уголовное наказание, уголовная ответственность, приобретает все большую научную актуальность и активно исследуется в отечественной юридической науке. При этом все большее значение приобретает определенность понятийного аппарата, содержания данного правового феномена. Несмотря на то, что природа, структура и специфика функционирования механизма уголовно-правового регулирования общественных отношений могут быть определены только в контексте соответствующих положений действующего уголовного законодательства, до настоящего времени относительно обозначенного правового феномена в научном сообществе отсутствует единая позиция, которая была бы всеобщее принята и научно одобрена.

В статье авторами обобщаются результаты ретроспективного анализа появления и развития научных школ, связанных с наличием и особенностями регулятивной функции уголовного права. Поставлена проблема определения содержания уголовно-правового регулирования общественных отношений и используемых для этого правовых средств в зависимости от наличия либо отсутствия отдельных юридически значимых признаков.

В контексте заявленной проблематики предмет исследования определяется в виде всех имеющихся категорий, известных уголовно-правовой науке, имеющих прямое или косвенное воздействие на образование и развитие общественных отношений.

Примененные общенаучные и частнонаучные методы позволили сформулировать вывод о том, что регулятивная функция уголовного права распространяется на весь спектр общественных отношений, складывающихся, однако, в наиболее важных и ценных сферах общественной деятельности. Такое регулирование реализуется в трех формах – превенции общественных отношений, связанных с криминальными проявлениями; регулировании общественных отношений, возникающих в связи с событием преступления, и гарантировании неприкосновенности прав, свобод и законных интересов человека.

Ключевые слова: механизм уголовно-правового регулирования, регулятивная функция, предмет уголовно-правового регулирования.

Для цитирования: Черняков С.А., Бровко Н.В. Регулятивная функция уголовного права // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2022. № 1. С. 28–31.

Abstract: the phenomenon of regulating public relations by criminal legal measures, along with such similar and homogeneous criminal legal categories as criminal legal impact, criminal punishment, criminal liability, is becoming increasingly relevant and is being actively studied in domestic legal science. At the same time, the definiteness of the conceptual apparatus and the content of this legal phenomenon is becoming increasingly important. Despite the fact that the nature, structure and specifics of the functioning of the mechanism of criminal law regulation of public relations can be determined only in the context of the relevant

provisions of the current criminal legislation, to date, there is no unified position in the scientific community regarding the designated legal phenomenon that would be universally accepted and scientifically approved.

In the article, the authors summarize the results of a retrospective analysis of the emergence and development of scientific schools related to the presence and features of the regulatory function of criminal law. The problem of determining the content of the criminal law regulation of public relations and the legal means used for this purpose, depending on the presence or absence of certain legally significant features, is posed.

In the context of the stated problems, the subject of the study is defined in the form of all available categories known to criminal law science that have a direct or indirect impact on education and the development of public relations.

The applied general scientific and private scientific methods allowed us to formulate a conclusion that the regulatory function of criminal law extends to the entire spectrum of public relations, which, however, develop in the most important and valuable spheres of public activity. Such regulation is implemented in three forms – prevention of public relations related to criminal manifestations; regulation of public relations arising in connection with the event of a crime and guaranteeing the inviolability of human rights, freedoms and legitimate interests.

Keywords: mechanism of criminal law regulation, regulatory function, subject of criminal law regulation.

For citation: Chernyakov S.A., Brovko N.V. The regulatory function of criminal law // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1. P. 28–31.

Механизм уголовно-правового регулирования общественных отношений – сложный правовой феномен, порождающий противоречивые мнения при попытке его осмысления и формулирования основных понятий. Сам вопрос о наличии в арсенале уголовного права средств, способных регулировать общественные отношения, не до конца однозначен. В зарубежной уголовно-правовой литературе на рубеже XIX–XX вв. господствовало мнение (нашедшее своих последователей и среди ученых отечественного права) об отсутствии в уголовном праве своего предмета. Приверженцы этой научной школы в основном являлись последователями нормативной теории немецкого криминалиста К. Биндинга. Последний утверждал, что уголовный закон не может содержать норм, которые в какой-либо мере регулировали поведение людей, поскольку такие нормы содержатся в других, регулятивных отраслях права. Уголовный же закон указывает на возможные проявления преступного поведения и соотносит его с применением меры наказания. Соответственно, функциональное предназначение уголовного закона связано исключительно с реализацией полицейской функции органов государственной власти, наделенных полномочиями принуждения в виде уголовного наказания [1, с. 94, 95]. Мнение о том, что уголовное право является только санкцией для других отраслей права высказывали Ж.-Ж. Руссо [2, с. 75] и Э. Дюркгейм [2, с. 76]. Об отсутствии регулятивной функции в уголовном праве заявляли немецкие ученые Й. Вессельс и В. Бойльке [3].

Как уже было отмечено, отдельные представители отечественной уголовно-правовой науки поддерживали подобные уголовно-правовые

дефиниции. Так, авторский коллектив в составе А.А. Пионтковского, П.С. Ромашкина, В.М. Чхиквадзе в свое время пришел к выводу о том, что «уголовные законы усиливают уже существующие нормы иных отраслей права» [4, с. 12]. В.Г. Смирнов исключал возможность регулирования общественных отношений нормами уголовного законодательства, считая их предназначением охрану общественного порядка [5, с. 89]. О.Э. Лейст, основываясь на том, что уголовное право не определяет субъективные права и обязанности участников отношений, регулируемых гражданским, трудовым, семейным и т.д. правом, приходил к выводу о том, что такие сферы общественных отношений не регулируются, а лишь охраняются уголовным законом, поэтому не входят в предмет уголовного права [6, с. 105, 106]. Подобной позиции придерживаются и некоторые современные ученые. Так, Б.Т. Разгильдиев в разрез устоявшимся положениям уголовно-правовой науки утверждает, что уголовное право вообще не может иметь собственного предмета регулирования и предназначено лишь для охраны общественных отношений [7, с. 4, 5].

Несостоятельность утверждений об отсутствии регулятивной функции в уголовном праве достаточно обоснованно опровергает в своих трудах Н.С. Таганцев [8, с. 108, 109]. Весьма наглядно такую несостоятельность иллюстрирует В.С. Прохоров: «Каждый уголовно-правовой запрет очерчивает рамки поведения людей: это можно делать, а то – нельзя. Деятельность людей проходит сквозь гребень уголовно-правовых запретов и велений, упорядочивается. Разве это не регулирование общественных отношений?» [9, с. 79, 80]. Классик уголовно-правовой теории Н.Д. Дурманов неразрывно связывал правовую охрану общественных отношений

и их регулирование [1, с. 100]. Схожую позицию по этому поводу имел Б.С. Никифоров, указывая на то, что охрана тех или иных общественных отношений возможна только посредством регулирования поведения людей [10, с. 12].

Однако наиболее распространенной является позиция относительно усеченной регулятивной функции уголовного права, согласно которой в предмет уголовно-правового регулирования входят только те общественные отношения, которые возникли и развиваются в связи с фактом совершения преступления. Такая точка зрения доминировала в дореволюционной России [11; 12; 13] и в последующем. В ходе дискуссии о системе советского права М.Д. Шаргородский писал: «Предметом уголовного права, как будто не вызывающим никаких сомнений, являются те общественные отношения, которые мы понимаем под словом „преступление“, и связанное с ним наказание» [14, с. 41]. В настоящее время многие специалисты уголовного права настаивают на ограниченности регулятивных возможностей уголовно-правовыми средствами в рамках общественных отношений «преступление – наказание». Так, по мнению М.В. Бавсуна, уголовно-правовой механизм регулирования отношений представляет собой «законодательное установление условий применения принуждения к лицам, совершившим преступление» [15, с. 57]. Подобного мнения придерживается и Г.П. Новоселов, который считает, что регулирование отношений уголовно-правовыми средствами представляет собой упорядочивание отношений, возникающих вследствие наступления события преступления [16, с. 84]. Однако вряд ли можно согласиться с пониманием уголовно-правового регулирования социальных отношений, суженного до репрессивной практики обеспечения неблагоприятных последствий для лиц, совершивших преступления. Мы в большей степени готовы разделить точку зрения Н.М. Кропачева, который более широко трактует рассматриваемый феномен. В своем монографическом исследовании автор аргументированно обосновывает, что механизм уголовно-правового регулирования состоит из всех элементов, входящих в предмет науки уголовного права, в том числе в нем необходимо выделять норму права, объект регулирования, уголовное правоотношение, его субъекты и объекты, их субъективные права и обязанности, принципы уголовного права, юридические факты, акты реализации и применения уголовного права, уголовную ответственность [17, с. 3]. С нашей точки зрения, указанное научное утверждение Н.М. Кропачева обоснованно расширяет не подлежащее сомнению представление о регулятивной функции уголовно-правовой нормы (распро-

страняющейся на общественные отношения, возникающие в связи с совершением преступления), суждение о том, что общественные отношения, не связанные с совершением преступления, регулируются нормами цивилистических отраслей права в условиях наличия норм уголовного права и взаимодействия с ними, т.е. «закрепляются, упорядочиваются и охраняются» [18, с. 27]. Помимо этого уголовный закон участвует в регулировании общественных отношений посредством содержания в себе потенциальной угрозы возникновения неблагоприятных последствий, связанных с нарушением уголовно-правовой нормы, что, без всякого сомнения, создает эффект предупреждения преступлений и влияет на развитие общественных отношений в целом [19, с. 171].

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что регулятивная функция уголовного права распространяется на весь спектр общественных отношений, складывающихся, однако, в наиболее важных и ценных сферах общественной деятельности, «в рамках которых осуществляется поведение, соответствующее требованиям уголовно-правовых норм» [18, с. 34], и реализуется в двух формах – регулирование отношений в части превенции преступного поведения (или причинения вреда, сопоставимого преступному, лицами, не отвечающими признакам субъекта преступления); регулирование общественных отношений, связанных с юридическими фактами, порождающими уголовные правоотношения. В первом случае регулятивная функция реализуется непрерывно, во втором – ожидает своего действия и включается вместе с наступлением указанного юридического факта.

Кроме того, по мнению некоторых ученых [17, с. 6; 20, с. 183, 184], уголовно-правовое регулирование, помимо охранительно-восстановительных функций, базирующихся на принуждении лиц, совершивших преступление, и в целом на упорядочивании отношений, связанных с событием преступления, должно гарантировать неприкосновенность потенциальных субъектов уголовно-правовых отношений. Такая гарантирующая функция уголовного права прежде всего должна выражаться в исключении необоснованного привлечения к уголовной ответственности. Уголовное право также должно вырабатывать гарантии недопущения применения нецелесообразной уголовной ответственности или нецелесообразного уголовного наказания. Гарантийная функция механизма уголовно-правового регулирования отношений особенно актуальна в тех сферах жизнедеятельности, где уголовный закон может выступать средством недобросовестной конкуренции или принуждения, имеющего коррупционные начала.

Литература

1. *Дурманов Н.Д.* Советский уголовный закон. – Москва, 1967. – 319 с.
2. *Pradel J.* Manuel de droit penal general. – Paris, 2000. 2GGG.
3. *Вессельс Й., Бойльке В.* Уголовное право ФРГ: учебник / пер. с нем. Я.М. Плошкиной; под ред. Л.В. Майоровой. – 35-е изд. – Красноярск, 2006. – 351 с.
4. Курс советского уголовного права / под ред. А.А. Пионтковского, П.С. Ромашкина, В.М. Чхиквадзе. Т. 1. – Москва, 1970. – 211 с.
5. *Смирнов В.Г.* Правоотношения в уголовном праве // Правоведение. – 1961. – № 3. – С. 74–81.
6. *Лейст О.Э.* Санкции в советском праве. – Москва, 1962. – 238 с.
7. *Разгильдиев Б.Т.* Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация. – Саратов, 1993. – 78 с.
8. *Таганцев Н.С.* Лекции по русскому уголовному праву. Вып. 1. – Санкт-Петербург, 1887. – 380 с.
9. *Прохоров В.С.* Преступление и ответственность. – Ленинград, 1984. – 136 с.
10. *Никифоров Б.С.* Объект преступления по советскому уголовному праву. – Москва, 1960. – 229 с.
11. *Жижиленко А.А.* Наказание. – Петербург, 1914. – 684 с.
12. *Сергиевский Н.Д.* Русское уголовное право. Часть Общая. – Санкт-Петербург, 1905. – 368 с.
13. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. Т. 1. – Москва, 1994. – 380 с.
14. *Шаргородский М.Д.* Предмет и система уголовного права // Советское государство и право. – 1941. – № 4. – С. 17–26.
15. *Бавсун М.В.* Соотношение уголовно-правового воздействия и уголовно-правового регулирования // Сибирский юридический вестник. – 2013. – № 2. – С. 57–63.
16. *Новоселов Г.П.* Уголовно-правовое регулирование: сущность, содержание, объем и признаки // Российский юридический журнал. – 2012. – № 5. – С. 79–85.
17. *Кропачев Н.М.* Механизм уголовно-правового регулирования: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук в форме научного доклада. – Санкт-Петербург, 2000. – 60 с.
18. *Прохоров В.С., Кропачев Н.М., Тарбагаев А.Н.* Механизм уголовно-правового регулирования: норма, правоотношение, ответственность. – Красноярск, 1989. – 208 с.
19. *Грачева Ю.В.* Предмет уголовно-правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. – 2008. – № 2. – С. 171–178.
20. *Егорова Н.А.* Уголовно-правовые гарантии в механизме уголовно-правового воздействия // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2016. – № 3 (326). – С. 183–189.

References

1. *Durmanov N.D.* Sovetskii ugovolnyi zakon. – Moskva, 1967. – 319 s.
2. *Pradel J.* Manuel de droit penal general. – Paris, 2000. 2GGG.
3. *Vessel's I., Boil'ke V.* Ugolovnoe pravo FRG: uchebnik / per. s nem. Ya.M. Ploshkinoi; pod red. L.V. Maiorovi. – 35-e izd. – Krasnoyarsk, 2006. – 351 s.
4. Kurs sovetskogo ugovolnogo prava / pod red. A.A. Piontkovskogo, P.S. Romashkina, V.M. Chkhikvadze. T. 1. – Moskva, 1970. – 211 s.
5. *Smirnov V.G.* Pravootnosheniya v ugovolnom prave // Pravovedenie. – 1961. – № 3. – S. 74–81.
6. *Leist O.E.* Sanktsii v sovetskom prave. – Moskva, 1962. – 238 s.
7. *Razgil'diev B.T.* Zadachi ugovolnogo prava Rossiiskoi Federatsii i ikh realizatsiya. – Saratov, 1993. – 78 s.
8. *Tagantsev N.S.* Lektsii po russkomu ugovolnomu pravu. Vyp. 1. – Sankt-Peterburg, 1887. – 380 s.
9. *Prokhorov V.S.* Prestuplenie i otvetstvennost'. – Leningrad, 1984. – 136 s.
10. *Nikiforov B.S.* Ob'ekt prestupleniya po sovetskomu ugovolnomu pravu. – Moskva, 1960. – 229 s.
11. *Zhizhilenko A.A.* Nakazanie. – Peterburg, 1914. – 684 s.
12. *Sergievskii N.D.* Russkoe ugovolnoe pravo. Chast' Obshchaya. – Sankt-Peterburg, 1905. – 368 s.
13. *Tagantsev H.C.* Russkoe ugovolnoe pravo. Lektsii. Chast' obshchaya. T. 1. – Moskva, 1994. – 380 s.
14. *Shargorodskii M.D.* Predmet i sistema ugovolnogo prava // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1941. – № 4. – S. 17–26.
15. *Bavsun M.V.* Sootnoshenie ugovolno-pravovogo vozdeistviya i ugovolno-pravovogo regulirovaniya // Sibirskii yuridicheskii vestnik. – 2013. – № 2. – S. 57–63.
16. *Novoselov G.P.* Ugolovno-pravovoe regulirovanie: sushchnost', sodержание, ob'em i priznaki // Rossiiskii yuridicheskii zhurnal. – 2012. – № 5. – S. 79–85.
17. *Kropachev N.M.* Mekhanizm ugovolno-pravovogo regulirovaniya: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk v forme nauchnogo doklada. – Sankt-Peterburg, 2000. – 60 s.
18. *Prokhorov V.S., Kropachev N.M., Tarbagaev A.N.* Mekhanizm ugovolno-pravovogo regulirovaniya: norma, pravootnoshenie, otvetstvennost'. – Krasnoyarsk, 1989. – 208 s.
19. *Gracheva Yu.V.* Predmet ugovolno-pravovogo regulirovaniya // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. – 2008. – № 2. – S. 171–178.
20. *Egorova N.A.* Ugolovno-pravovye garantii v mekhanizme ugovolno-pravovogo vozdeistviya // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie. – 2016. – № 3 (326). – S. 183–189.

(статья сдана в редакцию 01.09.2021)

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИТ-ТЕХНОЛОГИЙ****SOME ISSUES OF LEGAL SUPPORT FOR COUNTERING CRIMES
COMMITTED WITH THE USE OF IT-TECHNOLOGIES**

УДК 343.8

А.Ю. УШАКОВ,

кандидат юридических наук, доцент
(Нижегородский филиал Санкт-Петербургской
академии Следственного комитета
Российской Федерации,
Россия, Нижний Новгород)
ushakov.ay@skspba.ru

ANDREY YU. USHAKOV,

Candidate of Law, Associate Professor
(Nizhny Novgorod branch Saint Petersburg
Academy of the Investigative
of the Russian Federation,
Nizhny Novgorod, Russia)

О.И. ДОЛГАЧЕВА,

кандидат юридических наук, доцент
(Нижегородская академия МВД России,
Россия, Нижний Новгород)
oksana.dolgachewa@yandex.ru

OKSANA I. DOLGACHEVA,

Candidate of Law, Associate Professor
(Nizhny Novgorod academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Nizhny Novgorod, Russia)

Аннотация: в статье анализируется состояние ИТ-преступности. Авторы приходят к выводу, что с увеличением рассматриваемой категории преступлений появилась потребность в совершенствовании работы по укреплению и формированию оптимальной законодательной и ведомственной нормативной базы. Говорится об изменениях в сфере информационных процессов и об их последствиях. Делается вывод о том, что успешное противодействие ИТ-преступности зависит от качественной реализации принятых управленческих решений; со стороны правоохранительных органов следует проводить более активную деятельность, направленную на совершенствование информационного обмена с кредитными организациями, интернет-провайдерами, операторами связи и другими организациями; неразрывно связанные совместные действия всей правоохранительной системы при раскрытии преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий всецело должны оказаться высокоорганизованными и эффективными; с учетом появляющихся новых форм и методов подготовки, тактики совершения и сокрытия преступных деяний необходимо оптимизировать способы, направленные на раскрытие и расследование данной категории преступлений.

Ключевые слова: информационные и коммуникационные технологии, развитие, ИТ-преступность, Интернет, хищение, раскрытие, расследование.

Для цитирования: Ушаков А.Ю., Долгачева О.И. Некоторые вопросы правового обеспечения противодействия преступлениям, совершаемым с использованием ИТ-технологий // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2022. № 1. С. 32–36.

Abstract: the article analyzes the state of IT crime, where the authors come to the conclusion that with the increase in the category of crimes under consideration, there is a need to improve the work on strengthening and forming the most optimal legislative and departmental regulatory framework. It talks about changes in the field of information processes and their consequences. It is concluded that the successful counteraction of IT crime depends on the qualitative implementation of the management decisions taken; on the part of law enforcement agencies, more active activities should be carried out aimed at improving information exchange with credit institutions, Internet service providers, telecom operators and other organizations; inextricably linked joint actions of the entire law enforcement system in solving crimes using information and telecommunication technologies should be fully highly organized and effective; taking into account the emerging new forms and methods of preparation, tactics of commission and concealment of criminal acts, it is necessary to optimize the methods aimed at the disclosure and investigation of this category of crimes.

Keywords: information and communication technologies, development, IT-crime, Internet, theft, disclosure, investigation.

For citation: Ushakov A. Yu., Dolgacheva O. I. Some issues of legal support for countering crimes committed with the use of IT technologies // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1. P. 32–36.

Из года в год количество преступлений, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, стремительно растет¹. Это большая проблема, потому что она указывает не только на увеличение количества преступлений в нашей стране, но и на определенную неспособность правоохранительной системы ее контролировать. Таким образом, со стороны государства должны предприниматься меры, направленные на борьбу с киберпреступностью, с учетом новых способов и методов совершения данных преступлений.

В последнее время информационные технологии, фундаментально внедряясь в общество, заняли определяющую роль в жизни многих граждан, обмен информацией происходит в чатах, группах и веб-сайтах, что и дает широкие возможности и для совершения преступлений. Если ранее интернет-общение было ограничено компьютерами, то с развитием технологий персональные цифровые помощники позволили совершать преступления более мобильно, что также необходимо понимать при рассмотрении заявленной нами темы.

В настоящее время достаточно энергично осуществляется процесс по цифровизации практически всех сфер функционирования жизнедеятельности путем создания и внедрения различных технологий (например, биометрическая идентификация, работа с максимальным объемом данных, дистанционное обслуживание, а также облачное хранение информации)². Тем самым повышается диапазон персональной информации. Пользователи размещают в информационных системах

¹ См. официальный сайт МВД России [Электронный ресурс]. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics>. Согласно данным ведомственной статистики, в 2017 году зарегистрировано 90 587 преступлений, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, в 2018 году уже зафиксировано 174 700 преступлений (+92,8%), в 2019 году – 294 409 преступлений (+68,5%), в 2020 году количество таких преступлений по сравнению с аналогичным периодом прошлого года увеличилось еще на 73,4%. Прирост данной категории преступлений отмечается на территории всех федеральных округов и субъектов Российской Федерации.

² О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

(допустим, посредством электронной почты) копии документов, удостоверяющих личность, на сервисы платежных систем направляются реквизиты банковских карт, в социальных сетях размещается информация о личной жизни и т.д. С наибольшей точностью системы поисковых сервисов осуществляют анализ запросов выбранного им пользователя и с высочайшей достоверностью формируют его описание под текущий социальный портрет [1, с. 27], который может охватывать род занятий, сферу интересов, уровень доходов, географию перемещений, социальные связи и др.

Целиком и полностью изменения в сфере информационных процессов наложили отпечаток на состояние преступности. Происходит системное увеличение зарегистрированных преступлений, совершаемых с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, даже за неполный 2021 год, по сравнению с аналогичным периодом 2020 года, оно является существенным³. В январе 2021 года зарегистрировано 37,2 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 32,2% больше, чем за аналогичный период прошлого года. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 17,7% в январе 2020 года до 25,0%. Практически все такие преступления (98,6%) выявляются органами внутренних дел. Больше половины таких преступлений (57,8%) относится к категориям тяжких и особо тяжких – 21,5 тыс. (+45,2%); почти две трети (61,7%) совершается с использованием сети Интернет – 23,0 тыс. (+51,3%), больше трети (39,5%) – средств мобильной связи – 14,7 тыс. (+39,0%). Три четверти таких преступлений (75,1%) совершается путем кражи или мошенничества – 28,0 тыс. (+28,6%), каждое девятое (11,6%) – с целью незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств – 4,3 тыс. (+59,9%).

На увеличение количества преступлений данной категории влияют также и другие причины, например, пандемия коронавируса (COVID-19), которая также сыграла свою роль в прогрессировании

³ Краткая характеристика состояния преступности [Электронный ресурс]. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/23163626/>

преступной активности; виктимное поведение потерпевших и т.д.

С учетом осложнения криминогенной ситуации, обусловленной пандемией, оперативно установлена ответственность за распространение заведомо недостоверной общественно значимой информации с использованием телекоммуникационных технологий.

В законодательство также внесены изменения, в значительной степени ужесточающие требования к порядку выдачи электронной цифровой подписи и ее использования при подписании документов различными субъектами⁴.

Принят закон, на основании которого запрещено принимать оплату товаров, работ и услуг цифровой валютой⁵. У кредитно-финансовых организаций появились полномочия своевременно блокировать переводы денежных средств без согласия клиента⁶.

Учитывая относительную новизну данных преступлений, можно вести речь о наличии ряда трудностей, с которыми сталкиваются как оперативный состав подразделений территориальных органов внутренних дел при выявлении и раскрытии преступлений в сфере ИТ, так и сотрудники следственных подразделений при расследовании уголовных дел данной категории.

Проблемы противодействия ИТ-преступлениям уже неоднократно обсуждались на различных ведомственных и межведомственных площадках. Так, вопрос «О состоянии работы правоохранительных и контролирующих органов по предупреждению, выявлению, пресечению и расследованию преступлений, связанных с посягательствами на безопасность в сфере использования информационно-телекоммуникационных технологий⁷, включая критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации» рассмотрен на заседании Коорди-

национного совещания руководителей правоохранительных органов Российской Федерации⁸.

В целях защиты конституционных прав граждан, потерпевших от преступлений, и повышения оперативности их раскрытия, полноты возмещения причиненного им вреда, соблюдения разумного срока уголовного судопроизводства в системе МВД России изданы и функционируют ведомственные нормативные акты.

Например, приказом МВД России «О некоторых мерах по совершенствованию организации раскрытия и расследования отдельных видов хищений»⁹ предписывается осуществлять принятие решения о возбуждении уголовного дела в органе внутренних дел, в который поступило сообщение об ИТ-преступлении, вне зависимости от места его совершения. Для информационно-аналитического обеспечения мероприятий по выявлению, раскрытию и расследованию ИТ-преступлений приказом МВД России от 22.04.2020 № 236 введена в эксплуатацию подсистема программно-технического комплекса интегрированного банка данных коллективного пользования федерального уровня «Дистанционное мошенничество»¹⁰.

Приказом МВД России от 29.12.2020 № 925 закреплена временная инструкция по формированию, ведению и использованию подсистемы «Дистанционное мошенничество» ПТК «ИБД-Ф», в ней же описаны основные ее принципы¹¹. Функциональные возможности указанного программного обеспечения позволяют территориальным органам МВД России проводить анализ информации в целях выявления региональных и межрегиональных совпадений, из них – номеров телефонов, банковских карт, банковских счетов, электронных кошельков, IMEI-номеров телефонов. Информационная модель позволит следователю выдвигать следственные версии, относимые

⁴ О внесении изменений в Федеральный закон «Об электронной подписи» и статью 1 Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»: Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. № 476-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>

⁵ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>

⁶ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия хищению денежных средств: Федеральный закон от 27 июня 2018 г. № 167-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>

⁷ Далее – ИТТ.

⁸ Официальный сайт Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://council.gov.ru/events/news/118217/> (дата обращения: 11.03.2021).

⁹ О некоторых мерах по совершенствованию организации раскрытия и расследования отдельных видов хищений: приказ МВД России от 3 апреля 2018 г. № 196 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «СтарСюрист».

¹⁰ О вводе в эксплуатацию подсистемы «Дистанционное мошенничество» ПТК «ИБД-Ф»: приказ МВД России от 22.04.2020 № 236 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «СтарСюрист».

¹¹ Об утверждении Временной инструкции по формированию, ведению и использованию подсистемы «Дистанционное мошенничество» ПТК «ИБД-Ф»: приказ МВД России от 29.12.2020 № 925 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «СтарСюрист».

к категории типовых, назначение которых – в определении наиболее вероятностных вариантов развития криминалистической ситуации и преступного поведения злоумышленника. Принимая во внимание полученную информацию, следователь составляет план расследования, формулируются следственные версии исходя из информационных данных, полученных по фактически совершенным преступным действиям, требующим уголовно-правовой оценки и проведения полноценного расследования.

Конечно же, успешное противодействие IT-преступности зависит от качественной реализации принятых управленческих решений, ввиду чего со стороны правоохранительных органов необходимо проводить более активную деятельность, направленную на информационный обмен с кредитными организациями, интернет-провайдерами, операторами связи и другими организациями.

На сегодняшний день требует проработки вопрос о качественной подготовке специалистов в области ИТТ в образовательных организациях системы МВД России. Сотрудники правоохранительных органов должны быть экспертами в области информационно-коммуникационных технологий, понимающими не только программное обеспечение, файловые системы и операционные системы, но и то, как работают сети и аппаратное обеспечение. Достаточная осведомленность позволит определить, как происходит взаимодействие между этими компонентами, чтобы получить полную картину того, что произошло, почему это произошло. К сожалению, вне сомнения остается тот факт, что сами технологии в активном темпе прогрессируют и мы за ними не успеваем. За совершенствованием и продвижением электронной торговли, предоставлением в Глобальной сети разного рода услуг, включая финансовые услуги, – за этим перспектива нашего будущего [2, с. 14].

Учитывая, что вопрос, связанный с раскрытием и расследованием данной категории преступлений, стоит достаточно остро, приходится констатировать наличие самых различных научных воззрений. Не вдаваясь в полемику, мы, опираясь на тактику и методику, считаем возможным рассматривать те или иные материальные объекты, имеющие важное значение для выявления, раскрытия и последующего расследования совершенных преступных деяний, в отношении которых можно говорить о наличии следовой информации как материального, так и идеального плана.

Принимая во внимание вышесказанное, в целях борьбы с данными преступлениями необходимо также:

– продолжать работу по совершенствованию законодательства, затрагивающего вопросы противодействия преступлениям в сфере ИТТ;

– четко и слаженно осуществлять профилактическую работу с населением [3];

– сконцентрироваться на наращивании функционала и возможностей подсистемы интегрированного банка данных «Дистанционное мошенничество» не только по выявлению схожих и серийных преступлений, но и по предупреждению таковых;

– осуществить анализ практики взаимодействия при проведении процессуальных проверок, расследовании уголовных дел и осуществлении оперативно-розыскной деятельности;

– усилить деятельность подразделений по противодействию преступлениям, совершенным с использованием и в сфере информационно-коммуникационных технологий, с учетом анализа их эффективности [4];

– обеспечить требуемым программным обеспечением, оборудованием, а также укомплектовать специалистами в области проведения компьютерных исследований и экспертиз ведомственные экспертные учреждения;

– принять меры по совершенствованию подходов к проведению компьютерных экспертиз по IT-преступлениям, сокращению сроков получения правоохранительными органами интересующей информации, повышению эффективности работы по блокированию мошеннических ресурсов в сети Интернет [5, с. 41];

– ужесточить ответственность за похищение персональных данных граждан.

Безусловно, генерирование и совершенствование технологий в инновационном мире детерминирует их проникновение во все сферы общественной жизни, это позволяет говорить о том, что на первый план выходит потребность в совершенствовании работы по укреплению и формированию наиболее оптимальной законодательной и ведомственной нормативной базы, в рамках которой будут строиться и протекать текущие общественные отношения, в том числе и те, которые позволят противодействовать противоправным проявлениям. Также успешное противодействие IT-преступности будет зависеть от качественной реализации принятых управленческих решений со стороны правоохранительных органов, которые будут неразрывно связаны с совместными действиями всей правоохранительной системы. Учитывая, что появляются все новые формы и методы подготовки, тактики совершения и сокрытия преступных деяний, большое внимание также следует уделять оптимизации способов, направленных на раскрытие и расследование данной категории преступлений.

Литература

1. **Гаврилин Ю.В.** Участие негосударственных организаций в выявлении, раскрытии и расследовании преступлений // Академическая мысль. – 2018. – № 3 (4). – С. 26–28.
2. **Митник К.Д., Саймон В.Д.** Искусство обмана / пер. с англ. А.А. Груздев, А.В. Семенов. – Москва, 2006. – 124 с.
3. **Ревенков П.В., Бердюгин А.А.** Социальная инженерия как источник рисков в условиях дистанционного банковского обслуживания // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2017. – № 9 (354). – С. 1747–1760.
4. **Журавлева Г.В., Карпова Н.А.** О некоторых особенностях квалификации хищений с использованием компьютерных технологий // Евразийская адвокатура. – 2018. – № 4 (35). – С. 14–16.
5. **Рагулина А.В.** Компьютерное мошенничество // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – № 5. – С. 41–49.
6. **Батюкова В.Е.** Предупреждение кибермошенничества в период COVID-19 // Образование и право. – 2020. – № 11. – С. 347–349.

References

1. **Gavrilin Yu.V.** Uchastie negosudarstvennykh organizatsii v vyyavlenii, raskrytii i rassledovanii prestuplenii // Akademicheskaya mysl'. – 2018. – № 3 (4). – S. 26–28.
2. **Mitnik K.D., Saimon V.D.** Iskusstvo obmana / per. s angl. A.A. Gruzdev, A.V. Semenov. – Moskva, 2006. – 124 s.
3. **Revenkov P.V., Berdyugin A.A.** Sotsial'naya inzheneriya kak istochnik riskov v usloviyakh distantsionnogo bankovskogo obsluzhivaniya // Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'. – 2017. – № 9 (354). – S. 1747–1760.
4. **Zhuravleva G.V., Karpova N.A.** O nekotorykh osobennostyakh kvalifikatsii khishchenii s ispol'zovaniem komp'yuternykh tekhnologii // Evraziiskaya advokatura. – 2018. – № 4 (35). – S. 14–16.
5. **Ragulina A.V.** Komp'yuterno moshennichestvo // Probely v rossiiskom zakonodatel'stve. – 2016. – № 5. – S. 41–49.
6. **Batyukova V.E.** Preduprezhdenie kibermoshennichestva v period COVID-19 // Obrazovanie i pravo. – 2020. – № 11. – S. 347–349.

(статья сдана в редакцию 18.10.2021)

**ЗАДАЧИ И ФОРМЫ (НАПРАВЛЕНИЯ)
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ****TASKS AND FORMS (DIRECTIONS)
OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITY**

УДК 343

В.И. ШАРОВ,
доктор юридических наук, профессор
(Нижегородская академия МВД России,
Россия, Нижний Новгород)
v-i-sharov@rambler.ru

VIKTOR I. SHAROV,
Doctor of Law, Professor
(Nizhniy Novgorod academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Nizhny Novgorod, Russia)

Аннотация: в статье рассматриваются проблемные вопросы правового регулирования задач оперативно-розыскной деятельности и их интерпретации в таком понятии, как форма или направление оперативно-розыскной деятельности. Анализируя литературу и практику оперативно-розыскной деятельности, автор приходит к выводу, что, несмотря на многочисленные дополнения закона, оперативно-розыскное законодательство не полностью отвечает современным требованиям. Причем требуются не «косметические», а структурные изменения закона, разработка его новой редакции, предложения таких редакций, к сожалению, не нашли отклик у законодателя. Анализируя далее проблемы закона, автор останавливается на трех из них: а) несогласованность цели оперативно-розыскной деятельности (ст. 1 закона) с задачами (ст. 2), а также несоответствие и того и другого содержанию оперативно-розыскной деятельности; б) несоответствие цели оперативно-розыскной деятельности средствам ее достижения, которыми определены исключительно оперативно-розыскные мероприятия; в) несогласованность системы «цель – задачи оперативно-розыскной деятельности» вызывает необходимость новой конструкции, где задачи заменяются формами или направлениями оперативно-розыскной деятельности.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, цели и задачи оперативно-розыскной деятельности, формы оперативно-розыскной деятельности.

Для цитирования: Шаров В.И. Задачи и формы (направления) оперативно-розыскной деятельности // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2022. № 1. С. 37–41.

Abstract: the article deals with problematic issues of legal regulation of the tasks of operational investigative activities and their interpretation in such a concept as the form or direction of the operational and investigative activities. Analyzing the literature and practice of the operational and investigative activities, the author comes to the conclusion that despite numerous additions to the law, the operational-investigative legislation does not fully meet modern requirements. Moreover, not «cosmetic», but structural changes of the law are required, the development of its new edition, the proposals of such editions, unfortunately, did not find a response from the legislator. Analyzing further the problems of the law, the author dwells on three of them: a) the inconsistency of the purpose of the operational and investigative activities (Article 1 of the law) with the tasks (Article 2), as well as the inconsistency of both with the content of the operational and investigative activities; b) the inconsistency of the purpose of the operational and investigative activities with the means of achieving it, which are defined exclusively by the operational and investigative measures; c) the inconsistency of the goal – task system of the operational and investigative activities causes the need for a new design, where the tasks are replaced by the forms or directions of the operational and investigative activities.

Keywords: operational search activity, goals and objectives of the operational search activity, forms of the operational search activity.

For citation: Sharov V.I. Tasks and forms (directions) of operational investigative activity // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1. P. 37–41.

Чем больше проходит времени с принятия Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»¹, тем все увереннее звучат слова ученых, что современное законодательное регулирование этой сферы требует своего совершенствования. Новые идеи о содержании закона, родившиеся на рубеже веков, как единичные предложения в первую очередь таких ученых-реформаторов, как, например, А.Ю. Шумилов, сейчас получают почти повсеместное одобрение, а казавшихся ранее революционными взглядов сегодня придерживаются многие ученые. Предложения по улучшению оперативно-розыскного закона достаточно многочисленны, причем они носят разноплановый характер – от небольших изменений и дополнений закона до его кардинальной перестройки.

Анализируя литературу и практику оперативно-розыскной деятельности², приходится констатировать, что оперативно-розыскное законодательство не полностью отвечает современным требованиям, отстает от практики, и это несмотря на многочисленные дополнения закона, принятые за время его действия. В первую очередь нужны новые формулировки многих принципиальных положений, как то: целей и задач ОРД; существенные дополнения по законодательному закреплению мер принуждения в ОРД; совершенствование концепции защиты прав и свобод личности в процессе проведения ОРД и иные дополнения, предложенные в различных источниках как результат исследования отдельных проблем ОРД.

Всего два примера. Н.В. Павличенко и А.С. Самodelкин отмечают недостаточное развитие в оперативно-розыском законодательстве средств защиты прав и свобод человека. Констатируя накопившиеся недостатки в правовом регулировании ОРД и наличие «...попыток создания эффективного правового режима оперативно-розыскной деятельности, формирования социального контроля над ее осуществлением», они отмечают, что «...оперативно-розыскное законодательство не успевает за развитием правовых средств защиты человека, вовлеченного в правоохранительную сферу» [1, с. 91].

В.Н. Омелин вносит ряд предложений, связанных с увеличением сроков хранения материалов, полученных в ходе оперативно-розыскных мероприятий³, уточнением порядка предоставления

уполномоченным прокурорам сведений о лицах, внедренных в организованные группы, и др. [2, с. 131–133]. Можно привести и целый ряд других предложений, высказанных не столь известными учеными, но они носят частный характер, не затрагивая структурную целостность закона.

Наряду с этим, все чаще звучат структурные предложения по изменению концепции закона и разработке его новой редакции. А.В. Агарков, представитель владимирской школы ОРД, пишет, что проблемы современного оперативно-розыскного закона невозможно устранить путем внесения разовых изменений в действующий ФЗ «Об ОРД». Он высказывает мнение, что «...требуется комплексный научный подход к разработке и принятию нового закона» [3, с. 93].

Идея принятия закона, регулирующего оперативно-розыскную деятельность, звучит на самом высоком уровне. В 2009 году в докладе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации подчеркивается, что разработка и принятие нового федерального закона, регулирующего правоотношения в сфере осуществления оперативно-розыскной деятельности, будет способствовать борьбе с преступностью⁴.

И проекты законов появились. Свое видение оперативно-розыскного закона публикует А.Ю. Шумилов [4, с. 32]. Коллективом в составе К.К. Горяинова, О.А. Вагина, А.П. Исиченко, О.А. Ковалева разрабатывается авторский проект закона «Об ОРД»⁵, принимается Модельный закон об оперативно-розыскной деятельности стран СНГ⁶.

В.Ф. Луговик предлагает Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации [5, с. 109–135]. Он выносится на обсуждение Государственной Думой, но подвергается жесточайшей критике коллективом ученых, созданным МВД России

⁴ О состоянии законодательства в Российской Федерации: мониторинг правового обеспечения основных направлений внутренней и внешней политики: доклад Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2009 года [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Инициативный авторский проект федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» / К.К. Горяинов, О.А. Вагин, А.П. Исиченко, О.А. Ковалев // Современные подходы к правовому регулированию оперативно-розыскной деятельности: инициативные авторские проекты Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». – Омск, 2006. С. 80–90.

⁶ Модельный закон «Об оперативно-розыскной деятельности». Одобрен на двадцать седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств. Постановление от 16 ноября 2006 г. № 27-6.

¹ Далее – ФЗ «Об ОРД».

² Далее – ОРД.

³ Далее – ОРМ.

для его рецензирования⁷. Естественно, законодательский процесс останавливается.

Новаторство предложенного кодекса, конечно, налицо, поскольку присутствуют положения, которых нет в действующем законе, но они принципиально не противоречат действующим законодательным положениям, скорее, устраняют выявившиеся за время действия закона недоработки и недостатки. Тем не менее удивительно неприятие его коллективом уважаемых ученых, критика которых порой не справедлива и не убедительна. Даже введение меры оперативно-розыскного задержания рассматривается оппонентами как нарушение конституционных норм.

Однако вернемся к рассмотрению правового регулирования оперативно-розыскной деятельности и приведем наше мнение о недостатках действующего закона. Первой очевидной системной проблемой, требующей коррекции законодательства, вступает несогласованность цели ОРД (ст. 1 закона) с задачами (ст. 2), несоответствие и того и другого содержанию ОРД.

Во-первых, современная ОРД существенно шире, чем та, которая определена в ст. 1 и ст. 2 закона. Учитывая актуальные тенденции о расширении ОРД, наличие констатируемой А.Ю. Шумиловым «поливидовой» ОРД, определим ОРД в широком смысле, когда «цель ОРД – обеспечение безопасности и человека, и общества, и государства уже не только от преступлений, но от гораздо более широкого круга посягательств и угроз» [11, с. 18–19]. Заметим, это объективный анализ, сделанный на основе закона, с констатацией, что «...именно по этому пути пошел современный законодатель, конструируя многие нормативные предписания ОРД» [11, с. 18–19].

Это проявляется в тенденции дополнения ОРД целым рядом отличающихся от борьбы с преступностью видов деятельности, в частности, административными процедурами по сбору данных о допуске лиц к государственной тайне, к работам, связанным с эксплуатацией представляющих повышенную опасность объектов, сведений об установлении или о поддержании с лицом отношений сотрудничества, информации о достоверности сведений о законности происхождения денег, ценностей, иного имущества и доходов от них по делам, связанным с терроризмом, и т.д., а также целого ряда сведений в соответствии с Федераль-

ным законом от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», другими нормативными правовыми актами Российской Федерации в области противодействия коррупции.

На наш взгляд, ОРД – это сильный инструмент, последний аргумент государства в противостоянии преступности. Использовать всю ее мощь, представляемую ФЗ «Об ОРД», нецелесообразно, цель явно не оправдывает средства. Нужны либо иные средства или иная, ограниченная по возможностям деятельность, близкая, но отличная от ОРД.

Во-вторых, несоответствие цели ОРД средствам ее достижения, которыми определены исключительно ОРМ, то есть позиция, что единственным содержанием ОРД являются оперативно-розыскные мероприятия, а ОРД осуществляется исключительно путем их проведения, не соответствует действительности. Мы это отмечали ранее, указывая, что ОРД существенно шире и богаче предлагаемой законом системы оперативно-розыскных мероприятий. Мы придерживаемся точки зрения В.М. Ахмажитова и В.Г. Боброва, считающих, что «...оперативно-розыскные мероприятия являются только одним из основных элементов (частей) оперативно-розыскной деятельности». Авторы подчеркивают важный аспект, что ОРМ хотя и представляют собой сердцевину ОРД, но не представляют всего содержания ОРД. Они отмечают, что «наряду с ними органы дознания для решения задач по борьбе с преступностью проводят также другие действия, не включенные в перечень оперативно-розыскных мероприятий (облава, засада и др.)» [6, с. 9]. Этой точки зрения придерживаются и другие ученые, указывая, что «описать деятельность оперативного сотрудника на месте преступления исключительно оперативно-розыскными мероприятиями невозможно» [7, с. 192].

Давно и последовательно отстаивает идею введения в оперативно-розыскное законодательство принудительных мер В.Ф. Луговик. Он отвергает правовое регулирование принудительных процедур при осуществлении ОРД иными нормативными актами (например, Федеральный закон «О полиции»), справедливо полагая, что это нужно закреплять в законе, регулирующем оперативно-розыскную деятельность, то есть ФЗ «Об ОРД». Развивая идею, он предлагает следующие меры обеспечения оперативно-розыскного производства: «доставление; задержание; личный досмотр; изъятие; приведение в негодность или уничтожение документов, предметов, материалов, веществ; ограничение использования сетей связи и средств связи; приостановление услуг связи» [8, с. 166].

Представляется, что выявлен явный «недостаток» законодателя, и с этим соглашается большинство практиков, но все попытки его устранения пока безуспешны.

⁷ Экспертное заключение Расширенной рабочей группы при Министре внутренних дел Российской Федерации по дальнейшему реформированию органов внутренних дел Российской Федерации по проекту федерального закона № 831609-6 «Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: <https://ordrf.ru/wp-content/uploads/2017/10/Экспертное-заключение-по-проекту-Оперативно-розыскного-кодекса-РФ.pdf> (дата обращения: 28.10.2021).

К сожалению, дополнить ОРД, наряду с ОРМ, иными действиями, вроде задержания и т.д., представляется недостаточным для того, чтобы привести законодательство в соответствие с практикой и, в интерпретации В.Ф. Луговика, расширить возможности ОРД, в том числе в сторону ограничительных мер в высокотехнологичной сфере, что предпринято им в предлагаемом кодексе.

С.И. Захарцев видит проблему практически так же, но несколько иначе представляет ее решение. Только анализ ФЗ «Об ОРД» позволяет ему выделить, наряду с оперативно-розыскными мероприятиями, целый ряд, по его определению, частей ОРД, каждая из которых имеет свои цели. Например, привлечение к конфиденциальному содействию лиц, ведение специфической финансовой деятельности, информационное обеспечение и документирование и т.д. Такая множественность вызывает у него предложение исключить из понятия цели ОРД ст. 1 закона фразу «посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий», заменив ее на другую «и в иных, предусмотренных настоящим Федеральным законом целях» [9], тем самым сняв противоречие между содержанием ОРД и ее целью.

Теоретически все выглядит правильно, но опять возникает некоторые противоречия, связанные с несамостоятельностью отдельных частей ОРД. Например, для привлечения к конфиденциальному содействию лиц (одна часть) требуется проведение ОРМ (другая часть). И информационное обеспечение сегодня по условиям нормативных правовых актов состоит в проведении оперативно-розыскных мероприятий. Развивая это положение, можно высказать предположение, что для каждой части ОРД может быть сопоставлен свой набор ОРМ в тех или иных интерпретациях, то есть остается выделить оперативно-технические мероприятия как самостоятельную часть ОРД, но более высокого уровня, входящую своими отдельными составляющими в другие части, как, собственно, и есть.

Именно так сделал В.Ф. Луговик в своем авторском Оперативно-розыском кодексе, выделив практически те же части ОРД в отдельную статью – основные направления оперативно-розыскной деятельности. Хотя, по существу, они выглядят как те же задачи ОРД, но существенно переформулированные и расширенные.

В-третьих, задачи ОРД не могут определять все то, что возложено на ОРД. Размышления о целях и задачах ОРД, приведенных в ФЗ «Об ОРД» и являющихся основой правового регулирования оперативно-розыскных правоотношений, приводят нас к мысли, что представить согласованную логически стройную систему цели и задач вряд ли возможно. Причиной этого является многоа-

спектность этой сферы деятельности, порождающей множественность решаемых задач. Как мы уже отмечали, проблему усугубляет расширение ОРД, включение в нее ряда новых, не фигурировавших ранее, а порой и не свойственных данной сфере деятельности задач.

Повторим: задачи, сформулированные в ст. 2 ФЗ «Об ОРД», в недостаточной степени отражают оперативно-розыскную деятельность. И это не только наше мнение: «...в деятельности каждого субъекта ОРД существует практика проведения оперативно-розыскных мероприятий, не отвечающая требованиям ст.ст. 1, 2 ФЗ „Об ОРД“», – отмечают А.В. Агарков и К.В. Капустин [10, с. 12]. Они приходят к данному выводу на основе анализа ОРД Федеральной службы исполнения наказаний, но его можно распространить и на ОРД в целом.

В этом аспекте следует говорить не о задачах, а о видах (А.Ю. Шумилов), или частях (С.И. Захарцев), или направлениях (В.Ф. Луговик) ОРД, но именно в том контексте, что они объединены единой целью – защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств. Именно так, как это сформулировано в законе.

В отношении же задач ОРД в научной литературе наиболее характерно их рассмотрение в контексте совершенствования ст. 2 ФЗ «Об ОРД» посредством уточнения их формулировок, чтобы они в большей степени отвечали теории и действительности оперативно-розыскной деятельности. Присутствуют и попытки дополнения (расширения) существующих задач. Последнее более чем понятно, поскольку ОРД выполняет более широкие функции, чем сформулировано в ст. 2 закона. При этом важность проблемы очевидна: отсутствие какого-либо вида ОРД в перечне задач не позволяет в полной мере реализовать данный вид этой деятельности в целях борьбы с преступностью.

Повторим, представляется правильным говорить о видах, частях ОРД или основных направлениях оперативно-розыскной деятельности, но именно в том смысле, что они выступают как самостоятельные задачи ОРД.

Ранее мы высказывали мнение, что ОРД может проводиться не только посредством оперативно-розыскных мероприятий, но и в рамках определенных организационных форм. Полагаем, что это позволяет решить отмеченное выше противоречие между системой ОРМ и содержанием ОРД. В законе же требуется сформулировать тезис, что оперативно-розыскная деятельность осуществляется посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий и в виде отдельных организационных форм. Каждая форма может осуществляться как посредством оперативно-розыскных мероприятий,

так и отдельных, предусмотренных данной формой процедур. Тем самым можно будет говорить, что 15 ОРМ, действующих на сегодняшний день, есть не единственный путь, без которого нельзя достичь результатов ОРД. Более того, ОРМ будут проводиться в рамках определенных организационно-тактических форм, что сближает их с условиями проведения оперативно-розыскных мероприятий. Конечно, эти формы требуется раскрыть.

Полагаем, что такими формами могут быть предложенные В.Ф. Луговиком направления ОРД, интегрированные с системой форм, предложенных А.А. Масловым. Например, выявление, предупреждение и раскрытие преступлений; розыск лиц, идентификация лиц и трупов; установление имущества, подлежащего конфискации; опера-

тивно-розыскное обеспечение предварительного расследования преступлений и их судебного рассмотрения; оперативно-розыскное обеспечение собственной безопасности; агентурная работа; обеспечение поддержания установленного режима в учреждениях исполнения наказания и целый ряд других, анализ которых требует отдельной статьи.

Здесь же укажем, что законодательная регламентация направлений или форм ОРД, описание их как некоторого процесса обеспечения ОРД позволит понимать осуществляемую деятельность как порядок соответствующих организационных и тактических действий и нормативно установленный порядок организации деятельности для обеспечения решения задач ОРД, а не только как комплекс ОРМ.

Литература

1. **Павличенко Н.В., Самodelкин А.С.** Перспективы развития оперативно-розыскного законодательства (анализ проекта Федерального закона «Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации») // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2015. – № 3 (33). – С. 90–96.
2. **Омелин В.Н.** Некоторые вопросы совершенствования оперативно-розыскного законодательства по борьбе с организованной преступностью // Закон и право. – 2019. – № 6 (19). – С. 131–133.
3. **Агарков А.В.** Проблемы отечественного оперативно-розыскного законодательства и предложения по их разрешению с учетом опыта некоторых стран СНГ // Пенитенциарная наука. – 2021. – № 1. – С. 85–94.
4. **Шумилов А.Ю.** Новая редакция оперативно-розыскного закона России: Открытый проект: науч.-справ. пособие. – Москва, 2004. – 32 с.
5. **Луговик В.Ф.** Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации (авторский проект федерального закона) // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2015. – № 1 (31). – С. 109–135.
6. **Атмажитов В.М., Бобров В.Г.** О законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности: науч. докл. – Москва, 2003. – 23 с.
7. **Павличенко Н.В., Самodelкин А.С.** Конвергенция оперативно-розыскного законодательства государств – участников Содружества Независимых Государств // Общество и право. – 2016. – № 1 (55). – С. 190–194.
8. **Луговик В.Ф.** Фиксация результатов оперативно-розыскной деятельности МВД России с помощью следственных действий // Вестник Воронежского института МВД России. – 2017. – № 1. – С. 161–169.
9. **Захарцев С.И.** Оперативно-розыскные мероприятия: теория и практика: монография / под ред. В.П. Сальникова. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2004. – 257 с.
10. **Агарков А.В., Капустин К.В.** Цели и задачи современной оперативно-розыскной деятельности: проблемы законодательного регулирования // Вестник Самарского юридического института. – 2021. – № 1. – С. 9–13.
11. **Шумилов А.Ю.** Оперативно-розыскная наука в Российской Федерации: монография: в 3 т. Т. I: Оперативно-розыскная деятельность и формирование науки о ней. – Москва: Издательский дом Шумиловой И.И., 2013. – 455 с.

References

1. **Pavlichenko N.V., Samodelkin A.S.** Perspektivy razvitiya operativno-rozysknogo zakonodatel'stva (analiz proekta Federal'nogo zakona "Operativno-rozysknoi kodeks Rossiiskoi Federatsii") // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. – 2015. – № 3 (33). – S. 90–96.
2. **Omelin V.N.** Nekotorye voprosy sovershenstvovaniya operativno-rozysknogo zakonodatel'stva po bor'be s organizovannoi prestupnost'yu // Zakon i pravo. – 2019. – № 6 (19). – S. 131–133.
3. **Agarkov A.V.** Problemy otechestvennogo operativno-rozysknogo zakonodatel'stva i predlozheniya po ikh razresheniyu s uchedom opyta nekotorykh stran SNG // Penitentsiarnaya nauka. – 2021. – № 1. – S. 85–94.
4. **Shumilov A.Yu.** Novaya redaktsiya operativno-rozysknogo zakona Rossii: Otkrytyi proekt: nauch.-sprav. posobie. – Moskva, 2004. – 32 s.
5. **Lugovik V.F.** Operativno-rozysknoi kodeks Rossiiskoi Federatsii (avtorskii proekt federal'nogo zakona) // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. – 2015. – № 1 (31). – S. 109–135.
6. **Atmazhitov V.M., Bobrov V.G.** O zakonodatel'nom regulirovanii operativno-rozysknoi deyatel'nosti: nauch. dokl. – Moskva, 2003. – 23 s.
7. **Pavlichenko N.V., Samodelkin A.S.** Konvergentsiya operativno-rozysknogo zakonodatel'stva gosudarstv – uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv // Obshchestvo i pravo. – 2016. – № 1 (55). – S. 190–194.
8. **Lugovik V.F.** Fiksatsiya rezul'tatov operativno-rozysknoi deyatel'nosti s pomoshch'yu sledstvennykh deistvii // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. – 2017. – № 1. – S. 161–169.
9. **Zakhar'tsev S.I.** Operativno-rozysknyye meropriyatiya: teoriya i praktika: monografiya / pod red. V.P. Sal'nikova. – Sankt-Peterburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2004. – 257 s.
10. **Agarkov A.V., Kapustin K.V.** Tseli i zadachi sovremennoi operativno-rozysknoi deyatel'nosti: problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. – 2021. – № 1. – S. 9–13.
11. **Shumilov A.Yu.** Operativno-rozysknaya nauka v Rossiiskoi Federatsii: monografiya: v 3 t. T. I: Operativno-rozysknaya deyatel'nost' i formirovanie nauki o nei. – Moskva: Izdatel'skii dom Shumilovoi I.I., 2013. – 455 s.

(статья сдана в редакцию 30.11.2021)

**ОСОБЕННОСТИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО
ФАКТАМ ПРЕСТУПНЫХ ДЕЙСТВИЙ В СФЕРЕ ПАССАЖИРСКИХ
ПЕРЕВОЗОК ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА****FEATURES OF THE INITIATION OF A CRIMINAL CASE ON THE
FACTS OF CRIMINAL ACTIONS IN THE FIELD OF PASSENGER
TRANSPORTATION OF RAILWAY TRANSPORT**

УДК 343.98

В.И. ЩУКИН,

кандидат юридических наук, доцент
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
SchukinV1956@yandex.ru

VLADIMIR I. SCHUKIN,

Candidate of Law, Associate Professor
(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

А.М. ЖУРБЕНКО,

кандидат экономических наук
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
Zhurbenkoal@yandex.ru

ALEXEY M. ZHURBENKO,

Candidate of Economic Sciences
(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: в статье рассмотрены вопросы, связанные с организацией проверки сообщений о совершении преступлений в пассажирском подвижном составе железнодорожного транспорта. Определены факторы, влияющие на эту деятельность. Проводя проверку поступившей информации о событии преступления, следователь осуществляет информационно-познавательную, поисковую деятельность. При этом использует весь спектр криминалистических средств и методов расследования определенного вида преступления. С учетом этого в статье определена роль криминалистического обеспечения в процессе установления признаков преступления на стадии возбуждения уголовного дела, а также его значение в разрешении исходных ситуаций. Они характеризуются наличием или отсутствием информации о виновном лице, следах преступления, возможности их сохранения и получения в условиях подвижного состава, а также времени, прошедшем с момента поступления информации до момента прибытия на место события. Определяя особенности возбуждения уголовного дела по фактам преступных действий в сфере пассажирских перевозок железнодорожного транспорта, авторы отмечают, что эффективность данного процесса в полной мере зависит от исходной ситуации, организации взаимодействия следователя с сотрудниками линейных подразделений органов внутренних дел на транспорте, эффективного использования специальных знаний.

Ключевые слова: железнодорожный транспорт, событие преступления, криминалистическое обеспечение, исходные ситуации, следы преступления.

Для цитирования: Щукин В.И., Журбенко А.М. Особенности возбуждения уголовного дела по фактам преступных действий в сфере пассажирских перевозок железнодорожного транспорта // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2022. № 1. С. 42–46.

Abstract: the article deals with the issues related to the organization of verification of reports of crimes committed in the passenger rolling stock of railway transport. The factors influencing this activity are determined. Conducting a check of the received information about the event of the crime, the investigator carries out information and cognitive, search activities. At the same time, they use the entire range of forensic tools and methods of investigating a certain type of crime. Taking this into account, the article defines the role of forensic support in the process of establishing signs of a crime at the stage of initiating a criminal case, as well as its importance in resolving initial situations. They are characterized by the presence or absence of information about the guilty person, traces of the crime, their preservation and the possibility of obtaining in the conditions of rolling stock, as well as the time elapsed from the moment of receipt of information to the moment of arrival at the scene of the event. Determining the specifics of initiating a criminal case on the facts of criminal actions in the field of passenger

transportation by rail, the authors note that the effectiveness of this process fully depends on the initial situation, on the organization of interaction between the investigator and employees of linear divisions of internal affairs bodies in transport, on the effective use of special knowledge.

Keywords: railway transport, crime event, forensic support, initial situations, traces of the crime.

For citation: Schukin V.I., Zhurbenko A.M. Features of the initiation of a criminal case on the facts of criminal actions in the field of passenger transportation of railway transport // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1. P. 42–46.

Эффективность расследования преступлений, совершенных на железнодорожном транспорте, зависит от большого спектра факторов, влияющих на этот процесс. Рассматривая особенности возбуждения уголовного дела по фактам преступных действий в пассажирском подвижном составе железнодорожного транспорта, следует выделить факторы, в значительной степени влияющие на эту деятельность, а именно:

- специфику функционирования подвижного состава данного вида транспорта;
- вид преступного деяния и способ его совершения;
- обстановку совершения преступных действий, обусловленных перемещением подвижного состава;
- характеристику лиц, участвовавших в преступной деятельности;
- характер наступивших вредных последствий.

Специфика функционирования подвижного состава железнодорожного транспорта, в частности пассажирского, оказывает существенное влияние на процесс раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в этой сфере. К ней следует отнести общедоступность, круглосуточность функционирования, концентрацию пассажиропотока и постоянную смену лиц, скоротечность всех происходящих процессов. Следует также отметить значительную протяженность участков железнодорожного пути, по которому следует пассажирский подвижной состав.

Эффективность деятельности следователя, сотрудников органов внутренних дел на транспорте на стадии возбуждения уголовного дела, как и в целом при расследовании, определяется содержанием криминалистического обеспечения. А.Ф. Волынский считает, что оно «проявляется как специфический двухуровневый вид деятельности, направленный: а) на создание условий постоянной готовности правоохранительных органов по реализации возможностей криминалистических методов, средств и рекомендаций в раскрытии и расследовании преступлений; б) на реализацию таких условий в деятельности правоохранительных органов» [1].

Именно для органов внутренних дел на транспорте, которые осуществляют свою деятельность в специфических условиях, содержание криминалистического обеспечения данной деятельности, его совершенствование имеет существенное значение.

Проводя проверку поступившей информации о событии преступления, следователь осуществляет информационно-познавательную, поисковую деятельность. При этом применяет весь спектр криминалистических средств и методов расследования определенного вида преступления. «Следователь может использовать рекомендации по раскрытию и расследованию преступления, которые разработаны применительно к конкретному виду» [2, с. 69]. Это относится как к стадии возбуждения уголовного дела, так и в целом к предварительному расследованию.

С этих позиций следует обратить внимание на классификацию преступлений. А.Ю. Головин считает, что она «ориентирована на активное практическое применение в ходе следственной деятельности. Способствует правильному пониманию сути расследуемых событий, грамотному построению, выбору и применению предлагаемых практикам криминалистических методик расследования отдельных видов преступлений» [3, с. 39]. В частности, вопросы классификации преступлений против собственности, совершенных на транспорте, исследовал О.П. Грибунов [4].

Анализ преступлений, совершаемых в подвижном составе железнодорожного транспорта, свидетельствует о том, что методика расследования указанной категории преступлений, ее отдельные элементы обладают спецификой, а ее содержание для следователя является источником исходной информации при реализации тактических задач как в рамках доследственной проверки, так и в целом при расследовании преступления.

Рассматривая вопросы классификации преступлений указанной категории, следует обратить внимание на следующие критерии:

- вид совершенного преступления;
- место совершения преступления (в пути

следования, на перегоне, во время стоянки на станции);

– время совершения преступления (ночное, дневное);

– вид подвижного пассажирского состава железнодорожного транспорта, где совершено преступление (поезда дальнего следования, международного сообщения, местного, пригородного сообщения).

Анализ уголовной статистики преступлений, совершаемых в условиях функционирования пассажирского подвижного состава железнодорожного транспорта, свидетельствует, что преобладающими видами преступлений в этой области являются: кража чужого имущества – 2354, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, – 307 из общего числа зарегистрированных 4085 преступлений в 2019 году, кража чужого имущества – 1319, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, – 223 из общего числа зарегистрированных 8152 преступлений за 2020 г¹.

При расследовании преступлений, совершенных в условиях железнодорожного транспорта, следователи обращают внимание на способ совершения преступления и влияние на его формирование фактора времени. Преступники, совершая преступления в указанных условиях, активно используют особенности функционирования данного вида транспорта для сокрытия следов преступления. Реализуют возможность перемещения в различных направлениях по пути следования пассажирских поездов, выхода на любой станции, где имеется остановка, чтобы скрыться с места совершенного преступления. С учетом этого эффект от информационно-познавательной, поисковой деятельности следователя, сотрудников линейных органов внутренних дел на транспорте будет зависеть от своевременного получения информации о месте и времени совершения преступления. «Установление времени совершения позволит определить место происшествия, так как время его совершения не совпадает по времени с местом его обнаружения. Это характерно для случаев, когда криминальные деяния осуществляются в подвижном составе на перегоне в пути следования. Установление времени совершения преступления и его места позволяет целенаправленно осуществить работу по установлению лиц, причастных к нему» [5, с. 25].

При проверке сообщения о событии, имеющем признаки различных видов преступлений, которые были совершены в подвижном пассажирском составе железнодорожного транспорта, могут возникать ситуации, характеризующиеся наличием или отсутствием информации о виновном лице, следах преступления, возможности их сохранения и получения в условиях подвижного состава, а также времени, прошедшем с момента поступления информации до момента прибытия на место события.

При разрешении ситуаций с указанными характеристиками приоритетными являются следующие задачи:

– установление лиц, совершивших преступление;

– выявление и фиксация следов, которые, в силу специфики функционирования подвижного состава пассажирского поезда, являются неустойчивыми.

Последнее направление относится как к материальным следам, так и к идеальным, обладателями которых являются пассажиры. Следователь, реализуя задачи по проверке сообщения о преступлении, которое совершено в подвижном пассажирском составе железнодорожного транспорта, осуществляет комплекс действий. Это могут быть как процессуальные, так и непроцессуальные действия, связанные с его поручениями и направленными на получение ориентирующей информации оперативного характера.

Особая роль при этом отводится организации осмотра места происшествия в подвижном пассажирском составе железнодорожного транспорта. Именно это следственное действие способно в максимальной мере устранить информационную неопределенность либо ее минимизировать [6; 7].

Действия следственно-оперативной группы при осмотре места происшествия в подвижном пассажирском составе железнодорожного транспорта зависят от того, где находится подвижной состав – на станции в период стоянки либо на перегоне.

В первом случае следователь осуществляет осмотр места происшествия в ограниченный период времени. У него имеется возможность привлечь дополнительные силы и средства, что значительно облегчает решение оперативных задач по поиску преступников, получению ориентирующей информации и т.п. При этом следует отметить, что осмотр места происшествия во время стоянки – редкое явление. Оно может иметь место на приграничных станциях, когда время стоянки увеличено в связи с проведением таможенного и пограничного контроля пассажиров.

Если следственно-оперативная группа действует автономно, в условиях пассажирского

¹ Статистический отчет ГУТ МВД России [Электронный ресурс]. – URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics>

поезда, находящегося в пути следования, то организация решения указанных локальных задач затруднена. Их решение, на наш взгляд, будет зависеть от организации подготовки и проведения данного вида осмотра.

В период подготовки к производству данного следственного действия следователь должен оценить исходную информацию о происшествии, предусмотреть варианты решения подобных задач.

Определение качественного и количественного состава следственно-оперативной группы, ее перемещения в пассажирском поезде к месту совершения преступного деяния и исследования его с целью сбора доказательств являются ключевыми по данной категории уголовных дел.

Следователь, прибыв на место происшествия и организовав проверку сообщения о событии преступления, как правило, сталкивается с экстремальными условиями. Это обусловлено в значительной мере перемещением в ограниченном пространстве пассажирского поезда. Результативность поисковой, информационно-познавательной деятельности в рамках осмотра места происшествия в подвижном составе пассажирского поезда, на наш взгляд, обусловлена эффективностью взаимодействия следователя с другими участниками следственно-оперативной группы. Оно характеризуется следующими принципиальными положениями:

- совместные действия в рамках осмотра места происшествия должны осуществляться по скоординированному плану;
- участники следственно-оперативной группы осуществляют свою деятельность в пределах своей компетенции, а также в соответствии с указаниями следователя;
- при проведении следственного действия осуществляется незамедлительный обмен и использование полученной оперативным путем информации.

Для реализации поисковой, информационно-познавательной деятельности в рамках осмотра места происшествия в подвижном составе пассажирского поезда важно привлечение

специалиста. Использование специальных знаний связано в данном случае с выполнением «специалистом ряда функций: поисковой функции; функции фиксации; исследовательской функции; диагностической функции; функции моделирования» [8]. При их реализации полученная от специалиста информация позволяет следователю принимать обоснованные организационные и тактические решения.

При решении отдельных вопросов при проверке сообщений о событии преступления, которое было совершено в подвижном пассажирском составе железнодорожного транспорта, у следователя в ряде случаев возникает потребность во взаимодействии не только с участниками следственно-оперативной группы, другими сотрудниками органов внутренних дел на транспорте, но и с территориальными органами внутренних дел. Ведомственными нормативными документами закреплены принципы взаимодействия транспортных и территориальных органов внутренних дел, соблюдение которых позволит объединить и согласовать усилия по организации раскрытия и расследования преступлений, а также способствует преодолению возникающих противоречий между ними.

Определяя особенности возбуждения уголовного дела по фактам преступных действий в сфере пассажирских перевозок железнодорожного транспорта, следует отметить, что эффективность данного процесса в полной мере зависит:

- от исходной ситуации, возникшей в подвижном составе пассажирского поезда;
- от времени, прошедшего с момента поступления информации до прибытия следственно-оперативной группы на место происшествия;
- от организации взаимодействия следователя с сотрудниками линейных подразделений органов внутренних дел на транспорте, а в ряде случаев с территориальными органами внутренних дел;
- от эффективного использования специальных знаний в различных формах при проведении следственных действий и организационных мероприятий.

Литература

1. **Волынский А.Ф.** Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений как форма реализации социальных функций криминалистики // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2008. – № 3 (6). – С. 64–68.
2. **Колдин В.Я.** Криминалистическое знание о преступной деятельности: функция моделирования // Советское государство и право. – 1987. – № 2. – С. 63–69.
3. **Головин А.Ю.** Базовые криминалистические классификации преступлений // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. – 2013. – № 2-2. – С. 31–40.
4. **Грибунов О.П.** Теоретические основы и прикладные аспекты раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против собственности, совершаемых на транспорте: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. – Ростов-на-Дону, 2016. – 53 с.

5. **Кручинин М.В., Потапова Н.Н., Долгачёва О.И.** Особенности выявления, раскрытия и расследования некоторых преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте // Вестник Волжской государственной академии водного транспорта. – 2015. – № 45. – С. 22–28.
6. **Белкин Р.С.** Познавательные методы при собирании и проверке доказательств // Теория доказательств в советском уголовном процессе. – Москва, 1973. С. 401–417.
7. **Быховский И.Е.** Некоторые вопросы оценки результатов первоначальных следственных действий. Криминалистика на службе следствия. – Вильнюс, 1967. С. 115–120.
8. **Лубин А.Ф., Лубин С.А.** Использование специальных знаний при расследовании преступлений: формы и функции // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. – № 4 (48). – С. 176–180.

References

1. **Volynskii A.F.** Kriminalisticheskoe obespechenie raskrytiya i rassledovaniya prestuplenii kak forma realizatsii sotsial'nykh funktsii kriminalistiki // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. – 2008. – № 3 (6). – С. 64–68.
2. **Koldin V.Ya.** Kriminalisticheskoe znanie o prestupnoi deyatel'nosti: funktsiya modelirovaniya // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1987. – № 2. – С. 63–69.
3. **Golovin A.Yu.** Bazovye kriminalisticheskie klassifikatsii prestuplenii // Izvestiya TulGU. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. – 2013. – № 2-2. – С. 31–40.
4. **Gribunov O.P.** Teoreticheskie osnovy i prikladnye aspekty raskrytiya, rassledovaniya i preduprezhdeniya prestuplenii protiv sobstvennosti, sovershaemykh na transporte: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk. – Rostov-na-Donu, 2016. – 53 s.
5. **Kruchinin M.V., Potapova N.N., Dolgacheva O.I.** Osobennosti vyyavleniya, raskrytiya i rassledovaniya nekotorykh prestuplenii, sovershaemykh na zheleznodorozhnom transporte // Vestnik Volzhskoi gosudarstvennoi akademii vodnogo transporta. – 2015. – № 45. – С. 22–28.
6. **Belkin R.S.** Poznavatel'nye metody pri sobiranii i proverke dokazatel'stv // Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugolovnom protsesse. – Moskva, 1973. С. 401–417.
7. **Bykhovskii I.E.** Nekotorye voprosy otsenki rezul'tatov pervonachal'nykh sledstvennykh deistvii. Kriminalistika na sluzhbe sledstviya. – Vil'nyus, 1967. С. 115–120.
8. **Lubin A.F., Lubin S.A.** Ispol'zovanie spetsial'nykh znanii pri rassledovanii prestuplenii: formy i funktsii // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii. – 2019. – № 4 (48). – С. 176–180.

(статья сдана в редакцию 11.05.2021)

**О КОНТРОЛЕ ЗА ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОМ ОРГАНАМИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ (СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ)**

**ON THE CONTROL OF POLICE INTELLIGENCE CARRIED
OUT AT THE LEVEL OF BODIES STATE POWER
(SYSTEM ANALYSIS)**

УДК 347.96

П.И. ИВАНОВ,
доктор юридических наук, профессор
(Академия управления МВД России,
Россия, Москва)
IvanovPI1952@yandex.ru

PYOTR I. IVANOV,
Doctor of Law, Professor
(Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Moscow, Russia)

Аннотация: на основе изучения и анализа обширных литературных источников, современного состояния нормативных правовых актов, правоприменительной практики, а также обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов юридических лиц рассматриваются вопросы, связанные с осуществлением контроля за оперативно-розыскной деятельностью высшими органами государственной власти. По мнению автора, данная проблема, несмотря на некоторое внимание к ней со стороны специалистов в области теории оперативно-розыскной деятельности, нуждается в научном осмыслении с учетом происходящих перемен в современных условиях. В работе приведены результаты системного анализа государственного контроля за оперативно-розыскной деятельностью, авторское определение указанного вида контроля, его структурно-содержательные элементы, а также их характеристика. Кроме того, рассмотрены формы и виды контроля.

Автор статьи отдает себе отчет в том, что не все высказанные им положения могут рассматриваться как истина в последней инстанции. Разумеется, отдельные из них носят спорный, полемический характер и, безусловно, требуют дополнительной аргументации. Между тем изложенные идеи и суждения, по мнению автора, могут быть приняты во внимание при углубленном их изучении и анализе.

Результаты и основные выводы, сформулированные в статье, могут быть использованы в теории и практике оперативно-розыскной деятельности, а также при подготовке информационно-аналитических материалов (обзоров, справок, методических рекомендаций для сотрудников оперативных подразделений полиции). Как представляется автору, обобщенный в данной статье материал может быть использован и в учебном процессе.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, государственный контроль, высшие органы государственной власти.

Для цитирования: Иванов П.И. О контроле за оперативно-розыскной деятельностью, осуществляемой органами государственной власти (системный анализ) // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2022. № 1. С. 47–54.

Abstract: based on the study and analysis of extensive literary sources, the current state of regulatory legal acts, law enforcement practice, as well as ensuring the protection of human and civil rights and freedoms, the rights and legitimate interests of legal entities, the issues related to the implementation of control over police intelligence by the highest state authorities are considered. According to the author, this problem, despite some attention to it from experts in the field of theory of police intelligence, needs scientific understanding taking into account the ongoing changes in modern conditions. The paper presents the results of a systematic analysis of the state control over police intelligence, the author's definition of this type of control, its structural and substantive elements, as well as their characteristics. In addition, the forms and types of control are considered.

The author of the article is aware that not all of his statements can be considered as "the ultimate truth". Of course, some of them are controversial and polemical in nature and, of course, require additional argumentation. Meanwhile, the ideas and judgments presented, in the author's opinion, can be taken into account in their in-depth study and analysis.

The results and main conclusions formulated in this article can be used in the theory and practice of police intelligence, as well as in the preparation of information and analytical materials (reviews, references, methodological recommendations for employees of operational police units). As it seems to the author, the material summarized in this article can be used in the educational process.

Keywords: police intelligence, state control, supreme state authorities.

For citation: Ivanov P.I. On the control of police intelligence carried out at the level of bodies state power (system analysis)// Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1. P. 47–54.

Защита конституционных прав и свобод человека и гражданина в условиях правового государства становится задачей первостепенной важности. В связи с этим предметом постоянного внимания прежде всего со стороны юристов, политиков, правозащитников выступает оперативно-розыскная деятельность¹, сопряженная с их ограничением. Указанный вид правоохранительной деятельности, носящий преимущественно негласный характер, часто становится с их стороны предметом критики и дискуссий, хотя многолетняя практика убедительно показывает, что он продолжает оставаться самым действенным средством борьбы с преступностью, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств.

Автор статьи предпринял попытку системно взглянуть на положения Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»², касающиеся осуществления проверок высшими органами государственной власти, являющимися субъектами, наделенными правом контроля за ОРД, и высказать по некоторым вопросам, насколько позволял объем статьи, свою позицию в части теоретического их осмысления.

Несмотря на наличие достаточно большого обширного материала, вопросы, связанные с понятийно-категориальным аппаратом (понятие, сущность, содержание, виды и формы), до сего времени оказались не разработанными в достаточной мере. Вследствие чего не удалось среди специалистов оперативно-розыскной науки³

сформировать по нему единое мнение. Между тем актуальность углубленного изучения контроля высших органов государственной власти за ОРД продолжает оставаться одной из задач, стоящих перед указанной областью знаний.

Нетрудно заметить, что законодатель, конструируя рассматриваемую норму (ст. 20 ФЗ «Об ОРД»), заложил в ней три принципиально важных положения: 1) государственный контроль – всеобъемлющая функция, охватывающая и сферу оперативно-розыскной деятельности; 2) данный вид контроля представляет целостную систему [1; 10, с. 63]⁴, состоящую из высших органов государственной власти (Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание Российской Федерации, Правительство Российской Федерации); 3) преследует он одну единственную цель – обеспечение путем проверки деятельности уполномоченных органов, осуществляющих ОРД, единства реализации ими положений Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов и федеральных законов, а также своевременного выявления и устранения допущенных нарушений.

Говоря об этом, невольно возникает вопрос: чем же обусловлен государственный контроль, осуществляемый на таком уровне? Попытаемся ответить на него. Со своей стороны полагаем, что контроль на уровне высших органов государственной власти, как правило, продиктован тремя группами обстоятельств, а именно: 1) статусом рассматриваемых нами субъектов, определенным основным законом Российской Федерации; 2) способностью контроля как наиболее действенного инструмента, позволяющего своевременно выявлять в ходе проверки деятельности оперативных подразделений органов, осуществляющих ОРД, нарушения и принимать меры по их устранению; 3) многочисленными жалобами (обращениями) граждан в Конституционный Суд Российской Федерации, Европейский суд по правам человека по фактам нарушений.

⁴ Исходя из приведенных источников можно заключить, что всякая система состоит из определенных взаимосвязанных и взаимозависимых элементов, образующих в совокупности ее структуру.

¹ Далее – ОРД.

² Далее – ФЗ «Об ОРД».

³ В 1970-е годы теория ОРД стала развиваться как относительно самостоятельная наука, имеющая при этом свой предмет, метод и систему знаний. Несмотря на дискуссионность понятия «теория ОРД», подавляющее большинство авторов считают, что «теория ОРД – это наука, исследующая закономерности механизма совершения преступлений и противодействия криминальной среде, возникновения информации о преступлении и его участниках, сбора, оценки и использования фактических данных о них, разрабатывающая правовые, организационные, методические и тактические основы эффективного применения оперативно-розыскных сил, средств и методов в борьбе с преступностью».

Изучение и анализ юридической и специальной литературы позволили вычленил существующие на сегодня позиции авторов в части определения понятия «государственный контроль за ОРД»⁵. Забегая вперед, отметим, что оперативно-розыскная наука констатирует имеющиеся разногласия в этом плане среди исследователей. Не вступая в полемику, приведем существующие точки зрения. Так, авторы учебника «Основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел» [18, с. 285] рассматриваемый вид контроля главным образом увязывают с порядком осуществления ОРД (проведения оперативно-розыскных мероприятий⁶), тогда как внутреннее устройство (система звеньев) механизма его осуществления выпадает из поля зрения.

Другие авторы (В.И. Рохлин [15, с. 169], Ю.В. Даровских [2] и др.), рассматривая государственный контроль, выделяют три ключевых момента, а именно: принцип его эффективности (результативности), выступающий специфической формой деятельности; уголовно-правовую политику в контексте ее реализации посредством осуществления периодических проверок в процессе контроля; оперативно-розыскную политику, определяющую основные его направления, формы и методы. Такая позиция импонирует на сегодняшний день многим исследователям.

Существует и такая точка зрения, авторы которой утверждают, что анализируемый нами вид контроля есть особый организационно-правовой механизм, благодаря которому воплощается в жизнь принцип соблюдения законности в сфере ОРД, обеспечивается безопасность общества и государства от преступных посягательств, в результате чего создаются необходимые условия для успешной реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина.

На суд научной общественности представим еще два определения. *Первое*: государственный контроль за ОРД – это деятельность наделенных таким правом субъектов, осуществляемая в пределах их полномочий посредством наблюдения за оперативно-розыскной работой в целях проверки соответствия издаваемых ими актов действующим законам, анализа и оценки принимаемых решений. *Второе* содержит следующую редакцию: государственный контроль за ОРД представляет вид деятельности, осуществляемый в соответствии с ФЗ «Об ОРД» уполномоченными на то субъектами в строго

предусмотренных пределах и формах в целях удостовериться в единообразном исполнении законов в сфере ОРД.

Определяя понятие «государственный контроль за ОРД», мы непременно должны учесть совокупность признаков, его характеризующих. Из множества черт, на наш взгляд, ключевыми выступают:

- разновидность деятельности государственных органов в виде организационно-правового механизма, определенного теорией и практикой оперативно-розыскной науки;

- целеполагание, ядром которого является создание соответствующих условий для реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина в сфере ОРД;

- комплексность, выражающаяся в наличии двух взаимосвязанных между собой видов – ведомственного и ведомственного контроля [3, с. 101–102];

- относительная его самостоятельность;

- отсутствие специального правового акта, упорядочивающего механизм осуществления вневедомственного контроля (субъект и объект, предмет и предел, условия и факторы, поводы и основания, система оценки и учет);

- наличие особого перечня субъектов и объектов;

- анализируемый вид деятельности (функция) как один из элементов управленческой деятельности;

- система правоотношений, возникающих в процессе осуществления государственного контроля;

- своеобразии принципов и закономерностей, присущих государственному контролю и его организации;

- отсутствие на сегодня современной модели организации контроля, разработанной с учетом цифровой трансформации (современных цифровых технологий).

Для уяснения сущности теоретико-методологических основ [6; 9] вневедомственного государственного контроля за ОРД, на наш взгляд, следует исходить из системного подхода, предполагающего рассмотрение данного вида контроля как вида деятельности, состоящего из множества элементов, которые нами условно сгруппированы на три блока: а) *компоненты, раскрывающие общую структуру его построения* (цель и задачи, функции и приоритеты, субъекты и объекты, предмет и пределы, правовая основа и принципы); б) *совокупность элементов, характеризующих содержательную сторону контроля* (формы и разновидности, правоотношения, методы и средства); в) *компоненты, отражающие результаты познания указанно-*

⁵ Здесь и далее нами понятия «государственный контроль за ОРД», «контроль высших органов государственной власти за ОРД», «вневедомственный государственный контроль за ОРД» рассматриваются как однопорядковые, тождественные.

⁶ Далее – ОРМ.

го вида контроля (факторы, тенденции, закономерности, система оценки).

В рамках отдельно взятой статьи вряд ли удастся подробно рассмотреть указанные компоненты системы государственного контроля, в последующих своих работах автор планирует вернуться к ним. В настоящей статье остановимся лишь на отдельных из них.

Вначале отметим, что общим для всех составных частей является следующее: теоретико-методологические основы для них выступают базовыми; между тем они не догма, им свойственен динамизм (изменчивость); остро реагируют прежде всего на достижения науки и техники [12; 14]. Мы полагаем, что это закономерный процесс.

Теперь вернемся к наиболее значимым компонентам. Как уже нами отмечалось, цель и задачи системы государственного контроля за ОРД являются неотъемлемой ее частью.

Рассматриваемый вид контроля преследует цель своевременного обнаружения допустимых оперативными подразделениями и их сотрудниками нарушений законности при осуществлении ОРД и принятие мер по их устранению.

Названная цель достигается посредством последовательного решения ряда задач, в том числе постоянного слежения за состоянием законности в сфере ОРД; принятия на ведомственном уровне системы мер по укреплению правопорядка и законности в указанной сфере; исключения фактов, особенно при проведении ОРМ, ограничивающих конституционные права и свободы граждан, неправомерного давления на бизнес [7]; строгого соблюдения принципов, закрепленных в Конвенции по правам человека; своевременного устранения причин нарушений, нашедших отражение в определениях Конституционного Суда Российской Федерации, а также в решениях Европейского суда по правам человека.

Другим не менее важным компонентом мы считаем совокупность правоотношений, возникающих в процессе осуществления государственного контроля. Среди них наиболее значимыми, на наш взгляд, выступают три разновидности. Это система действий, субъектов, осуществляющих ОРД, непосредственно влекущих их возникновение, осуществление проверок уполномоченными на то субъектами в пределах, отведенных им компетенцией, на предмет соблюдения оперативными подразделениями и их сотрудниками законов, наконец, привлечение при проведении отдельных ОРМ лиц – так называемых участников, временно наделенных определенными полномочиями, порождающими особый вид правоотношений.

Помимо вышеназванных элементов системы государственного контроля весьма значима совокупность принципов, поскольку они пронизывают все внутреннее ее построение. Для удобства восприятия мы их условно сгруппировали на общие, специальные, отраслевые. В первую группу отнесли: соблюдение законности, научность, преемственность, соразмерность вмешательства, непрерывность⁷. Во вторую группу – соблюдение конспирации (сохранение коммерческой и служебной тайны), маневрирование негласными силами и средствами, исходя из конкретной оперативно-тактической ситуации. В третью группу – отраслевые принципы⁸, включая наступательность, высокую оперативную готовность, комплексность, приоритетность принимаемых мер. Как нам представляется, практическая реализация указанных принципов позволяет не допустить повторения ранее совершенных правонарушений в сфере ОРД.

Мы склонны считать, что совокупность приемов, методов, способов и средств, используемых при осуществлении контроля, обеспечивает раскрытие самого механизма действия закономерностей⁹, входящих в систему рассматриваемого вида контроля. Сюда включаем две основные группы закономерностей: 1) проявляющиеся в процессе непосредственного осуществления оперативно-розыскной деятельности, в том числе проведения ОРМ; 2) возникающие при организации государственного контроля в сфере ОРД. Разумеется, закономерностей достаточно много. Мы указали лишь две группы. Так, например, к закономерностям первой группы, в частности, следует отнести влияние состояния соблюдения оперативными подразделениями законности при осуществлении ОРД, включая ОРМ, на частоту контроля; тесную взаимосвязь поводов и оснований проведения проверок с использованием различных форм и методов в ходе государственного контроля; наличие причинно-следственной связи между субъектом, его осуществляющим,

⁷ Так называемые общие принципы присущи не только ОРД, они характерны и иным видам деятельности. С учетом этого обстоятельства нами эта группа принципов представлена как общая.

⁸ Теория ОРД на основе анализа правоприменительной практики выработала ряд принципов, которые условно в настоящей работе обозначили в виде отраслевых.

⁹ Слово «закономерность» означает повторяемость, устойчивость связей, взаимообусловленность явлений и процессов. Закономерность подразумевает наличие причинно-следственных связей, отношений. Если закономерность характеризует внутреннее содержание явлений, его структуру, то тенденция – это внешнее проявление данного явления. Отсюда следует, что понятия «закономерность» и «тенденция» хотя и тесно связаны между собой, в то же время они не однопорядковые и никак не тождественны.

и предметом; органическую взаимосвязь между нарушениями законности и совокупностью факторов, их обуславливающих.

Тенденции развития системы государственного контроля нами рассматриваются как относительно самостоятельный компонент. Приведем основные направления их развития:

– усиление вневедомственного контроля, сопровождающееся увеличением доли в общем количестве зарегистрированных преступлений, деяний, совершаемых в организованной форме с использованием современных информационных технологий, что объективно требует активизации деятельности по мобилизации всего арсенала негласных сил, средств, методов и мероприятий в целях своевременного их выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия. Одновременно следует иметь в виду, что обеспечение законности в сфере ОРД продолжает оставаться первостепенной задачей;

– увеличение количества нарушений со стороны сотрудников полиции [8; 17]. Приходится с сожалением отмечать, что такая негативная тенденция все еще сохраняется;

– увеличение уровня латентности правонарушений, совершаемых в сфере ОРД;

– нарастание влияния решений Европейского суда по правам человека по делам против России на необходимость принятия системы мер, в том числе усиления государственного контроля.

Следующая группа компонентов анализируемой системы – это ее виды и формы¹⁰.

В оперативно-розыскной науке на сегодня различают два вида контроля: вневедомственный (внешний по отношению, например, к системе полиции)¹¹ и внутренний (ведомственный)¹². Что же касается вневедомственного контроля, то данный вид контроля осуществляется в таких формах, как президентский, парламентский и правительственный контроль, судебный кон-

¹⁰ Общепринятыми считаются следующие виды контроля за ОРД: президентский, парламентский, правительственный, судебный, ведомственный, общественный.

¹¹ Внешний контроль за ОРД осуществляют высшие органы государственной власти (Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание Российской Федерации (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительство Российской Федерации) в пределах полномочий, определенных Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами и федеральными законами (ст. 20 ФЗ «Об ОРД»). Заметим, что мы не ставили перед собой задачу подробного анализа их функций и полномочий, ибо эти вопросы в юридической и специальной литературе освещены обстоятельно.

¹² Ведомственный контроль осуществляется руководителями оперативно-розыскных ведомств и должностными лицами, наделенными такими полномочиями в соответствии с ведомственными нормативными правовыми актами.

троль (Конституционный Суд Российской Федерации и суды общей юрисдикции)¹³ и прокурорский надзор [5].

Прежде чем приступить к краткой характеристике полномочий указанных субъектов внешнего контроля, приведем некоторые специфические особенности, присущие данному виду вневедомственного контроля за ОРД – контролю высших органов государственной власти.

К их числу на основе проведенного нами выборочного исследования мы относим законодательное закрепление высших органов государственной власти как субъектов контроля за ОРД; направленность их действий на достижение целей и успешное решение задач, стоящих перед указанным видом деятельности; последовательную реализацию оперативно-розыскной политики¹⁴ в процессе нормотворческой работы и правоприменительной деятельности органов, осуществляющих ОРД. Помимо указанных общих черт президентскому контролю, например, присуща еще одна особенность, которая не характерна для других его форм [16, с. 348–369]. Мы имеем в виду наделение основным законом Президента Российской Федерации всей полнотой полномочий по осуществлению контроля разных государственных структур, включая органы, осуществляющие ОРД, что позволяет ему выступать в качестве гаранта соблюдения и реализации прав и законных интересов физических и юридических лиц.

Итак, глава государства, выполняя контрольные функции за ОРД, вправе:

– назначать руководителей органов, осуществляющих ОРД, при необходимости заслушивать по вопросам, относящимся к их компетенции;

– принимать решение о разработке федеральной программы по укреплению правопорядка и противодействию преступности. В ее рамках могут осуществляться оперативно-розыскные и иные мероприятия, связанные с выявлением, пресечением, предупреждением и раскрытием преступлений;

– потребовать создания необходимых условий для слаженной работы оперативных подразделений органов, осуществляющих ОРД. Для этого представляет Государственной Думе Российской Федерации проекты законодательных

¹³ Здесь четко просматривается принцип разделения государственной власти по видам государственной деятельности (ст. 11 Конституции Российской Федерации).

¹⁴ Оперативно-розыскная политика – составная часть уголовной политики, определяющая основные направления, цели и средства воздействия на преступность, в том числе и на состояние законности в сфере ОРД, путем выработки и реализации комплекса мер.

актов, издаёт указы и распоряжения, затрагивающие оперативно-розыскную работу;

– организовать контроль за реализацией собственных нормативных правовых документов и распоряжений, относящихся к ОРД;

– непосредственно определять стратегию развития оперативно-розыскной политики, прямо или косвенно затрагивающую вопросы осуществления государственного контроля за ОРД.

Что же касается контролирующих функций в федеральных округах, то там их реализуют уполномоченные представители главы государства. В частности, они контролируют и проверяют осуществление федеральных нормативных правовых актов, указов и распоряжений Президента Российской Федерации, последнему периодически докладываются в виде аналитических сведений и предложений по решению тех или иных вопросов результаты проделанной работы.

Заметим, что контролировать ОРД глава государства может сам лично либо давая поручение Главному контрольному управлению¹⁵, выступая структурным звеном Администрации Президента Российской Федерации.

Говоря о контрольной функции ГКУ, мы хотели бы обратить внимание на одну немаловажную деталь – вопросы, связанные с тактикой и методикой осуществления ОРД, без прямого поручения самого Президента Российской Федерации не входят в компетенцию ГКУ.

Другим субъектом выступает Федеральное Собрание Российской Федерации, которое наделено правом парламентского контроля за ОРД органов, правомочных ее осуществлять, а также за правильным расходованием государственных денежных средств, выделяемых на ее осуществление. При этом контроль осуществляется в различных формах (создание специализированных временных комиссий, парламентские расследования, слушания, депутатский запрос).

Среди основных направлений парламентского контроля – финансовый контроль, который осуществляется Счетной палатой Российской Федерации¹⁶.

¹⁵ Как известно, в структуре Главного контрольного управления существует специальное подразделение, осуществляющее по поручению Президента Российской Федерации контроль за деятельностью правоохранительных органов и спецслужб, в том числе и за ОРД. Сотрудниками этого подразделения являются прикомандированные работники МВД России и ФСБ России, которые имеют соответствующие допуски к работе со сведениями, содержащими государственную тайну. Далее – ГКУ.

¹⁶ Счетная палата, образуемая Советом Федерации и Государственной Думой, вправе осуществлять контроль на предмет обоснованности расходования денежных средств, выделенных на ОРД из федерального бюджета.

Вневедомственным субъектом контроля за ОРД выступает также Правительство Российской Федерации, которое, осуществляя исполнительную власть, правомочно обсуждать и принимать (отклонять) законопроекты, в том числе касающиеся вопросов, связанных с осуществлением ОРД, инициировать проверку с помощью уполномоченных представителей Министерства финансов Российской Федерации обоснованности использования для нужд ОРД бюджетных средств, заслушивать руководство МВД России по вопросам об исполнении федерального бюджета в части ритмичности обеспечения финансовыми ресурсами ОРД, а также об эффективности деятельности оперативных подразделений по борьбе с преступностью.

В настоящее время и суд также относится к органам, правомочным осуществлять вневедомственный контроль за ОРД¹⁷, хотя, как известно, в ст. 20 ФЗ «Об ОРД» судебные органы не указаны в числе субъектов, осуществляющих контроль. Между тем они наделены в этом плане существенными полномочиями.

Говоря о полномочиях судебных органов в сфере ОРД, отметим, что вокруг данного вопроса развернулась целая научная дискуссия. Так, профессор Н.С. Железняк [4, с. 23] вообще отрицает наличие контрольной функции суда, утверждая, что такая функция – «это не более чем фантазии отдельных авторов, ничем не подкрепленные попытки выдавать желаемое за действительное». Приведенная позиция автора, как нам представляется, недостаточно обоснована. Существует и другая точка зрения. В частности, И.А. Одношевин [13, с. 190], рассматривая контрольные функции суда, почему-то сфокусировал свое внимание лишь на двух часто встречающихся случаях: 1) рассмотрение судом ходатайств субъектов ОРД о разрешении проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан; 2) когда в суд поступает жалоба на органы, осуществляющие ОРД. А ведь имеют место и иные ситуации [11, с. 382–386], разрешаемые в суде. В частности, вытекающие из ч. 6 ст. 9 ФЗ «Об ОРД», когда возникает спор между судьей нижестоящего суда и органом, осуществ-

¹⁷ Предметом судебного контроля за ОРД является проверка обоснованности инициирования оперативным подразделением проведения отдельных ОРМ, ограничивающих конституционные права и свободы граждан. Утверждая контрольно-проверочную деятельность судебных органов как самостоятельный вид контроля, хотим отметить одно обстоятельство, заслуживающее внимания специалистов теории ОРД. В частности, в ст. 51 Федерального закона «О полиции» впервые закреплено положение о возможности осуществления не только судебного контроля, но и судебного надзора за деятельностью полиции, хотя само содержание такого надзора в законе не раскрыто.

вляющим ОРД, в связи с отказом судьи дать разрешение на проведение ОРМ.

В системе государственного контроля за ОРД особое место занимает такой ее вид, как общественный контроль, порядок и формы осуществления которого нашли законодательное закрепление¹⁸. Посредством его осуществления обеспечивается прозрачность и открытость деятельности, в частности, оперативных подразделе-

лений полиции. Учитывая наличие указанного закона, в котором детально прописаны не только цели и задачи общественного контроля, но и сам механизм его осуществления, мы полагаем нецелесообразным останавливаться на них, поскольку вопросы, связанные с общественным контролем за деятельностью полиции, включая ее оперативные подразделения, вполне могли бы стать темой отдельного рассмотрения.

Таким образом, контроль высших органов государственной власти за оперативно-розыскной деятельностью в обеспечении соблюдения конституционных прав и свобод человека и гражданина играет немаловажную роль.

¹⁸ Об основах общественного контроля в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 30 (Часть I). – Ст. 4213.

Литература

1. **Афанасьев В.Т.** О системном подходе в социальном познании // Вопросы философии. – 1973. – № 6. – С. 106–110.
2. **Даровских Ю.В.** Государственный контроль за оперативно-розыскной деятельностью: сущность, формы и предмет // Академический вестник. – 2008. – № 2. – С. 166–173.
3. **Ефремов А.М.** Обеспечение прав и свобод человека и гражданина в оперативно-розыскной деятельности: теоретические и прикладные проблемы: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. – Санкт-Петербург, 2001. – 417 с.
4. **Железняк Н.С.** О проблемах законодательного регулирования судебного ограничения конституционных прав граждан в оперативно-розыскной деятельности // Оперативник (сыщик). – 2009. – № 1 (18). – С. 17–23.
5. **Иванов П.И.** Вопросы соотношения контроля и надзора за оперативно-розыскной деятельностью (понятия и признаки их разграничения) // Вестник Владимирского юридического института. – 2020. – № 3 (56). – С. 67–72.
6. **Иванов П.И.** Некоторые вопросы оперативно-розыскной науки: методология и перспективы ее развития // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. – 2021. – № 1 (57). – С. 38–45.
7. **Иванов П.И.** Об обеспечении защиты прав и законных интересов лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, от преступных посягательств // Безопасность бизнеса. – 2021. – № 2. – С. 21–26.
8. **Иванов П.И.** Прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность: поводы и основания // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2020. – № 2 (93). – С. 236–248.
9. **Иванов П.И.** Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» 25 лет // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2021. – № 1 (96). – С. 157–168.
10. **Климов И.А., Сазонова Н.И.** Основные системообразующие понятия теории оперативно-розыскной деятельности и их роль в ее формировании и конкретизации // Научный портал МВД России. – 2008. – № 1. – С. 63–72.
11. **Климов И.А., Тузов Л.Л., Дубоносов Е.С.** Оперативно-розыскная деятельность: учебник / под ред. И.А. Климова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юнита-Дана, 2017. – 431 с.
12. **Максимов С.В., Васин Ю.Г., Утаров К.А.** Цифровая криминология как инструмент борьбы с организованной преступностью // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12. – № 4. – С. 476–484.
13. **Одношевин И.А.** Судебный контроль – гарантия конституционных прав граждан, вовлеченных в сферу оперативно-розыскной деятельности // Юристы-Правоведь. – 2018. – № 4 (87). – С. 187–192.
14. **Пырчев С.В.** Тенденции организованной преступности в развивающемся цифровом мире // Труды Академии управления МВД России. – 2020. – № 2 (54). – С. 142–153.
15. **Рохлин В.И.** Прокурорский надзор и государственный контроль: история, развитие, понятие, соотношение. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2003. – 305 с.
16. **Тарасов А.М.** Президентский контроль: понятие и система: учебное пособие. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2004. – 642 с.
17. **Харченко С.В.** Некоторые особенности прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью // Военное право. – 2019. – № 5 (57). – С. 149–152.
18. **Шхагапсоев З.Л.** Основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: учебник / под ред. З.Л. Шхагапсоева и Н.П. Галандина. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2016. – 375 с.

References

1. **Afanas'ev V.T.** O sistemnom podkhode v sotsial'nom poznanii // Voprosy filosofii. – 1973. – № 6. – S. 106–110.
2. **Darovskikh Yu.V.** Gosudarstvennyi kontrol' za operativno-rozysknoi deyatel'nost'yu: sushchnost', formy i predmet // Akademicheskii vestnik. – 2008. – № 2. – S. 166–173.
3. **Efremov A.M.** Obespechenie prav i svobod cheloveka i grazhdanina v operativno-rozysknoi deyatel'nosti: teoreticheskie i prikladnye problemy: dissertatsiya na soiskanie stepeni doktora yuridicheskikh nauk. – Sankt-Peterburg, 2001. – 417 s.
4. **Zheleznyak N.S.** O problemakh zakonodatel'nogo regulirovaniya sudebnogo ogranicheniya konstitutsionnykh prav grazhdan v operativno-rozysknoi deyatel'nosti // Operativnik (syshchik). – 2009. – № 1 (18). – S. 17–23.
5. **Ivanov P.I.** Voprosy sootnosheniya kontrolya i nadzora za operativno-rozysknoi deyatel'nost'yu (ponyatiya i priznaki ikh razgranicheniya) // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. – 2020. – № 3 (56). – S. 67–72.
6. **Ivanov P.I.** Nekotorye voprosy operativno-rozysknoi nauki: metodologiya i perspektivy ee razvitiya // Vestnik Vserossiiskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov MVD Rossii. – 2021. – № 1 (57). – S. 38–45.

7. **Ivanov P.I.** Ob obespechenii zashchity prav i zakonnykh interesov lits, zanimayushchikhsya predprinimatel'skoi deyatel'nost'yu, ot prestupnykh posyagatel'stv // *Bezopasnost' biznesa*. – 2021. – № 2. – S. 21–26.
8. **Ivanov P.I.** Prokurorskii nadzor za ispolneniem zakonov organami, osushchestvlyayushchimi operativno-rozysknuyu deyatel'nost': povody i osnovaniya // *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*. – 2020. – № 2 (93). – S. 236–248.
9. **Ivanov P.I.** Federal'nomu zakonu "Ob operativno-rozysknoi deyatel'nosti" 25 let // *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*. – 2021. – № 1 (96). – S. 157–168.
10. **Klimov I.A., Sazonova N.I.** Osnovnye sistemoobrazuyushchie ponyatiya teorii operativno-rozysknoi deyatel'nosti i ikh rol' v ee formirovanii i konkretizatsii // *Nauchnyi portal MVD Rossii*. – 2008. – № 1. – S. 63–72.
11. **Klimov I.A., Tuzov L.L., Dubonosov E.S.** Operativno-rozysknaya deyatel'nost': uchebnik / pod red. I.A. Klimova. – 3-e izd., pererab. i dop. – Moskva: Yunita-Dana, 2017. – 431 s.
12. **Maksimov S.V., Vasin Yu.G., Utarov K.A.** Tsifrovaya kriminologiya kak instrument bor'by s organizovannoi prestupnost'yu // *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal*. – 2018. – T. 12. – № 4. – S. 476–484.
13. **Odnoshevin I.A.** Sudebnyi kontrol' – garantiya konstitutsionnykh prav grazhdan, вовлеченных в сферу оперativно-розыскной деятельности // *Yurist»-Pravoved»*. – 2018. – № 4 (87). – S. 187–192.
14. **Pyrchev S.V.** Tendentsii organizovannoi prestupnosti v razvivayushchemsya tsifrovom mire // *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii*. – 2020. – № 2 (54). – S. 142–153.
15. **Rokhlin V.I.** Prokurorskii nadzor i gosudarstvennyi kontrol': istoriya, razvitie, ponyatie, sootnoshenie. – Sankt-Peterburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2003. – 305 s.

(статья сдана в редакцию 11.05.2021)

**ИНФОРМАЦИОННО-ТЕХНИЧЕСКИЕ СЛЕДЫ КАК
СИСТЕМА КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ
КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ**

**INFORMATION-TECHNICAL TRACES AS AN
ACTUAL SYSTEM OF CRIMINALISTIC ASSESSMENT
OF CYBERCRIME**

УДК 343.985.3

Е.В. НЕНАШЕВ,

адъюнкт
(Дальневосточный юридический институт
МВД России,
Россия, Хабаровск)
jekanenashev@mail.ru

EVGENIY V. NENASHEV,

Postgraduate
(Far Eastern Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of the Russia,
Khabarovsk, Russia)

А.С. ПУДОВИКОВ,

кандидат юридических наук, доцент
(Дальневосточный юридический институт
МВД России,
Россия, Хабаровск)
alexpud71@gmail.com

ALEKSANDR S. PUDOVIKOV,

Candidate of Law, Associate Professor
(Far Eastern Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of the Russia,
Khabarovsk, Russia)

Аннотация: с криминалистической точки зрения любые следы как отражение действий субъекта в реальной действительности в рамках осуществления преступной деятельности так или иначе имеют информационный характер. Вместе с тем с учетом специфики киберпреступности особое значение приобретают следы, возникновение которых связано с работой радиотехнических и телекоммуникационных устройств в виде закодированных цифровых данных, которые отображаются на картах памяти, внутренней памяти, сим-картах сотовых телефонов, а также в приложениях, установленных на устройствах. Авторы проанализировали мнения ученых по поводу информационной сущности слеодообразования в рамках совершения киберпреступлений, пришли к выводу о существующей дуалистической системе оценки указанных следов в современных реалиях, требующей определенной переработки, поскольку веяния развития научно-технического прогресса создают почву для более сложных видов хищений денежных средств с банковских карт. Ключевым решением в разрешении данной проблемы является попытка выделить отдельную категорию следов, возникновение которых связано с использованием IT-технологий.

Ключевые слова: материальные следы, идеальные следы, информационно-технические следы, киберпреступность, расследование преступлений.

Для цитирования: Ненашев Е.В., Пудовиков А.С. Информационно-технические следы как система криминалистической оценки киберпреступности // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2022. № 1. С. 55–61.

Abstract: from a criminalistics point of view, any traces, as a reflection of the actions of the subject in real reality, within the framework of criminal activity, somehow have an informational character. At the same time, taking into account the specifics of cybercrime, traces that occur due to the operation of radio and telecommunications devices, in the form of encoded digital data that are displayed on memory cards, internal memory, SIM cards of cell phones, as well as in applications installed on devices, are of particular importance. The authors analyzed the opinions of scientists about the information essence of trace formation in the framework of cybercrime, concluded about the existing dualistic system for evaluating these traces in modern realities, which requires some processing since the trends of the future development of scientific and technological progress create the ground for more complex types of theft of funds from bank cards. The key solution in solving this problem is an attempt to identify a separate category of traces, the occurrence of which is associated with the use of IT technologies.

Keywords: material traces, perfect traces, information-technical traces, cybercrime, crime investigation.

For citation: Nenashev E.V., Pudovikov A.S. Information-technical traces as an actual system of criminalistic assessment of cybercrime // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1. P. 55–61.

Анализ криминогенной обстановки, проведенный в свое время известным немецким философом XIX века Вильгельмом Виндельбандом, дал ему основания для следующего высказывания: «Всегда рост преступлений против собственности дает нам возможность говорить о росте нужды населения, а рост преступлений против жизни – о росте его нравственной одичалости»¹. И действительно, до относительно недавнего времени с данным утверждением можно было бы согласиться, но если проецировать его к современным реалиям, то, по нашему мнению, согласиться с первой его частью можно лишь с определенными условиями.

Так, для многих исследователей в области криминалистики не является секретом, что в последние годы Россию охватили преступления, связанные с использованием IT-технологий. В информационно-коммуникационном пространстве появилось большое количество злоумышленников, которые, используя методы социальной инженерии, современные технические и программные способы анонимности, ставят перед собой преступные цели, связанные с хищением финансовых средств законопослушных граждан. Статистические данные МВД России свидетельствуют о том, что за январь – декабрь 2020 года было совершено 510 396 преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации². По сравнению с аналогичным периодом 2019 года количество данных преступлений увеличилось на 57,6%³. Как правило, исходя из существующей судебно-следственной практики можно уверенно говорить о том, что данная категория преступников является одной из самых технически грамотных в области пользования персональным компьютером, а также обладающих в данной сфере деятельности достаточными профессиональными навыками и, к сожалению, реформирующих свои изначальные увлечения IT-технологиями для осуществления преступной деятельности.

¹ Афоризмы и цитаты Виндельбанда [Электронный ресурс]. – URL: <https://citaty.su/aforizmy-i-citaty-vilgelma-vindelbanda>.

² Состояние преступности в России за январь – декабрь 2020 г. – Москва: ФКУ «ГИАЦ МВД России», 2020. С. 30.

³ Состояние преступности в России за январь – декабрь 2019 г. – Москва: ФКУ «ГИАЦ МВД России», 2019. С. 30.

На сегодняшний день правоохранительные органы уделяют решению данной проблемы повышенное внимание. Так, совершенствуются методики расследования данных преступлений, разрабатываются новые тактические приемы в рамках проведения отдельных следственных действий, формируются отдельные мероприятия, направленные на работу с компьютерной информацией, – все это весомый вклад, направленный на борьбу с данным видом преступности. Однако, несмотря на прилагаемые усилия, возникает вопрос: почему же правоохранительным органам в настоящее время не удается достичь желаемого эффекта? На этот вопрос сложно ответить однозначно, учитывая все возможные влияющие на ход расследования данных деликтов детерминанты. Анализируя существующие проблемы, исходя из практической составляющей, большинство исследователей выделяют такие барьеры, как отсутствие должного взаимодействия подразделений между собой, отсутствие надлежащего уровня компетентности у сотрудников полиции, отсутствие актуального технического обеспечения для отслеживания преступников, использующих прокси-серверы, и т.д. Но есть ли у правоохранителя проблемы в теоретической стороне вопроса? Попытаемся ответить на данный вопрос более детально, для чего проанализируем отдельные теоретические положения криминалистики.

Преступления как процесс человеческой деятельности есть проявление, как правило, уже совершенных конкретных действий, которые фактически являются событием прошлого и могут быть восприняты только в рамках тех свойств и явлений, которые отражены в окружающей действительности посредством различных следов. В науке криминалистике в настоящее время устоялась прочная система разделения криминалистических следов на две основные категории – материальные и идеальные. Так, под материальными следами понимают отражение события преступления или его обстоятельств на предметах в окружающей обстановке, что, в свою очередь, обосновано способностью материальных тел реагировать на воздействие других тел своими внутренними изменениями и внешним ответным воздействием [1, с. 75], то есть к материальным следам можем отнести следы рук, обуви, различные вещества и др. – все то,

что может отражаться в материальном мире. В противовес материальным следам идеальные следы являются отображением события или его элементов в сознании человека, другими словами, данные следы отсутствуют в материальном мире и фактически есть продукт восприятия человеческим разумом и памятью объективной реальности. Данное разделение следов на категории позволяет более детально исследовать их природу и возникновение, что, в свою очередь, по мнению авторов, может послужить основанием для создания более эффективной методики расследования указанных преступлений.

Для осознания существующей проблемы в криминалистическом аспекте, по нашему мнению, уместно вспомнить цитату американского ученого Карла Сагана: «Мы живем в обществе, зависимом от науки и технологии, в котором никто ничего не знает ни о науке, ни о технологии»⁴.

Так, новые технологии в сфере инфокоммуникации, новые технические устройства рассматриваются в криминалистике по большей части с позиции материального подхода. Вместе с тем на сегодняшний день имеется проблема, заключающаяся в отсутствии четкого теоретического определения следов, которые обладают комбинированным признаком, то есть как элементами материальных следов, так и идеальных. Поэтому лица, осуществляющие борьбу с указанными преступлениями, организуя работу по получению сведений из различных технических устройств, изъятых как у подозреваемого, так и у потерпевших, сталкиваются с проблемой четкого разграничения – к какой категории следов отнести данную информацию.

Наряду с этим вспомним, что говорили древние римляне: «Nullum est jam dictum, quod non sit dictum prius» (ничего уже не говорят такого, чего не было сказано раньше (пер. лат.)), так и в нашем случае в криминалистической науке имеются попытки выделить отдельную категорию следов, возникновение которых сопряжено с использованием IT-технологий.

Так, одни исследователи называют их виртуальными следами. В своих работах А.Б. Смушкин под виртуальными следами предлагает понимать отражение совершения любых действий (включения, создания, открывания, активации, внесения изменений, удаления) в информационном пространстве компьютерных и иных цифровых устройств, их систем и сетей [2, с. 43]. Проблема данной трактовки, по нашему мнению, заключается в том, что само понятие «виртуальный» имеет обозначение, устоявшееся в квантовой теории

поля, для обозначения характеристики частиц, находящихся в промежуточном состоянии или в состоянии неопределенности, что вызывает проблемы при восприятии термина «виртуальный» лицами, знакомыми с оригинальным обозначением. Однако во многом использование данного обозначения обусловлено тем, что для большинства людей и ученых термин «виртуальный» коррелирует со сферой компьютерных и информационных пространств благодаря массмедиа. В данном начинании А.Б. Смушкина поддерживают и другие ученые, такие как В.А. Мещеряков [3, с. 104], А.Ю. Головин и др.

В.В. Борисов и Г.М. Шаповалова предлагают иную трактовку – информационный след. Под информационным следом они понимают некоторую информационную запись, сделанную на компьютерной технике подозреваемых в преступлении лиц с помощью специального программного средства и произведенную субъектом уголовно-процессуальной системы (например, словователем) [4].

Несколько иное видение данной категории следов у В.Б. Вехова, А.В. Шебалина и В.В. Полякова, которые придерживаются понятия «электронно-цифровой след» [5], под которым понимают любую криминалистически значимую компьютерную информацию, т.е. сведения (сообщения, данные), находящиеся в электронно-цифровой форме, зафиксированные на материальном носителе с помощью электромагнитных взаимодействий либо передающиеся по каналам связи посредством электромагнитных сигналов.

Еще одной альтернативой выступают идеи В.А. Милашева, который вводит понятие «бинарные следы». Под бинарными следами понимаются изменения компьютерной информации, произошедшие в связи с событием удаленного воздействия [6, с. 18]. Обозначение «бинарные» В.А. Милашев применил, поскольку в своей работе он пришел к выводу о том, что следами противоправной деятельности являются результаты логических и математических операций с двоичным кодом.

Итак, перед нами сложилась довольно многогранная картина, в которой запечатлен раскол во мнениях ученых-криминалистов. Имеющиеся проблемы в трактовках являются лишь отражением существующей системы как в предмете правового поля, так и в сфере криминалистической науки.

Здесь у многих должен возникнуть вполне очевидный вопрос: возможно ли как-то объединить все трактовки в единую? Ответ на данный вопрос, как нам представляется, лежит в трансцендентной основе сущности информации в целом и в том, какое взаимодействие друг на друга

⁴ Цитаты и афоризмы известных людей [Электронный ресурс]. – URL: <https://socratify.net/quotes/karl-sagan/137637>

оказывают информация и технические устройства, в которых она хранится. В данном случае рационально исследовать указанный вопрос с точки зрения не менее трансцендентного направления философии – философии информации.

Краткий экскурс в историю данного направления, возможно, позволит нам выбрать верный вектор восприятия сути явления «информация». Так, ученые-материалисты, начиная с И. Ньютона и заканчивая К. Марксом, считали, что весь окружающий мир состоит из материи и энергии, все же остальное есть продукт взаимодействия этих элементов, вследствие чего особого места для информации в данной системе не было, поскольку она также считалась производной вышеуказанных компонентов. Впервые сущность информации обозначил родоначальник науки кибернетики Н. Виннер, который сформулировал свой постулат следующим образом: «Информация – это не материя и не энергия. Это третье». Фактически он выделил информацию в отдельную сферу существующего мира. Такой же точки зрения придерживались В.М. Глушков, Ю.И. Шемакин и др., которые признали информацию как всеобщее свойство материи, ее атрибут. И здесь крайне важную позицию высказал К.К. Колин в своей работе «Философия информации: структура реальности и феномен информации» [7]. Для исследования сущности информации он, в свою очередь, разделил реальность на два основных компонента:

1. Физическая реальность, которая включает в себя как материальные объекты, так и нематериальные (электромагнитные волны, гравитационные поля и т.д.).

2. Идеальная реальность, в которую, в свою очередь, включены три рода:

- объективная идеальная реальность, связанная с физической реальностью и не связанная с человеком;

- субъективная идеальная реальность, связанная с сознанием человека;

- объективная идеальная реальность второго рода, связанная с взаимодействием человека с окружающим миром (наука, искусство и т.д.).

Согласно данной теории информация, связанная с одним физическим объектом, может воздействовать на другой физический объект. В качестве примера К.К. Колин приводит пример с гипсовым слепком, изготовленным с одного объекта и примененным для ремонта другого объекта, тем самым происходит взаимодействие информации друг с другом, а, следовательно, и физических объектов. Далее в своей работе автор приходит к выводу, что как идеальные процессы возникают в результате взаимодействия физических процессов и представляют собой

отражения последствий такого взаимодействия, так и идеальные процессы являются компонентами реальности, так как они могут быть выявлены посредством выполнения специальных процедур над физическими процессами, которые являются их носителями и, следовательно, вновь могут быть представлены в виде процессов физической реальности. Отсюда автором было и сформировано определение информации на основе существующего определения, данного А.Д. Урсулом: информация представляет собой всеобщее фундаментальное свойство реальности, которое проявляется в том, что отдельные фрагменты реальности различным образом проявляют себя в пространстве и времени, то есть обладают свойством различия. Совокупность этих различий и есть информация.

Ценность данного исследования для целей криминалистической науки, по нашему мнению, заключается в том, что рассматривается сущность следов, являющихся, в свою очередь, отражением совокупности различий между фрагментами реальности. Для большего понимания приведем понятный пример: преступник, пройдя по песчаному грунту, оставил следы обуви, то есть фактически фрагменты реальности, которые представляют собой саму поверхность песчаного грунта, подошву ботинка преступника и его ногу, находящуюся в ботинке, обладают различиями по отношению друг к другу. Данное различие исходит из того, что данные фрагменты реальности являются чужеродными по отношению друг к другу, то есть люди не «отрачивают» на ноге ботинок – это искусственный объект, как и песчаный грунт в количестве бесконечного числа песчинок не тождественен ни ноге, ни ботинку. Данные различия выражаются в том, что ввиду индивидуальных свойств данных объектов, к которым можно отнести множество факторов, начиная от массы материала и заканчивая расстоянием между атомами, их различия проявляются друг на друге, как раз и оставляя ту самую информацию. В связи с чем мы приходим к выводу, что след обуви на песке – это информация. Существующая криминалистическая теория фактически как раз и соответствует данному философскому умозаключению: материальные следы есть взаимодействие между материальными объектами, идеальные следы есть различного рода идеи, существующие в сознании человека. И здесь, оглядываясь на работу К.К. Колина, а именно на расчлененную структуру идеальной реальности, нам интересна концепция объективной идеальной реальности второго рода, представляющей взаимодействие между человеком и окружающим миром. Если с точки зрения материального подхода мы можем

представить такое взаимодействие, связанное с взаимодействием человека с различными объектами мира, то с взаимодействием человека с нематериальной физической реальностью могут возникнуть проблемы, особенно с точки зрения криминалистики. В данном аспекте важно не перейти черту псевдонаучности, за которой находятся различные околomagические и эзотерические точки зрения. Имея готовую концепцию К.К. Колина, под нематериальным физическим миром мы будем понимать весь спектр волновых функций, к которым относятся электромагнитные волны, электричество и т.д. В чем же происходит взаимодействие человека с данными волнами? Если рассуждать о прямом взаимодействии, нам предстоит окунуться в недра квантовой физики, но, принимая во внимание рамки научной публикации, ограничимся опосредованным влиянием человека на данный фрагмент реальности, а именно посредством компьютерной среды.

Под компьютерной средой мы понимаем любые технические устройства, которые могут хранить, создавать и передавать данные, например, сотовые телефоны, смартфоны, планшеты, персональные компьютеры, а также другие устройства со схожей системой, обладающей комбинированной структурой с аппаратными средствами обработки данных, и устройства хранения памяти, обладающие только свойством хранения данных, – жесткие диски, флеш-накопители и т.д. Любые данные, хранящиеся на устройствах, будучи комбинацией электрических сигналов и электромагнитных волн, закодированных в определенной последовательности, как раз представляют собой нематериальную структуру мира, однако существуют в рамках материального объекта, которым выступает носитель информации.

Исходя из вышесказанного, мы можем предложить свое определение новой категории следов, возникновение которых связано с использованием IT-технологий – информационно-технические следы.

Информационно-технические следы – это как прямое, так и опосредованное отражение совершенного преступления в среде, связанной с взаимодействием технических устройств, оснащенных системой записи, хранения и передачи данных, нематериальных физических сил (радиоволны, инфракрасное излучение, гамма-излучение и т.д.), выражающихся в виде потока информации.

Сущность данной категории следов обусловлена опосредованным воздействием человека (а в нашем случае преступника) на нематериальный объективный мир посредством технических устройств, в связи с чем природа данных

следов заключается как раз в изменении этих нематериальных физических свойств, заключенных в материальную оболочку. Для демонстрации объективности выдвинутых утверждений приведем простой пример: на флеш-карте памяти (материальный ограниченный носитель) находятся значимые для расследования сведения (данные сведения представляют комбинацию электромагнитных волн, работающих в диапазоне работы технологии флеш-накопителей).

Предупреждая возможную критику в адрес выдвинутых нами идей, ответим на вопрос: в чем проблема отнесения данных следов либо к материальным следам, либо к идеальным? Обратимся к теории, выдвинутой Р.С. Белкиным, который определил краеугольное преимущество и отличие материальных следов от идеальных: они обладают большей устойчивостью, менее подвержены воздействию субъективных факторов и поэтому являются более объективными, доступны для непосредственного рассмотрения, воспроизводимы в эксперименте, напрямую связаны с событием причинно-следственными отношениями, труднее фальсифицируются [8, с. 65]. Также во многом под материальными следами понимаются действия, связанные с непосредственной деятельностью преступника. И здесь для обоснования нашей точки зрения следует вернуться к началу работы, где мы обсуждали проблему увеличения количества краж и мошенничеств, связанных с хищением денежных средств с банковских счетов. Анализируя имеющуюся практику, мы можем прийти к выводу, что существует большое количество следов, которые сложно отнести не только к материальным следам, но и к идеальным, на основе коих нам и будет проще показать необходимость выделения отдельной категории следов. Приведем пример: в ходе предварительного расследования в рамках уголовного дела, возбужденного по признакам состава преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ (кража, совершенная с банковского счета), установлено, что гражданину Н. позвонили неизвестные лица, представившись сотрудниками службы безопасности банка, после чего в ходе диалога убедили потерпевшего отправить им данные со своей банковской карты и код из СМС-сообщения, что последний и сделал, в результате чего у него были похищены денежные средства. В ходе расследования установлено, что на телефоне потерпевшего в журнале звонков остались записи с номерами и временем звонков мошенников, сохранились СМС-сообщения, в которых указаны суммы снятия денежных средств и время, а также остались скриншоты переписки с мошенниками в мессенджере «WhatsApp». С точки зрения оцен-

ки данных сведений как следов нам трудно их отнести к какой-либо существующей категории, однако это не умаляет их значимости как следов, поскольку они также являются отражением преступной деятельности. Будучи лишь отражением последствий преступных деяний, они несут в себе неменьшую значимость, поскольку являются полноправными доказательствами и также обстоятельствами, подлежащими доказыванию. Такие значимые сведения, как время, место, способ, абонентские номера преступников, их банковские счета или адреса аккаунтов, очень важны для расследования данной категории преступлений. Однако есть и некоторые нюансы, которые уместно рассмотреть с точки зрения оценки качества материальных следов, предложенной Р.С. Белкиным:

1. Обладают относительной устойчивостью. Несмотря на то, что данные следы фиксируются в памяти устройства в виде кодированных сигналов и электромагнитных волн, они могут быть искажены ввиду плохого соединения сим-карты, в связи с чем СМС-сообщения могут приходиться с измененным временем, в журнале звонков может сохраниться ложный номер телефона, в случае если использовалась IP-телефония со стороны мошенника, у потерпевшего может стоять некорректное время и дата на телефоне или устройстве, все это сигнализирует об относительной устойчивости данных следов. Также свой телефон потерпевший с картой памяти мог случайно повредить или уничтожить, что также влечет утрату данных.

2. Подвержены воздействию субъективных факторов. Под данным признаком мы понимаем воздействие, которое могут оказать сами потерпевшие, например, осознав, что они стали жертвами мошенника, в панике могут удалить все СМС-сообщения и журнал звонков, или неосознанно могут быть уничтожены другие значимые для расследования сведения.

3. Доступны для непосредственного рассмотрения, сложно воспроизводимы в эксперименте. Современному человеку с минимальным уровнем компьютерной и цифровой грамотности не составляет труда найти нужные сведения для последующей фиксации, поскольку данная деятельность не требует должного уровня специализации и знаний. Также данные следы сложно воспроизвести в ходе эксперимента, поскольку на возникновение следовой картины воздействует множество факторов, начиная от работы радиотранслирующих станций, с которыми связываются сим-карты, и заканчивая сбоями в работе самих устройств.

4. Следы как прямо, так и косвенно связаны с событием причинно-следственными отноше-

ниями. Если говорить о прямом воздействии, то здесь мы можем понимать прямое воздействие преступника на память других устройств, например, при уничтожении данных или внедрении вредоносного программного обеспечения. Косвенно действия преступника могут быть отражены, например, на устройствах потерпевших (записи в журналах звонков телефона или в виде СМС-сообщений).

5. Следы легко фальсифицируемы. С существующими программными методами работы как с устройствами, так и с подделкой изображений данные следы можно считать легко фальсифицируемыми. Однако здесь важно отметить одно условие. Анализ полученных следов осуществляется в совокупности с их проверкой посредством полученных выписок из банков и сотовых организаций для достижения максимальной объективности либо при сопоставлении с изъятиями у преступника устройствами.

Отличием представленного определения информационно-технических следов от трактовок, предложенных другими учеными, по нашему мнению, является более широкое отграничение возможной среды, в которой происходит механизм следообразования. Поскольку давать точные прогнозы на развитие будущих технологий нам очень сложно, имеющиеся новые открытия в области квантовых компьютеров, а также исследований в области квантовой физики могут сигнализировать о том, что в будущем технологии хранения и передачи данных могут изменить свою природу, например, работая не на основе электромагнитных волн. Также, как нам представляется, отграничение данной среды сугубо устройствами только преступного элемента являются ошибочными, поскольку его действия могут носить опосредованный характер и быть зафиксированы только в памяти других устройств, не связанных с преступником.

Итак, подводя итоги проведенного исследования, хотелось бы процитировать А.П. Чехова: «Когда хочется пить, то кажется, что выпьешь целое море – это вера; а когда станешь пить, то выпьешь всего стакана два – это наука». Наша вера в совершенствование существующей теоретической базы криминалистики есть целое море предложений, мыслей и мнений как собственных, так и других ученых. Однако большая ценность кроется как раз в тех «двух стаканах», чтобы осознать тот факт, что истина кроется в самых мелочах. Успех всех начинаний в совершенствовании существующей системы расследования заключается в том, чтобы переосмыслить не только существующий технологический мир, но и существующие научные догмы, поскольку развитие технологий, к сожалению, не дает време-

ни на ее более полное переосмысление ввиду того, что следствием отставания станут человеческие судьбы и благосостояние населения в целом. В этой связи нам представляется достаточно интересной концепция частной теории «электронной криминалистики», предложенной В.Б. Веховым, который предложил комплексный подход к оценке всех существующих криминалистических исследований в области компьютерных преступлений, что, несомненно, важно для организации борьбы с киберпреступностью.

В заключение хотелось бы выразить надежду на то, что выводы и предложения, сделанные по результатам настоящего исследования, позволят не только более четко и эффективно анализировать существующие механизмы совершения преступлений в сфере хищения денежных средств с банковских счетов, но и дадут новый толчок для исследований в этой предметной области, позволят структурировать и систематизировать имеющиеся исследования в указанной сфере.

Литература

1. **Домбровский Р.Г.** Следы преступления и информация // Правоведение. – 1988. – № 3. – С. 74–77.
2. **Смушкин А.Б.** Виртуальные следы в криминалистике // Законность. – 2012. – № 8. – С. 43–45.
3. **Мещеряков В.А.** Преступления в сфере компьютерной информации: основы теории и практики расследования: монография. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2002. – 408 с.
4. **Борисов В.В.** Об особенностях фиксации информационных следов в практике защиты информации // Известия ЮФУ. Технические науки. – 2009. – № 5. – С. 164–168.
5. **Иванов В.Ю.** О теоретических аспектах использования в криминалистике понятия электронно-цифрового следа // Юридические исследования. – 2020. – № 7. – С. 75–80.
6. **Милашев В.А.** Проблемы тактики поиска, фиксации и изъятия следов при неправомерном доступе к компьютерной информации в сетях ЭВМ: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Москва, 2004. – 21 с.
7. **Коллин К.К.** Философия информации и современное научное мировоззрение // Современные информационные технологии и ИТ-образование. – 2014. – № 10. – С. 13–20.
8. **Белкин Р.С.** Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. – Москва, 2001. – 273 с.

References

1. **Dombrovskii R.G.** Sledy prestupleniya i informatsiya // Pravovedenie. – 1988. – № 3. – S. 74–77.
2. **Smushkin A.B.** Virtual'nye sledy v kriminalistike // Zakonnost'. – 2012. – № 8. – S. 43–45.
3. **Meshcheryakov V.A.** Prestupleniya v sfere komp'yuterno informatsii: osnovy teorii i praktiki rassledovaniya: monografiya. – Voronezh: Voronezhskii gosudarstvennyi universitet, 2002. – 408 s.
4. **Borisov V.V.** Ob osobennostyakh fiksatsii informatsionnykh sledov v praktike zashchity informatsii // Izvestiya YuFU. Tekhnicheskie nauki. – 2009. – № 5. – S. 164–168.
5. **Ivanov V.Yu.** O teoreticheskikh aspektakh ispol'zovaniya v kriminalistike ponyatiya elektronno-tsifrovogo sleda // Yuridicheskie issledovaniya. – 2020. – № 7. – S. 75–80.
6. **Milashhev V.A.** Problemy taktiki poiska, fiksatsii i iz'yatiya sledov pri nepravomernom dostupe k komp'yuterno informatsii v setyakh EVM: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk. – Moskva, 2004. – 21 s.
7. **Kollin K.K.** Filosofiya informatsii i sovremennoe nauchnoe mirovozzrenie // Sovremennye informatsionnye tekhnologii i IT-obrazovanie. – 2014. – №10. – 13–20.
8. **Belkin R.S.** Kriminalistika: problemy segodnyashnego dnya. – Moskva, 2001. – 273 s.

(статья сдана в редакцию 02.08.2021)

**К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ПОНЯТИЯ
ОПЕРАТИВНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ОБЪЕКТОВ И
ЛИНИЙ РАБОТЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОПЕРАТИВНЫХ
ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ И СУЩНОСТНЫЙ АСПЕКТЫ**

**ON THE ISSUE OF THE FORMATION OF THE CONCEPT
OF OPERATIONAL MAINTENANCE OF OBJECTS AND
LINES OF WORK IN THE ACTIVITIES OF OPERATIONAL
UNITS OF THE DEPARTMENT OF INTERNAL AFFAIRS:
HISTORICAL AND ESSENTIAL ASPECTS**

УДК 343

Н.А. ТЕЛИЦЫН,
кандидат юридических наук
(Нижегородская академия МВД России,
Россия, Нижний Новгород)
120805@ro.ru

NIKOLAY A. TELITSYN,
Candidate of Law
(Nizhny Novgorod academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Nizhny Novgorod, Russia)

Аннотация: в статье в теоретико-прикладном аспекте рассматривается вопрос формирования теоретических подходов к определению термина и содержания определяемой им деятельности оперативных подразделений по оперативному обслуживанию. Автором выделены три условных этапа развития теоретических подходов. Выделяются труды и идеи ученых, внесших весомый вклад в развитие данного вопроса. Приводятся ссылки на исторические документы и ранее действовавшие нормативные правовые акты.

Отмечается, что в практической деятельности оперативных подразделений МВД России оперативное обслуживание незаслуженно недооценено и осуществляется по остаточному принципу, что, как следствие, влечет недостаточно высокие показатели профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

Цель исследования – выявление существующих проблем преемственности в развитии теоретических подходов к определению понятия и содержания оперативного обслуживания.

Анализируется современное состояние научных исследований по рассматриваемому вопросу, которые не в полной мере учитывают ранее достигнутые результаты в теории оперативно-розыскной деятельности, а в отдельных аспектах и противоречат им.

Предлагается авторское видение определения оперативного обслуживания, акцентируется внимание на недостатках в реализации преемственности процесса проведения теоретико-прикладных исследований, сопряженных с деятельностью оперативных подразделений по оперативному обслуживанию отдельных сфер деятельности, и связанных с этим возможных негативных последствиях.

Ключевые слова: борьба с преступностью, организационно-управленческое направление деятельности, оперативное обслуживание, мониторинг.

Для цитирования: Телицын Н.А. К вопросу о формировании понятия оперативного обслуживания объектов и линий работы в деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел: исторический и сущностный аспекты // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2022. № 1. С. 62–68.

Abstract: in the article, in the theoretical and applied aspect, the question of the formation of theoretical approaches to the definition of the term and the content of the activity of operational units for operational maintenance defined by it is considered. The author identifies 3 conditional stages of the development of theoretical approaches. The works and ideas of scientists who have made a significant contribution to the development of this issue are highlighted. References to historical documents and previously valid regulatory legal acts are provided. It is noted that in the practical activities of operational units of the Ministry of Internal Affairs of Russia, operational service is undeservedly underestimated and is carried out on a residual basis, which entails, as a

consequence, insufficiently high indicators of professional activity of police officers. The article analyzes the current state of scientific research on the issue under consideration, which does not fully take into account the previously achieved results in the theory of operational and investigative activities, and in some aspects contradict them.

The purpose of the study was to identify existing problems of continuity in the development of theoretical approaches to the definition of the concept and content of operational service.

The article analyzes the current state of scientific research on the issue under consideration, which does not fully take into account the previously achieved results in the theory of operational and investigative activities, and in some aspects contradict them.

The author's vision of the definition of operational services is proposed, attention is focused on the shortcomings in the implementation of the continuity of the process of theoretical and applied research related to the activities of operational units for operational services of certain areas of activity, and the associated possible negative consequences.

Keywords: crime fighting, organizational and managerial direction of activity, operational maintenance, monitoring.

For citation: Telitsyn N.A. On the issue of the formation of the concept of operational maintenance of objects and lines of work in the activities of operational units of the Department of Internal Affairs: historical and essential aspects // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1. P. 62–68.

Успешность решения оперативными подразделениями органов внутренних дел Российской Федерации¹ задач по борьбе с преступностью, включая и преступления экономической и коррупционной направленности, во многом зависит от правильности организации их повседневной работы с учетом поступающей информации о внешней среде и состоянии самой системы управления [1, с. 6]. В теории оперативно-розыскной деятельности² совокупность этих сведений принято называть оперативной обстановкой, а деятельность по их сбору и слежению за ее состоянием – оперативным обслуживанием.

Исследованию проблемных вопросов теории и практики организации данного направления деятельности уделялось и уделяется особое внимание, что демонстрирует важность их изучения для теории и практики ОРД.

В то же время анализ научных трудов свидетельствует о неоднозначности ситуации в сфере основных концептуальных подходов к изучению сущности и содержания оперативного обслуживания. Так, с одной стороны, имеются фундаментальные труды [12; 17], в целом принципиально схоже и верно, по нашему мнению, определяющие содержание, цель, задачи и этапы реализации этой деятельности, с другой – параллельно с ними существует значительное число альтернативных научных точек зрения [5, с. 76–84; 11, с. 53–65], некоторые из которых не только не удивляют своей оригинальностью, но и могут свидетельствовать о нарушении преемственности в теории ОРД. Аналогичная неоднозначная ситуация прослежива-

ется и в правоприменительной деятельности, где лишь 53,1% опрошенных респондентов из числа сотрудников оперативных подразделений ЭБиПК МВД России пояснили, что словосочетание «оперативное обслуживание» хотя им и знакомо, но они затрудняются пояснить его содержание и назначение, нередко отождествляя его с поисковой деятельностью; остальные – вообще не смогли пояснить хоть что-либо.

Все это делает весьма актуальным и значимым исследование вопросов развития теоретических подходов к содержанию и определению словосочетания «оперативное обслуживание», установление изначального смысла, заложенного в них, осмысление сущности этого направления деятельности и практической его ценности для оперативных подразделений системы МВД России в целом и подразделений ЭБиПК в частности.

Так, развитие и совершенствование методов научного познания теории ОРД, накопление практического опыта деятельности и теоретических наработок предопределили появление различных точек зрения по исследуемой проблематике. В целом их изучение позволяет выделить три условных этапа разработки теоретических подходов к определению и содержанию такого организационно-управленческого направления деятельности, как оперативное обслуживание, а именно:

- 1 этап – с 1937 по 1990 год;
- 2 этап – с 1991 по 2002 год;
- 3 этап – с 2003 года по настоящее время.

Исходная дата начала первого этапа выбрана не случайно. Впервые термин «оперативное обслуживание» был использован в Положении об отделе по борьбе с хищениями социалисти-

¹ Далее – ОВД.

² Далее – ОРД.

ческой собственности³ от 16 марта 1937 года. Этим нормативным актом на отделы БХСС возлагалось оперативное обслуживание аппаратов Наркомата внутренней торговли, Центросоюза, Всекомпросвета, Всекопинвеста, Управления сберкасс, Наркомата финансов и заготовительных организаций, а также подведомственных им учреждений и организаций союзного и республиканского значения [18, с. 30].

В последующих нормативных актах, например, в приказе Министерства охраны общественного порядка СССР от 8 октября 1963 года, вводилось уточнение специфики данной деятельности, а именно «работу милиции по линии БХСС организовать исходя из экономических особенностей данной местности, учитывая при этом наличие конкретных материалов о неблагополучии с сохранностью материальных ценностей в определенной отрасли народного хозяйства» [18, с. 31].

Указанными выше нормативными правовыми актами регламентировались отдельные вопросы организации оперативного обслуживания. Теоретическое осмысление данных вопросов произошло значительно позже (в 1970–1980-х гг.). Зачастую эти исследования носили несколько узконаправленный характер, изучению подвергались отдельные аспекты этого направления деятельности, нередко в отсутствие системного подхода к исследованию данной проблематики. Несмотря на имеющиеся недостатки, выработанные научные подходы имели особое значение в развитии теории ОРД.

Анализ имеющихся трудов позволил выделить теоретиков ОРД, внесших на первом этапе наибольший вклад в осмысление сущности и содержания оперативного обслуживания. Так, к ним, по нашему мнению, относятся следующие авторы: Б.Е. Богданов, Б.В. Бойцов, Г.Л. Борисов, Д.В. Гребельский, Н.Б. Егоров, В.П. Жуков, Л.А. Жуков, А.Г. Лекарь, В.А. Лунев, П.П. Мозговой, Г.Л. Овчаренко, В.Н. Омелин, А.Г. Филатов и др. [2; 3; 4; 7; 8, с. 188–198; 9, с. 56–64; 19]. В процессе исследования ими были достигнуты следующие результаты: аргументированы актуальность и значимость проблематики исследования; выдвинута гипотеза о наличии у оперативного обслуживания признаков, отличающих его от смежных направлений оперативно-служебной деятельности. Также были сформулированы авторские определения термина «оперативное обслуживание»:

– «осуществление органами внутренних дел комплекса мероприятий, обеспечивающих их осведомленность о состоянии оперативной об-

становки на конкретных объектах народно-хозяйственного либо иного назначения в целях своевременного и полного предотвращения и раскрытия преступлений» [9, с. 9];

– «система главным образом... мероприятий по выявлению замаскированных преступлений, а также лиц, участвующих в этих преступлениях» [16, с. 40].

Сопоставление различных подходов в определении сущности и содержания института оперативного обслуживания, сформулированных авторами в указанный период, позволяет сделать следующие выводы:

– выдвинута в целом верная гипотеза о том, что основное назначение оперативного обслуживания заключается в изучении состояния сохранности собственности, наблюдении, слежении за ним, т.е. оно решает задачи информационного обеспечения;

– оперативное обслуживание рассматривается не как самостоятельное направление деятельности, а в качестве «системы мер», «самостоятельной функции», «системы... мероприятий» и др., что требует своего уточнения;

– содержание предлагаемых авторами определений понятия «оперативное обслуживание» включает в себя характерные признаки иных направлений оперативно-служебной деятельности, что затрудняет их разграничение («система мер по выявлению и устранению причин преступлений и способствующих им условий, предупреждению, пресечению, обнаружению и обеспечению раскрытия хищений», «система... мероприятий по выявлению замаскированных преступлений...» и т.д.);

– не выработана единая позиция по определению цели и задач данного направления деятельности.

Начало второго этапа в первую очередь связано с проведением анализа теоретических подходов к определению, содержанию и сущности оперативного обслуживания на уровне диссертационных исследований, что подчеркивает необходимость изучения и актуальность данного вопроса в теории и практике ОРД ОВД.

Наиболее значительный вклад в исследование проблематики внесли А.В. Куликов, В.Д. Ларичев, Л.Н. Литковский, Н.Н. Перепелица и др. [12; 13; 14; 15; 17]. При этом А.В. Куликов, Л.Н. Литковский и Н.Н. Перепелица проблемы оперативного обслуживания исследовали в рамках самостоятельных диссертационных работ, посвященных сугубо организационно-тактическим аспектам данной деятельности [12; 17]. В своих трудах представленные авторы аргументировали актуальность и значимость изучения проблемных вопросов оперативного обслуживания; определили

³ Далее – отдел БХСС.

цели, задачи и этапы этого направления деятельности, исследовали гипотезу об оперативном обслуживании как о самостоятельном направлении оперативно-служебной деятельности [12, с. 28]. Также каждым из авторов были сформулированы определения термина «оперативное обслуживание», которые достаточно полно, логично и аргументированно отражают все структурные элементы деятельности. Так, например, оперативное обслуживание – это «организационно-аналитическое направление оперативно-розыскной работы, заключающееся в организации функционирования различных источников информации, получении и обработке сведений, характеризующих оперативную обстановку на определенной территории, объекте, группе объектов или секторе экономики в целях обеспечения эффективной деятельности по выявлению, предупреждению и раскрытию преступлений» [17, с. 11].

Вместе с тем, учитывая современные тенденции и требования к организации ОРД, а также существующие научные подходы к определению понятия и содержания термина «оперативное обслуживание», представляется необходимым уточнение отдельных позиций, направленных на их совершенствование.

Так, А.В. Куликов, Л.Н. Литковский и Н.Н. Перепелица отмечают, что оперативное обслуживание способствует повышению эффективности деятельности по выявлению, предупреждению и раскрытию преступлений. В то же время, являясь базовой организационно-управленческой формой деятельности [10, с. 202; 17, с. 3;], оно, кроме обозначенного выше, должно также, по нашему мнению, способствовать повышению эффективности организации, например, работы с гражданами, оказывающими различные виды содействия, и взаимодействия с иными заинтересованными субъектами, а также решению других частных задач ОРД, не связанных с проведением ОРМ, например, предусмотренных абз. 2, 3, 4 ст. 2 и ч. 2 ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»⁴.

С учетом высказанных предложений, по нашему мнению, более верным было бы определить в качестве цели оперативного обслуживания – обеспечение деятельности оперативных подразделений ОВД по выполнению возложенных на них полномочий по поддержанию состояния правопорядка на обслуживаемой линии (объекте, территории) в пределах их профессиональной компетенции.

Мы полагаем, что требует своего уточнения и предложенный А.В. Куликовым, Л.Н. Литковским

и Н.Н. Перепелицей перечень решаемых задач: «организация функционирования различных источников информации», «получение и обработка сведений», «добывание разведывательной (первичной) информации», «сбор, анализ, оценка осведомительной информации».

В этих целях необходимо, во-первых, определить мониторинг⁵ состояния оперативной обстановки в качестве ключевой задачи данной деятельности, хотя она и не в полной мере нашла свое отражение в представленных выше исследованиях. Ее реализация позволяет обеспечить своевременное обнаружение условий и обстоятельств, существенно влияющих на динамику ее состояния на территории (линии, объекте) обслуживания, спрогнозировать их развитие и смоделировать возможное наступление общественно опасных последствий, недопущение которых может потребовать своевременного принятия управленческих решений в сфере ОРД. Отметим, что о целесообразности проведения мониторинга в рамках оперативного обслуживания ранее уже высказывались С.И. Ефанов и А.А. Агеенков [8, с. 196].

Во-вторых, важно учитывать результаты мониторинга в процессе подготовки и реализации организационно-управленческих решений, основной целью которых выступает нормализация состояния оперативной обстановки [21, с. 46–48, 51, 53, 55].

Результаты принятых и реализованных управленческих решений должны быть учтены в качестве сведений, характеризующих оперативную обстановку для проверки правильности их принятия.

В этой связи с учетом цели и задач, решаемых в рамках реализации оперативного обслуживания, более верным было бы определить оперативное обслуживание как организационно-управленческое направление оперативно-служебной деятельности. По всем остальным направлениям мы полностью разделяем научные позиции А.В. Куликова, Н.Н. Перепелицы и Л.Н. Литковского.

Включение предложенных нами уточнений в определение термина «оперативное обслуживание» позволило бы, по нашему мнению, более полно отразить сущностные и содержательные элементы данной деятельности и отграничить его от смежных понятий.

В этой связи важно отметить, что задачи, решаемые в рамках оперативного обслуживания

⁴ Далее – Закон «Об ОРД».

⁵ Большой словарь иностранных слов. 2007 [Электронный ресурс]. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/22169/ МОНИТОРИНГ (дата обращения: 15.03.2021). Мониторинг [англ. monitoring] – система постоянных наблюдений, оценки и прогноза изменения состояния какого-либо природного, социального и т.п. объекта.

ния, отсутствуют в перечне, закрепленном ст. 2 Закона об ОРД, что вполне логично, учитывая, что оно является организационно-управленческим направлением деятельности. Основой для выработки и принятия управленческих решений должны выступать проверенные данные, которые могут быть получены в рамках внутреннего (например, с информационным центром и оперативными подразделениями ГУ МВД России) и внешнего (например, с органами исполнительной власти) взаимодействия (взаимного информирования). Выдвинутые аргументы позволяют сделать вывод об отсутствии необходимости проведения оперативно-розыскных мероприятий⁶ в рамках реализации задач оперативного обслуживания.

Выделение третьего этапа в качестве самостоятельного представляется нам целесообразным, поскольку в этот период, учитывая имеющиеся у нас данные, диссертационные исследования, посвященные непосредственно оперативному обслуживанию, не проводились, а встречающиеся публикации по указанной проблематике не учитывают достижений предшественников, нарушая принцип преемственности научного знания.

Так, проведенным исследованием установлено, что авторы современного периода в ряде случаев, с одной стороны, не учитывают результаты научных исследований, проведенных А.В. Куликовым, Л.Н. Литковским и Н.Н. Перепелицей. За основу ими взяты в первую очередь труды А.Г. Лекаря, Б.Е. Богданова, А.А. Жукова и других авторов, которые были опубликованы в 1979–1987 гг., т.е. еще в первый период. С другой стороны, ими не приводится соответствующая аргументация авторской позиции. А сами исследования в первую очередь касаются изучения прикладного аспекта этого направления деятельности [6; 10; 11, с. 53–65; 20]. Данные обстоятельства, несомненно, влияют на содержание, достоверность и научную значимость этих исследований как для теории ОРД, так и для практики оперативных подразделений ЭБиПК.

Так, например, В.А. Галушко и О.Г. Половников со ссылкой на работу Б.Е. Богданова «Основы организации оперативного обслуживания аппаратами БХСС объектов и отраслей народного хозяйства», опубликованную им в 1979 году, в своей статье, датированной 2013 годом, определяют оперативное обслуживание как «деятельность, которая... охватывает совокупность различных по своей природе и содержанию мероприятий, включая и выявление,

устранение причин преступлений и способствующих им условий, в целях предупреждения, пресечения, обнаружения и раскрытия преступления...». И далее: «...вместе с тем предупреждение преступлений является лишь одним из элементов такой комплексной деятельности, как оперативное обслуживание...». И, наконец, не разобравшись в сущности и содержании оперативного обслуживания, делают вывод о том, что «...необходимо дополнить ст. 7 Закона об ОРД положением, предусматривающим осуществление оперативного обслуживания территории и объектов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, в качестве основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий» [5, с. 83–84].

Бесспорно, каждый автор имеет право на самостоятельное суждение по различным научным вопросам. Однако, как было отмечено ранее, любое новое знание должно, с одной стороны, учитывать уже имеющийся наработанный опыт решения проблемы, с другой, предлагая альтернативные пути ее решения, следует их аргументировать с позиций эффективности, целесообразности, практической и теоретической значимости.

Неоднозначность этого предложения обусловлена тем, что оно, по нашему мнению, прямо противоречит действующему нормативному правовому регулированию. Так, ст. 2 Закона об ОРД определяет задачи ОРД, в число которых входит и предупреждение. Согласно ст. 6 данного нормативного правового акта ОРМ проводятся для осуществления ОРД, т.е. реализации его задач. В этой связи нет никаких препятствий для осуществления ОРМ в процессе деятельности оперативных подразделений ОВД по предупреждению преступлений.

С учетом всего вышеизложенного оперативное обслуживание в деятельности подразделений ЭБиПК можно определить как самостоятельное организационно-управленческое направление деятельности оперативных подразделений, обеспечивающее поступление информации о состоянии оперативной обстановки, мониторинг ее текущего состояния, выработку управленческих решений в целях организации их деятельности в пределах профессиональной компетенции. Таким образом, использование предлагаемых нами положений в теории ОРД и практике оперативных подразделений ОВД будет способствовать как реализации принципа преемственности в развитии теоретических аспектов деятельности, так и организации борьбы с преступностью.

⁶ Далее – ОРМ.

Литература

1. Методика изучения и оценки оперативной обстановки на территории, обслуживаемой горрайлинорганом внутренних дел: учебное пособие / А.Е. Андриевский [и др.]; под ред. А.Г. Лекаря. – Москва, 1973 – 122 с.
2. **Бабич Ю.И., Белоус В.Т., Ищенко А.М.** Выявление корыстных преступлений в системе материально-технического снабжения. – Киев: РИО МВД УССР, 1989. – 84 с.
3. **Борисов Г.Л., Климов И.А., Маслова А.В.** Предупреждение и раскрытие хищений в винодельческой промышленности: учебное пособие. – Горький: Горьковская высшая школа МВД СССР, 1981. – 70 с.
4. **Борисов Г.Л., Гоцев М.В.** Организация оперативного обслуживания отраслей агропромышленного комплекса: учебное пособие. – Москва, 1990. – 120 с.
5. **Галушко В.А., Половников О.Г.** Правовой аспект оперативного обслуживания территорий и объектов подразделениями уголовного розыска // Актуальные проблемы раскрытия и расследования преступлений: сборник научных трудов. – Омск, 2013. Выпуск 11. С. 76–84.
6. **Глоба Н.С., Крашенников Ю.Н., Куликов А.В.** Оперативное обслуживание подразделениями БЭП криминальной милиции объектов сферы обращения нефтепродуктов: лекция. – Калининград: Калининградский ЮИ МВД России, 2002. – 40 с.
7. **Егоров Н.Б., Куликов А.В., Лукша А.Е.** Организация оперативного обслуживания объектов экономики аппаратами по борьбе с экономическими преступлениями: лекция. – Калининград: КЮИ МВД России, 2000. – 36 с.
8. **Ефанов С.И., Агеенков А.А.** К вопросу об организации оперативного обслуживания органов власти и управления, объектов экономики по линии выявления и раскрытия взяточничества и коммерческого подкупа // Актуальные проблемы использования сил, средств и методов оперативно-розыскной деятельности: сборник материалов всероссийской межведомственной научно-практической конференции (25–26 апреля 2018 г.). – Иркутск, 2018. С. 188–198.
9. **Жуков В.П., Лунев В.А., Мозговой П.П.** Основы оперативного обслуживания объектов и отраслей народного хозяйства: учебное пособие. – Горький: Горьковская высшая школа МВД СССР, 1977. – 64 с.
10. **Киселев Н.Н.** Организация оперативного обслуживания органами внутренних дел объектов потребительского рынка на современном этапе // Пробелы в российском законодательстве. – 2014. – № 6. – С. 201–205.
11. **Климов И.А., Голубев П.В.** О совершенствовании оперативного обслуживания отраслей экономики, коммерческих и предпринимательских структур // Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел в современных условиях: межвузовский сборник научных трудов по материалам научно-практической конференции. – Москва, 2004. С. 53–65.
12. **Куликов А.В.** Оперативное обслуживание подразделениями по борьбе с экономическими преступлениями объектов и сфер экономики (вопросы теории и практики): автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. – Москва, 2002. – 56 с.
13. **Куликов А.В.** Организация оперативного обслуживания аппаратами БЭП объектов экономики в условиях свободной экономической зоны. – Москва, 1997. – 18 с.
14. **Куликов А.В., Лукша А.Е.** Методические рекомендации по организации оперативного обслуживания сфер (объектов) экономики (для подразделений БЭП криминальной милиции): учебно-практическое пособие. – Калининград, 2001. – 112 с.
15. **Ларичев В.Д., Милякина Е.В., Орлова Е.А.** Проблемы борьбы с экономической преступностью в сфере внешнеэкономической деятельности: монография. – Москва, 2002. – 245 с.
16. **Лекарь А.Г.** К вопросу о сущности оперативного обслуживания // Оперативно-розыскная работа. – 1981. – № 15. – С. 39–45.
17. **Литковский Л.Н.** Правовое и методическое обеспечение оперативного обслуживания предприятий малого бизнеса (подразделениями БЭП ГОРОВД): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Москва, 1995. – 24 с.
18. **Мулукаев Р.С., Скилягин А.Т.** История советской милиции: хронологический справочник. – Ленинград, 1976. – 52 с.
19. **Омелин В.Н.** Некоторые вопросы оперативного обслуживания аппаратами БХСС производственных объединений // Труды Академии МВД СССР. – Москва, 1988.
20. **Потапова Н.Н., Долгачева О.И.** Оперативное обслуживание нефтегазового комплекса подразделениями ЭБиПК // Правоохранительная деятельность. – 2020. – №1 (5). – С. 132–137.
21. **Телицын Н.А.** Организационно-управленческие основы деятельности подразделений ЭБиПК по борьбе с преступлениями, связанными с нецелевым расходованием бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов: учебное пособие. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2021. – 143 с.

References

1. Metodika izucheniya i otsenki operativnoi obstanovki na territorii, obsluzhivaemoy gorraillinorganom vnutrennikh del: uchebnoe posobie / A.E. Andrievskii [i dr.]; pod red. A.G. Lekarya. – Moskva, 1973 – 122 s.
2. **Babich Yu.I., Belous V.T., Ishchenko A.M.** Vyyavlenie korystnykh prestuplenii v sisteme material'no-tekhnicheskogo snabzheniya. – Kiev: RIO MVD USSR, 1989. – 84 s.
3. **Borisov G.L., Klimov I.A., Maslova A.V.** Preduprezhdenie i raskrytie khishchenii v vinodel'cheskoi promyshlennosti: uchebnoe posobie. – Gor'kii: Gor'kovskaya vysshaya shkola MVD SSSR, 1981. – 70 s.
4. **Borisov G.L., Gotsev M.V.** Organizatsiya operativnogo obsluzhivaniya otraslei agropromyshlennogo kompleksa: uchebnoe posobie. – Moskva, 1990. – 120 s.
5. **Galushko V.A., Polovnikov O.G.** Pravovoi aspekt operativnogo obsluzhivaniya territorii i ob'ektov podrazdeleniyami ugolovnogo rozyska // Aktual'nye problemy raskrytiya i rassledovaniya prestuplenii: sbornik nauchnykh trudov. – Omsk, 2013. Vypusk 11. S. 76–84.
6. **Globa N.S., Krashennikov Yu.N., Kulikov A.V.** Operativnoe obsluzhivanie podrazdeleniyami BEP kriminal'noi militsii ob'ektov sfery obrashcheniya nefteproduktov: lektsiya. – Kaliningrad: Kaliningradskii Yul MVD Rossii, 2002. – 40 s.
7. **Egorov N.B., Kulikov A.V., Luksha A.E.** Organizatsiya operativnogo obsluzhivaniya ob'ektov ekonomiki apparatami po bor'be s ekonomicheskimi prestupleniyami: lektsiya. – Kaliningrad: KYul MVD Rossii, 2000. – 36 s.
8. **Efanov S.I., Ageenkov A.A.** K voprosu ob organizatsii operativnogo obsluzhivaniya organov vlasti i upravleniya, ob'ektov ekonomiki po linii vyyavleniya i raskrytiya vzyatochnichestva i kommercheskogo podkupa // Aktual'nye problemy ispol'zovaniya sil, sredstv i metodov operativno-rozysknoi deyatelnosti: sbornik materialov vserossiiskoi mezvedomstvennoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (25–26 aprelya 2018 g.). – Irkutsk, 2018. С. 188–198.

9. **Zhukov V.P., Lunev V.A., Mozgvoi P.P.** Osnovy operativnogo obsluzhivaniya ob»ektov i otraslei narodnogo khozyaistva: uchebnoe posobie. – Gor'kii: Gor'kovskaya vysshaya shkola MVD SSSR, 1977. – 64 s.
10. **Kiselev N.N.** Organizatsiya operativnogo obsluzhivaniya organami vnutrennikh del ob»ektov potrebitel'skogo rynka na sovremennom etape // Probely v rossiiskom zakonodatel'stve. – 2014. – № 6. – S. 201–205.
11. **Klimov I.A., Golubev P.V.** O sovershenstvovanii operativnogo obsluzhivaniya otraslei ekonomiki, kommercheskikh i predprinimatel'skikh struktur // Aktual'nye problemy teorii i praktiki operativno-rozysknoi deyatel'nosti organov vnutrennikh del v sovremennykh usloviyakh: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov po materialam nauchno-prakticheskoi konferentsii. – Moskva, 2004. S. 53–65.
12. **Kulikov A.V.** Operativnoe obsluzhivanie podrazdeleniyami po bor'be s ekonomicheskimi prestupleniyami ob»ektov i sfer ekonomiki (voprosy teorii i praktiki): avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk. – Moskva, 2002. – 56 s.
13. **Kulikov A.V.** Organizatsiya operativnogo obsluzhivaniya apparatami BEP ob»ektov ekonomiki v usloviyakh svobodnoi ekonomicheskoi zony. – Moskva, 1997. – 18 s.
14. **Kulikov A.V., Luksha A.E.** Metodicheskie rekomendatsii po organizatsii operativnogo obsluzhivaniya sfer (ob»ektov) ekonomiki (dlya podrazdelenii BEP kriminal'noi militsii): uchebno-prakticheskoe posobie. – Kaliningrad, 2001. – 112 s.
15. **Larichev V.D., Milyakina E.V., Orlova E.A.** Problemy bor'by s ekonomicheskoi prestupnost'yu v sfere vnesheekonomicheskoi deyatel'nosti: monografiya. – Moskva, 2002. – 245 s.
16. **Lekar' A.G.** K voprosu o sushchnosti operativnogo obsluzhivaniya // Operativno-rozysknaya rabota. – 1981. – № 15. – S. 39–45.
17. **Litkovskii L.N.** Pravovoe i metodicheskoe obespechenie operativnogo obsluzhivaniya predpriyatii malogo biznesa (podrazdeleniyami BEP GOROV D): avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk. – Moskva, 1995. – 24 s.
18. **Mulukaev R.S., Skilyagin A.T.** Istoriya sovet'skoi militsii: khronologicheskii spravochnik. – Leningrad, 1976, – 52 s.
19. **Omelin V.N.** Nekotorye voprosy operativnogo obsluzhivaniya apparatami BKhSS proizvodstvennykh ob»edinenii // Trudy Akademii MVD SSSR. – Moskva, 1988.
20. **Potapova N.N., Dolgacheva O.I.** Operativnoe obsluzhivanie neftegazovogo kompleksa podrazdeleniyami EBiPK // Pravookhranitel'naya deyatel'nost'. – 2020. – №1 (5). – S. 132–137.
21. **Telitsyn N.A.** Organizatsionno-upravlencheskie osnovy deyatel'nosti podrazdelenii EBiPK po bor'be s prestupleniyami, svyazannymi s netselevym raskhodovaniem byudzhethnykh sredstv i sredstv gosudarstvennykh vnebyudzhethnykh fondov: uchebnoe posobie. – Nizhnii Novgorod: Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii, 2021. – 143 s.

(статья сдана в редакцию 20.10.2021)

**ОРГАНЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В НОВОЙ
СТРУКТУРЕ ЕДИНОЙ СИСТЕМЫ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ:
ВОПРОСЫ НОРМАТИВНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ****LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES IN THE NEW
STRUCTURE OF THE UNIFIED SYSTEM OF PUBLIC
AUTHORITY: ISSUES OF REGULATORY REGULATION**

УДК 342

О.А. КОЖЕВНИКОВ,
доктор юридических наук, профессор
(Уральский государственный
юридический университет,
Уральский государственный
экономический университет,
Россия, Екатеринбург)
jktu1976@yandex.ru

OLEG A. KOZHEVNIKOV,
Doctor of Law, Professor
(Ural State Law University,
Ural State University of Economics,
Ekaterinburg, Russia)

Аннотация: настоящее исследование посвящено анализу сложившейся в 2020–2021 годах федеральной законотворческой практики в части применения в новейшем российском законодательстве «неустойчивых» правовых категорий и терминов, направленных на реализацию отдельных, измененных в 2020 году положений текста Конституции Российской Федерации. Применение отечественным законодателем в федеральных нормативных актах неустоявшихся терминов «публичная власть», «система публичной власти», «органы публичной власти» приводит к противоречивому пониманию места и роли в единой системе публичной власти одного из ее неотъемлемых компонентов – органов местного самоуправления. В результате проведенного исследования делается вывод о том, что формирование конституционно-правовой основы единой системы публичной власти в настоящее время основывается на весьма дискуссионных началах, противоречащих не только ранее выработанным позициям Конституционного Суда Российской Федерации, но и буквальному прочтению и толкованию отдельных положений основ конституционного строя Российской Федерации, что, несомненно, может привести к непредсказуемым негативным последствиям не только в рамках нормотворческой, но и прежде всего правоприменительной деятельности и существенным образом снизить уровень доверия к положениям Конституции Российской Федерации, определяющей фундаментальные правовые основы организации и функционирования институтов власти в государстве.

Ключевые слова: единая система публичной власти, местное самоуправление, органы местного самоуправления, взаимодействие.

Для цитирования: Кожевников О.А. Органы местного самоуправления в новой структуре единой системы публичной власти: вопросы нормативной регламентации // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2022. № 1. С. 69–73.

Abstract: this study is devoted to the analysis of the federal legislative practice established in 2020-2021 in terms of the application of «unstable» legal categories and terms in the latest Russian legislation aimed at implementing certain provisions of the text of the Constitution of the Russian Federation amended in 2020. The use by the domestic legislator of the terms «public power», «system of public power», «public authorities» in federal regulations leads to a contradictory understanding of the place and role in the unified system of public power of one of its integral components – local self-government bodies. As a result of the conducted research, it is concluded that the formation of the constitutional and legal basis of the unified system of public power is currently based on very controversial principles that contradict not only the previously developed positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, but also the literal reading and interpretation of certain provisions of the foundations

of the constitutional system of the Russian Federation, which undoubtedly can lead to unpredictable negative consequences not only within the framework of the rule-making, but also, above all, to significantly reduce the level of confidence in the provisions of the Constitution of the Russian Federation, which defines the fundamental legal foundations of the organization and functioning of government institutions in the state.

Keywords: unified system of public power, local self-government, local self-government bodies, interaction.

For citation: Kozhevnikov O.A. Local self-government bodies in the new structure of the unified system of public authority: issues of regulatory regulation // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1. P. 69–73.

С принятием поправок в Конституцию Российской Федерации в 2020 году произошло серьезное оживление в части использования ряда терминов и понятий, которые ранее хотя и были на слуху, но тем не менее больше относились к научной терминологии и не находили своего полноценного выражения в текстах нормативных актов различного уровня. Одними из таких терминов, которые в настоящее время, как «лавиной», накрыли тексты нормативных актов федерального уровня, сообщения средств массовой информации, научные публикации и исследования, являются «публичная власть», «система публичной власти», «органы публичной власти». Особый характер сложившейся ситуации придает тот факт, что ни одна из этих категорий не имеет своего четкого, законченного понимания ни в науке, ни в законодательстве Российской Федерации.

В публикациях советского периода у одних авторов публичная власть отождествлялась с общественной, в частности, профессор Л.А. Григорян в своих трудах указывал, что «термин „публичная власть“ означает всего лишь „общественная власть“. А общественная власть существует во всяком обществе» [1, с. 16–21]. В работах других ученых публичная власть рассматривалась как синоним государственной и политической власти. Например, профессор А.И. Ким в своих исследованиях утверждал: «Общественная и публичная власть не тождественны; тождественны же публичная и государственная власти, порожденные политическими отношениями» [2, с. 65]. В целом же в советский период рассмотрение проблем публичной власти во многом увязывалось с целью построения сначала социалистического, а потом и коммунистического общества. Решение данных вопросов должно было служить теоретической базой для проводимых преобразований, а так как общество было практически полностью огосударствлено, то исследованию подвергались в основном только государственная власть в социалистическом обществе и общественное самоуправление в будущем коммунистическом обществе, а также в негативном плане государственная власть буржуазных стран [3].

Не изменилась ситуация с пониманием названных категорий и с появлением в 1993 году Конституции Российской Федерации, текст которой является основой для построения всей системы власти на территории нашего государства. Так, например, доцент А.А. Югов считает, что публичная власть «...есть система всеобщего участия населения в решении совместных дел» [4, с. 12]. Профессор В.Е. Чиркин в своих исследованиях подчеркивает: «Публичная власть – это разновидность социальной власти, возникающая в „территориальных объединениях людей“, имеющая общий, общественный, а не частный характер. Это – территориальные публичные коллективы... Власть в таком коллективе предназначена сохранять и охранять коллектив» [5, с. 9]. Профессор С.А. Авакьян рассматривает публичную власть как широкое явление, «основой которого является принадлежность всей полноты власти народу и ее осуществление в трех формах: государственная власть, общественная власть и власть местного самоуправления» [6].

Отсутствие единых подходов к пониманию основополагающих категорий при формировании публичной власти и ее элементов оказывает самое непосредственное влияние на оценку текста нормативных актов, появляющихся в рамках реализации обновленных положений Конституции Российской Федерации, которые в той или иной степени посвящены публичной власти. В качестве самого яркого примера существующего разногласия можно привести следующие положения нормативных актов: ч. 3 ст. 132 Конституции Российской Федерации устанавливает, что органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации; в то же время ст. 2 Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» под единой системой публичной власти понимает совокупность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов, органов местного самоуправления. В ст. 1 проекта федерального закона «Об общих

принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» в состав единой системы публичной власти включены уже органы государственной власти, иные государственные органы, органы местного самоуправления.

Считаем, что представленное разногласие не только не соответствует неоднократно изложенным позициям Конституционного Суда Российской Федерации в части возложения обязанности на законодателя соблюдать однозначность, ясность и непротиворечивость правового регулирования, поскольку иное означает для правоприменителя возможность неограниченного усмотрения, ослабляющего гарантии конституционных прав и свобод и приводящего к нарушению принципов равенства и верховенства закона, но и ведет к появлению весьма дискуссионной проблематики о месте отдельных органов власти в формируемой единой системе публичной власти в Российской Федерации. Это в полной мере относится и к органам местного самоуправления, самому близкому к населению уровню власти.

Как было отмечено ранее, ч. 2 ст. 132 Конституции Российской Федерации включила органы местного самоуправления, наряду с органами государственной власти, в единую систему публичной власти для осуществления взаимодействия, направленного на наиболее эффективное решение задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории. Таким образом, основной целью формирования единой системы публичной власти заявлено взаимодействие в интересах населения, при этом очевидно, что законодатель в очередной раз применил конструкцию, которая не имеет своего единообразного понимания, – «взаимодействие». В энциклопедической литературе наиболее часто отмечается, что взаимодействие является общенаучной категорией, отражающей процессы воздействия различных объектов друг на друга, их взаимную обусловленность и изменение состояния [7]. В рамках конституционного права категория «взаимодействие» рассматривается с различных позиций [8; 9, с. 20–23; 10, с. 25–32], но представляется, что в рамках заявленной темы наиболее приемлемой является формулировка Я.А. Коновальчикова, который под взаимодействием предлагает понимать «конституционно-правовую деятельность, цель которой закреплена в конституционно-правовых нормах, осуществляемую двумя и более субъектами, обладающими конституционной правосубъектностью, в определенных формах путем использования оптимальных правовых средств для получения определенного результата» [7]. Из указанного определения вытекает приоритет прежде всего конституционно-правового нормативного регулирования направлений, форм и ме-

тодов взаимодействия органов местного самоуправления с другими субъектами, входящими в единую систему публичной власти. Однако после изменений текста Конституции 2020 года произошел очевидный переход в сторону от прямого конституционного регулирования статуса местного самоуправления и лиц, уполномоченных на его осуществление, к приоритету нормативного регулирования на уровне федеральных и региональных актов. Примером сложившегося правового дисбаланса в пользу именно законодательного, а не прямого конституционного регулирования являются обновленные положения ст. 131 Конституции Российской Федерации, в которых определено, что местное самоуправление осуществляется в муниципальных образованиях, виды которых устанавливаются *федеральным законом*. Структура органов местного самоуправления определяется в соответствии с общими принципами организации местного самоуправления в Российской Федерации, установленными *федеральным законом* (ч. 1). Органы государственной власти могут участвовать в формировании органов местного самоуправления, назначении на должность и освобождении от должности должностных лиц местного самоуправления в порядке и случаях, установленных *федеральным законом* (ч. 1.1). Изменение границ территорий, в пределах которых осуществляется местное самоуправление, допускается с учетом мнения населения соответствующих территорий в порядке, установленном *федеральным законом* (ч. 2), и т.д. При этом нельзя не учитывать стремление федерального законодателя к своей приоритетности в правовом регулировании организационных основ муниципальной власти и местного самоуправления в целом, которое наблюдалось последнее десятилетие и усиливалось правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, подчеркивавшего правомерное, с его точки зрения, усиление дискреции федерального и регионального законодателя в регулировании правоотношений в области местного самоуправления и порядка его осуществления. Вместе с тем подобное законотворческое усиление не всегда способствует качественному текстуальному выражению нормативных предписаний. В качестве примера можно привести положения ст. 1 уже упоминаемого проекта федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», в которых органы *государственной власти* субъекта Российской Федерации участвуют *в решении задач местного самоуправления* в рамках существующих положений федерального законодательства. При этом система действующего законодательства нигде не содержит указание на такой термин, как «задачи местного самоуправления». Более того,

федеральный законодатель в ст. 2 этого же закона в качестве принципов деятельности органов, входящих в единую систему публичной власти в субъекте Российской Федерации, указывает не установленную Конституцией Российской Федерации цель единой системы публичной власти – «взаимодействие в интересах населения», а совершенно иную цель – «создание условий для обеспечения устойчивого и комплексного социально-экономического развития в пределах территории субъекта Российской Федерации». Представляется, что подобная «игра» федерального законодателя не способствует усилению прямого действия норм Конституции Российской Федерации, а лишь ослабляет единство правового пространства, гарантированное основным законом нашего государства.

При рассмотрении вопросов нормативного регулирования взаимодействия органов местного самоуправления и государственной власти в рамках построения единой системы публичной власти нельзя не вспомнить положения ст. 8 Европейской хартии местного самоуправления, которая устанавливает основополагающие принципы осуществления административного (то есть государственного) контроля за деятельностью органов местного самоуправления. Среди них особо следует выделить то обстоятельство, что любой административный контроль за деятельностью органов местного самоуправления, как правило, преследует лишь цели обеспечения соблюдения законности и конституционных принципов. Административный контроль за деятельностью органов местного самоуправления должен осуществляться с соблюдением соразмерности между степенью вмешательства контролирующего органа и значимостью интересов, которые он намерен защищать.

Статьей 25 проекта федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» к полномочиям высшего должностного лица субъекта Российской Федерации отнесено право указанного лица вынести предупреждение, объявить выговор главе муниципального образования, главе местной администрации, особо подчеркиваем, «за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по обеспечению осуществления органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления федеральными законами и (или) законами субъекта Российской Федерации». Как правило, в рамках конституционного и административного права общепризнанным является тот факт, что контроль за исполнением полномочий осуществляют органы того уровня, с которого эти полномочия передаются, в данном случае федеральные полномочия контролирует высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации, а

не федеральные органы власти, но возможность подобного варианта в свое время подтвердил в своем решении Конституционный Суд Российской Федерации, поэтому мы в этой части дискуссии не хотели бы начинать, но считаем возможным обратить внимание, что названное полномочие противоречит ч. 3 ст. 21 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», в соответствии с которой в случае выявления нарушений требований законов по вопросам осуществления органами местного самоуправления или должностными лицами местного самоуправления отдельных государственных полномочий уполномоченные государственные органы вправе давать письменные предписания по устранению таких нарушений, обязательные для исполнения органами местного самоуправления и должностными лицами местного самоуправления. При этом особо хотелось бы подчеркнуть, что положения ст. 25 проекта федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» не наделяют высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации правом отрешить от должности главу муниципального образования, главу местной администрации в случае, если в течение месяца со дня вынесения высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации предупреждения, объявления выговора главе муниципального образования, главе местной администрации последними не были приняты в пределах своих полномочий меры по устранению причин, послуживших основанием для вынесения ему предупреждения, объявления выговора. Однако сама формулировка «не были приняты меры в пределах своих полномочий» является крайне неопределенной, поскольку очевидно, что она имеет во многом оценочный характер, ностораживает другое обстоятельство, что в действующей редакции ст. 74 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации предоставлено право издавать правовой акт об отрешении от должности главы муниципального образования или главы местной администрации только после подтверждения факта нарушения законодательства Российской Федерации указанными лицами судом. В обозначенной нами новелле федерального законодательства находит отражение, во-первых, внесудебный порядок отрешения от должности должностного лица местного самоуправления, а во-вторых, основание «за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей органами местного самоуправления государственных полномочий», которые с учетом действующе-

го законодательства передаются федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации, от исполнения которых органы местного самоуправления отказаться не могут и которые зачастую появляются у последних без выражения их согласия. Представляется, что такая нормативная новелла взаимодействия органов местного самоуправления с органами единой публичной власти субъекта Российской Федерации вряд ли отвечает принципу соблюдения соразмерности между степенью вмешательства контролирующего органа и значимостью интересов, которые он намерен защищать, сформулированному в Европейской хартии местного самоуправления, и установление подобных нормативных положений взаимодействия больше похоже не на взаимоотношения равноправных субъектов единой системы публичной власти, а на отношения «власти и подчинения», определяемые преимущественно нормами и принципами административного права в системе государственного управления, что противоречит положениям ст. 12 Конституции Российской Федерации.

В завершение настоящего исследования хотелось бы отметить, что формирование законодательства о единой системе публичной власти происходит в условиях применения правовых категорий, не имеющих своего единообразного понимания ни в юридической науке, ни в нормативной практике, при этом ситуация усугубляется и тем обстоятельством, что в рамках построения нормативных основ взаимодействия между органами местного самоуправления и иными структурными единицами единой системы публичной власти федеральный законодатель не в полной мере учитывает положения основ конституционного строя, имеющих преимущество перед иными положениями Конституции Российской Федерации и федерального законодательства, что в конечном итоге может ослабить гарантии прямого действия всех положений Конституции Российской Федерации в совокупности вне зависимости от того, что текст норм главы 8 Конституции Российской Федерации сейчас почти полностью привязан к дискреции федерального законодателя.

Литература

1. Григорян Л.А. Советы – органы власти и народного самоуправления. – Москва, 1965. – 235 с.
2. Ким А.И. Государственная власть и народное представительство в СССР. – Томск: Издательство Томского университета, 1975. – 216 с.
3. Минаков П.А. Публичная власть: политологический аспект: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Уфа, 2001. – 20 с.
4. Югов А.А. Правовые основы публичной власти в Российской Федерации: монография. – Екатеринбург: Издательство УрГЮА, 1999. – 123 с.
5. Чиркин В.Е. Публичная власть в современном обществе // Журнал российского права. – 2009. – № 7. – С. 3–13.
6. Авакьян С.А. Структура публичной власти в России: проблемы формирования и развития // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2018. – № 4 (33). – С. 7–13.
7. Коновальчиков Я.А. Понятие правового взаимодействия и его особенности в конституционном праве // Вестник МГОУ. Серия: Юриспруденция. – 2020. – № 1. – С. 88–97.
8. Авакьян С.А. Конституционное право России: учебный курс: учебное пособие: в 2 т. Т. 1. – Москва: Норма; ИНФРА-М, 2014. – 864 с.
9. Васильев С.А. Взаимодействие субъектов конституционно-правовых отношений // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 1. – С. 20–23.
10. Ромашов Р.А. Теория конституционно-правового отношения // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 9. – С. 25–32.

References

1. Grigoryan L.A. Sovety – organy vlasti i narodnogo samoupravleniya. – Moskva, 1965. – 235 s.
2. Kim A.I. Gosudarstvennaya vlast' i narodnoe predstavitel'stvo v SSSR. – Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1975. – 216 s.
3. Minakov P.A. Publichnaya vlast': politologicheskii aspekt: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata politicheskikh nauk. – Ufa, 2001. – 20 s.
4. Yugov A.A. Pravovye osnovy publichnoi vlasti v Rossiiskoi Federatsii: monografiya. – Ekaterinburg: Izdatel'stvo UrGYuA, 1999. – 123 s.
5. Chirkin V.E. Publichnaya vlast' v sovremennom obshchestve // Zhurnal rossiiskogo prava. – 2009. – № 7. – S. 3–13.
6. Avak'yan S.A. Struktura publichnoi vlasti v Rossii: problemy formirovaniya i razvitiya // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2018. – № 4 (33). – S. 7–13.
7. Konoval'chikov Ya.A. Ponyatie pravovogo vzaimodeistviya i ego osobennosti v konstitutsionnom prave // Vestnik MGOU. Seriya: Yurisprudentsiya. – 2020. – № 1. – S. 88–97.
8. Avak'yan S.A. Konstitutsionnoe pravo Rossii: uchebnyi kurs: uchebnoe posobie: v 2 t. T. 1. – Moskva: Norma; INFRA-M, 2014. – 864 s.
9. Vasil'ev S.A. Vzaimodeistvie sub'ektov konstitutsionno-pravovykh otnoshenii // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. – 2017. – № 1. – S. 20–23.
10. Romashov R.A. Teoriya konstitutsionno-pravovogo otnosheniya // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. – 2016. – № 9. – S. 25–32.

(статья сдана в редакцию 30.11.2021)

НЕГАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ВЛИЯНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ СОЗНАНИЯ У НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

NEGATIVE ASPECTS OF INFLUENCE OF INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES ON THE FORMATION OF CONSCIOUSNESS IN MINORS

УДК 342.9

А.В. КАРАГОДИН,

кандидат юридических наук, доцент
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
karagodin1975@gmail.com

ALEXANDER V. KARAGODIN,

Candidate of Law, Associate Professor
(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Н.В. МУЛЕНКО

(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)

NADEZHDA V. MULENKO

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: в статье рассматриваются негативные аспекты влияния информационно-коммуникационных технологий на формирование сознания людей, в частности несовершеннолетних. Авторы акцентируют внимание на том, что в настоящее время виртуальное пространство стало устойчивой формой коммуникативных связей, охватившей широкий круг категорий несовершеннолетних – индивидов, чье сознание находится на стадии формирования, становления фундамента личности, на котором будут основываться формы их поведения, определяться дальнейшая роль в обществе. В связи с чем вопрос влияния цифровых технологий, виртуального пространства на сознание несовершеннолетних становится одной из важнейших проблем современного общества. Авторы анализируют возникновение и развитие форм деструктивных сообществ в сетевых ресурсах, склоняющих несовершеннолетних к проявлению девиантного поведения, а также к совершению преступлений, и приходят к выводу о том, что основными причинами развития деструктивного поведения детей и подростков в результате использования информационно-телекоммуникационных технологий, в частности сети Интернет, являются условия нарастающих темпов развития категорий и форм, представляющих опасность для детей, а также недостаточный контроль со стороны правовых и неправовых механизмов регулирования деятельности несовершеннолетних в информационных сетях.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные сети, формирование сознания несовершеннолетних, информационные ресурсы, девиантное поведение.

Для цитирования: Карагодин А.В., Муленко Н.В. Негативные аспекты влияния информационно-коммуникационных технологий на формирование сознания у несовершеннолетних // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2022. № 1. С. 74–79.

Abstract: the article examines the negative aspects of the influence of information and communication technologies on the formation of people's consciousness, in particular, minors. The author focuses on the fact that at present the virtual space has become a stable form of communicative connections, covering a wide range of categories of minors - individuals whose consciousness is at the stage of formation, the formation of the foundation of personality, on which their forms of behavior will be based, their further role in society will be determined. In this connection, the issue of the influence of digital technologies, virtual space on the consciousness of minors is becoming one of the most important problems of modern society. The author analyzes the emergence and development of forms of destructive communities in network resources that

incline minors to display deviant behavior, as well as to commit crimes, and comes to the conclusion that the main reasons for the development of destructive behavior of children and adolescents as a result of the use of information and telecommunications technologies, in particular – The Internet is the conditions for the increasing pace of development of categories and forms that pose a danger to children, as well as insufficient control by legal and non-legal mechanisms for regulating the activities of minors in information networks.

Keywords: information and communication networks, the formation of the consciousness of minors, information resources, deviant behavior.

For citation: Karagodin A.V., Mulenko N.V. Negative aspects of influence of information and communication technologies on the formation of consciousness in minors // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1. P. 74–79.

На современном этапе развития информационных технологий виртуальное пространство стало устойчивой формой коммуникационных связей, охватывающей широкий круг несовершеннолетних, которые им пользуются. Их сознание находится на стадии формирования личностной базы, на которой будут основываться их формы поведения, определяться их дальнейшая роль в обществе. Опираясь на вышеизложенное, можем говорить о том, что вопрос о влиянии информационных технологий на сознание несовершеннолетних становится важнейшей проблемой современности.

Анализируя данный вопрос, стоит обратить внимание на два аспекта. Безусловно, нельзя не рассмотреть то, что в условиях развития виртуальных платформ у подростков появляется множество способов для проявления себя, использования своих ресурсов для становления и развития в творческой, научной, информационно-прикладной и многих других областях, то есть посредством использования информационно-коммуникационных технологий подросток может удовлетворить одну из самых значимых потребностей на данном этапе его развития – потребность в интеграции с обществом, поиске своей роли в этом обществе, где взаимодействуют более сложные по своей организации институты.

Другой аспект – информационно-коммуникационные технологии формируют среду, где открывается множество возможностей для реализации деструктивных идей, преступных деяний. С появлением виртуальной среды преступность вышла на совершенно новый этап своего проявления – появилась возможность орудовать анонимно, скрываясь за множеством прокси-серверов, ложных данных в социальных сетях, проводить преступные операции в экономической, экстремистской и прочих областях удаленно, более оперативно и в большинстве своем бесследно привлекать детей и подростков к преступным организациям путем психологического воздействия, осу-

ществляемого при помощи мессенджеров и различных сообществ в социальных сетях.

По результатам социологических исследований, 88% четырехлетних детей выходят в Сеть вместе с родителями; в восьми-, девятилетнем возрасте дети все чаще выходят в Сеть самостоятельно. К четырнадцати годам совместное семейное пользование Сетью сохраняется лишь для 7% подростков¹. Таким образом, можно сделать вывод о том, что взросление и развитие современных детей почти невозможно без влияния Интернета.

В то же время проведенные исследования показали, что у несовершеннолетних, много времени проводящих в Интернете, субъективная насыщенность жизни гораздо ниже, чем у сверстников. Кроме того, они обладают высокой потребностью в самовыражении, а также не склонны брать на себя ответственность за свою жизнь. Определенная упорядоченность интернет-сайтов, заданные оболочки компьютерных систем и программ способствуют повышению способности саморегуляции у несовершеннолетних. В то же время злоупотребление Интернетом ограничивает их способность наполнения своей жизни содержанием. У них высокая степень неопределенности в отношении перспектив своей жизни, мотивация к профессиональной деятельности отсутствует либо выражена слабо, также несовершеннолетние систематически сталкиваются с незаконным контентом в сети Интернет, что может привести даже к такому социальному явлению, как детский суицид, количество которого в России за 2020 год выросло на 14% по сравнению с 2019 годом².

¹ Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 04.04.2021).

² Уполномоченный Российской Федерации по правам ребенка [Электронный ресурс]. – URL: <http://deti.gov.ru/articles/news/anna-kuznecova-predlozhila-mery-po-usileniyu-effektivnosti-ispolneniya-sudebnyh-reshenij-svyazannyh-s-vozпитанием-detej> (дата обращения: 06.04.2021).

Необходимо отметить, что российское законодательство не стоит в стороне от решения данной проблемы. Следует указать нормативные правовые акты, регулирующие отношения, связанные с защитой детей от информации, приводящей к нарушению здорового развития сознания детей и подростков, такие как:

– Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ;

– Федеральный закон от 29.12.2010 № 463-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»;

– Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»;

– приказ Роскомнадзора, МВД России, Роспотребнадзора, ФНС России от 18 мая 2017 г. № 84/292/351/ММВ-7-2/461@ «Об утверждении Критериев оценки материалов и (или) информации, необходимых для принятия решений Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, Министерством внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, Федеральной налоговой службой о включении доменных имен и (или) указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие запрещенную информацию, в единую автоматизированную информационную систему «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено» и др.

Анализируя Федеральный закон от 29.12.2010 № 463-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» как регулятор деструктивных взаимосвязей подростка и небезопасной для него информации, подчеркнем низкую эффективность применения на практике в условиях постоянно меняющейся киберсреды с появлением в ней различных ответвлений и форм институтов, оказывающих влияние на формирование сознания детей. Кроме того, данный Федеральный закон не предусматривает мер привлечения к ответственности лиц, не соблюдающих его нормы.

Нельзя не отметить определенную активность в области совершенствования законодательства в сфере обеспечения информацион-

ной безопасности несовершеннолетних. Так, 18 мая 2017 г. издается совместный приказ Роскомнадзора, МВД России, Роспотребнадзора, ФНС России от 18 мая 2017 г. № 84/292/351/ММВ-7-2/461@. Данный приказ:

– утвердил критерии, позволяющие отнести информацию в сети Интернет к информации о способах совершения самоубийства или призыва к нему;

– стал причиной для создания рабочих групп по мониторингу в сети Интернет сайтов, содержащих суицидальный контент, в подразделениях по делам несовершеннолетних и уголовного розыска.

Следующим этапом в совершенствовании законодательства в сфере обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних стало внесение 7 июля 2017 г. в Уголовный кодекс Российской Федерации новых составов преступлений, посягающих на жизнь и здоровье людей, в том числе и несовершеннолетних:

1) ст. 110.1 УК РФ «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства»;

2) ст. 110.2 УК РФ «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства»;

3) ст. 151.2 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего».

Внесенными изменениями начали руководствоваться уже спустя месяц после их вступления в силу. Так, 7 мая 2018 г. приговором Судакского городского суда № 1-25/2018 была признана виновной Гениева Ф.М. в совершении преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 110.1 УК РФ, факт которого произошел еще 16 июля 2017 г.

Изменения были внесены также в Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», а именно в ст. 1 было включено понятие «эксплуатация детей», включающее в себя сексуальную эксплуатацию, и меры ответственности за нее.

Нами предлагается ввести идентификацию возраста пользователя, что должно быть уточнено в положениях Федерального закона от 29.12.2010 № 463-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», а также установить административную ответственность за нарушение законодательства Российской Федерации о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, если это не повлекло физических последствий или психологических травм.

Социальные сети – это не только возможность осуществлять социально полезную де-

тельность в самых разных областях, но и совершение общественно опасных деяний, количество которых в настоящее время увеличилось. Однако ни правоохранительные органы, ни внутренняя «сетевая» безопасность не способны полностью искоренить подобные формы проявления: с каждым разом число запрещенных групп увеличивается.

Безусловно, для того, чтобы обеспечить информационную безопасность несовершеннолетних, необходимо классифицировать информацию, представляющую угрозу для них.

Стоит отметить, что информация такого рода носит характер, побуждающий к действиям. В связи с этим информация, оказывающую негативное воздействие на формирование сознания несовершеннолетних, можем разделить на следующие категории.

Информация, побуждающая к:

- хранению, употреблению, распространению наркотических, одурманивающих, алкогольных, табачных, психотропных веществ;
- насилию и жестокости по отношению к людям и животным;
- действиям, представляющим угрозу для собственного здоровья и жизни;
- созданию, распространению, просмотру материалов порнографического характера;
- действиям экстремистского характера и т.д.

Так, в последнее пятилетие мы сталкиваемся с так называемыми группами смерти, которые способны прямо или косвенно склонять подростков к суициду. В таких группах ведется пропаганда суицида с использованием различных психологических манипуляций. Детей вовлекают в среду дестабилизирующего общения, поддерживают депрессивное настроение, далее подготавливают и формируют личность с целью совершения суицида, то есть организаторы таких групп проводят отбор наиболее внушаемых и личностно неблагополучных детей, которых впоследствии втягивают в «игру-квест» с постепенными действиями или этапами, последним из которых и является попытка суицида.

На основе проведенных исследований можем сказать о том, что в нашей стране высокие достижения в области противодействия какому-либо отрицательному явлению появляются лишь после обострения, достижения пика негативной обстановки. Так произошло и в этом случае, когда в связи со стабильно высокими показателями количества самоубийств несовершеннолетних (2015 год – 685, 2016 год – 692, а в 2017 году уже 788 детских смертей [1, с. 23]) было проведено заседание Координационного совета по реализации Национальной стратегии действий в интересах детей, где по итогам которого Президент Россий-

ской Федерации дал важное поручение о принятии скорейших решений, направленных на совершенствование системы профилактики подросткового суицида.

Успехов в части предупреждения деяний, способствующих увеличению числа детского суицида, достигло УМВД России по Тюменской области, где в августе 2017 года была введена должность инспектора по делам несовершеннолетних по профилактике киберпреступлений в отношении несовершеннолетних³.

Этот областной проект заслуживает отдельного внимания, так как он был создан в 2016 году из числа участников ГАУ ТО «Областной центр профилактики и реабилитации» и молодежного портала города Тюмени «Мой Портал», который успешно действует до сих пор и вышел на федеральный уровень.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, несмотря на то, что меры, избранные органами государственной власти, имели медленные темпы принятия, оперативная, профессиональная и взаимосвязанная работа все же позволила снизить остроту ситуации, выработать механизмы противодействия распространению незаконного контента в сети Интернет среди несовершеннолетних, выработать и активно применять судебную практику по привлечению к уголовной ответственности лиц, каким-либо образом призывающих и содействующих совершению детьми суицида.

Не только группы смерти [2] в социальных сетях пополняют ряды запрещенных к распространению сообществ, но и так называемые группы убийств. В таких сообществах пропагандируются массовые убийства в учебных заведениях на примере западных стран (например, массовое убийство в школе «Колумбайн» [3], штат Колорадо, США).

Отметим, что к группам, которые распространяют информацию запрещенного характера среди несовершеннолетних, стоит отнести сообщества, содержащие материалы сексуального и порнографического характера.

Так, мы можем говорить о развитии CSEM-преступлений, т.е. о сексуальной эксплуатации детей онлайн [5]. Стоит отметить, что CSEM-материалы попадают к преступникам разнообразными способами, а именно:

- 1) поступление видеоматериалов из видеостудий;
- 2) размещение материалов сексуального характера в Интернете самими детьми в социальных сетях или в видеобменниках;

³ Управление МВД России по Тюменской области [Электронный ресурс]. – URL: <https://72.mvd.pf/document/12931651> (дата обращения: 14.04.2021).

3) в отдельных случаях поставке материалов такого характера способствуют и родители. Например, когда видеостудии предлагают детям создавать для них такой видеоматериал с согласия родителей за денежное вознаграждение;

4) шантаж несовершеннолетних.

Одной из современных проблем в области CSEM является возможность размещения материалов без дальнейшего хранения в Сети. Речь идет об онлайн-трансляциях и так называемых стримах. Данные формы размещения материалов сексуального характера с участием детей создают значительные препятствия для определения преступников в таких случаях.

Говоря об имеющихся препятствиях в виде частичной латентности, высокого темпа развития, многообразия постоянно модифицирующихся форм совершения киберпреступлений с вовлечением несовершеннолетних и иных форм развития девиантного поведения среди данной возрастной категории, целесообразно провести анализ в области правовых и неправовых механизмов регулирования данной проблемы [4, с. 173].

К неправовым механизмам регулирования участия детей и подростков в киберсреде можно отнести семью и образовательные организации, оказывающие огромное влияние на становление сознания несовершеннолетних на ранних, первичных стадиях, а также администраторов сайтов, социальных сетей, сообществ.

Родители должны обеспечивать информационную безопасность детей посредством совместного посещения информационных ресурсов в рамках информационно-коммуникационных сетей, акцентировать внимание ребенка на безопасном и полезном материале, да и само поведение родителей в семье, как утверждают психологи, влияет на проявление жестокости подростками в социальных сетях.

Не стоит забывать и о внутренней безопасности в Интернете и социальных сетях. Администраторам социальных сетей стоит обращать внимание на подозрительные группы и сообщества, которые способны нанести моральный и психологический вред, нарушать права и интересы пользователей, следует соблюдать возрастную классификацию информационной продукции при просмотре

видеозаписей и контролировать вступление в сообщества.

По моему мнению, контролировать подростков должны не только родители, но и учебные заведения (школы, колледжи). Возможно, обязать преподавательский состав отслеживать каждого своего ученика не совсем верно, но тем не менее стоит на территории всей страны создать волонтерскую группу из старших учеников и студентов, способных наблюдать за подростками в социальных сетях, по примеру тюменского проекта «Киберпатруль», а затем проводить дискуссионные беседы воспитательного характера среди подростков, обращая внимание на криминогенность и опасность таких групп. Волонтерская группа может не только контролировать социальные сети, но и помогать адаптироваться несовершеннолетним в классе среди сверстников. Создание различных школьных и студенческих кружков позволит подросткам открыть новые способности и реализовывать себя в обществе, не прибегая к помощи Интернета и социальных сетей. Кроме того, считаем необходимым введение в каждой школе должности штатного психолога, из расчета один психолог на 200 обучающихся, к сожалению, данная практика имеет место только в школах города Москвы, да и то она получила развитие только в последние два года.

Что касается работы органов внутренних дел по профилактике негативного влияния Интернета на несовершеннолетних, то мы считаем целесообразным повсеместно применить практику УМВД России по Тюменской области в части введения должности инспектора по делам несовершеннолетних по профилактике киберпреступлений в отношении несовершеннолетних, а при осуществлении профилактических обходов сотрудникам подразделения по делам несовершеннолетних на обслуживаемой территории обязательно заострять внимание детей, родителей и иных категорий граждан на возможных опасностях для несовершеннолетних интернет-пользователей. В своих разъяснительных беседах сотрудники обязаны обращать внимание на основные информационные риски и угрозы для детей, которые таит в себе Интернет, а информация, доносимая ими, должна быть доступной и понятной.

Литература

1. **Положий Б.С.** Суициды среди несовершеннолетних (эпидемиологический аспект) // Суицидология. – 2019. – № 1 (34). – С. 21–25.
2. **Жихарева Л.В.** Виртуальные группы смерти: методология исследования // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2020. – № 1. – С. 161–168.
3. **Карпов В.О.** Культ Колумбайна: основные детерминанты массовых убийств в школах // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2018. – № 4 (34). – С. 442–445.

4. **Меркулов Р.И.** Факторы, влияющие на девиантное поведение несовершеннолетних // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 2-2 (53). – С. 173–176.

5. **Антонов О.Ю.** Криминалистическая модель преступной деятельности, связанной с изготовлением и оборотом порнографических материалов с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. – 2017. – № 1. – С. 73–79.

References

1. **Polozhii B.S.** Suitsidy sredi nesovershennoletnikh (epidemiologicheskii aspekt) // Suitsidologiya. – 2019. – № 1 (34). – С. 21–25.

2. **Zhikhareva L.V.** Virtual'nye gruppy smerti: metodologiya issledovaniya // Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniiya. – 2020. – № 1. – С. 161–168.

3. **Karpov V.O.** Kul't Kolumbaina: osnovnye determinanty massovykh ubiistv v shkolakh // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2018. – № 4 (34). – С. 442–445.

4. **Merkulov R.I.** Faktory, vliyayushchie na deviantnoe povedenie nesovershennoletnikh // Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk. – 2021. – № 2-2 (53). – С. 173–176.

5. **Antonov O.Yu.** Kriminalisticheskaya model' prestupnoi deyatel'nosti, svyazannoi s izgotovleniem i oborotom pornograficheskikh materialov s ispol'zovaniem informatsionno-telekommunikatsionnykh setei // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Ekonomika i pravo. – 2017. – № 1. – С. 73–79.

(статья сдана в редакцию 20.04.2021)

**МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
НА ОБЪЕКТАХ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ****MECHANISM FOR ENSURING TRANSPORT SAFETY AT TRANSPORT
INFRASTRUCTURE FACILITIES**

УДК 342.9

Р.М. СТЕПКИН,

кандидат юридических наук
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
stepkinr@list.ru

ROMAN M. STEPKIN,

Candidate of Law
(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Ю.Ю. ГОЛУБЯТНИКОВА,

кандидат экономических наук
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
julia.golubjatnikova@yandex.ru

YULIA YU. GOLUBYATNIKOVA,

Candidate of Economic Sciences
(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: целью данной статьи является изучение содержания и сущности таких понятий, как «безопасность», «транспортная безопасность», «механизм обеспечения транспортной безопасности». Главное место в исследовании отводится механизму обеспечения транспортной безопасности, разработка которого позволит на начальном этапе функционирования ограничить количество рисков нарушения транспортной безопасности до тех из них, которые оказывают прямое воздействие на работу транспортного комплекса. Также в статье дано авторское определение риска нарушения транспортной безопасности, который представляет собой вероятность несоблюдения законодательства в области обеспечения правопорядка и борьбы с преступностью против собственности на объектах транспорта. Реализация механизма обеспечения транспортной безопасности государством осуществляется за счет согласованного взаимодействия таких элементов, как субъект управления, принципы, методы и способы, объект управления в сфере транспортного комплекса. Важным элементом механизма обеспечения транспортной безопасности является государственный контроль, осуществляемый Министерством транспорта Российской Федерации, а точнее Федеральной службой по надзору в сфере транспорта, при этом предметом осуществления данного вида контроля является реализация своих полномочий в области транспортной безопасности службами транспортной инфраструктуры, девелоперами объектов транспортной инфраструктуры и перевозчиками. Государственные органы исполнительной власти, физические и юридические лица выступают в механизме субъектами, обеспечивающими транспортную безопасность. При этом все элементы, составляющие механизм обеспечения транспортной безопасности, должны согласованно функционировать. Изучая особенности правового регулирования механизма обеспечения транспортной безопасности, следует иметь в виду, что он является составной частью системы обеспечения безопасности личности, общества и государства и представляет социально значимый институт обеспечения безопасности на объектах транспорта и объектах транспортной инфраструктуры.

Ключевые слова: механизм, транспортная безопасность, система управления рисками, виды транспорта.

Для цитирования: Степкин Р.М., Голубятникова Ю.Ю. Механизм обеспечения транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2022. № 1. С. 80–84.

Abstract: the purpose of this article is to study the content and essence of such concepts as «security», «transport security», «mechanism to ensure transport safety». The main place in the study is given to the mechanism to ensure transport safety, the development of which will allow, at the initial stage of operation, to limit the number of risks of violation of transport safety to those that have a direct impact on the operation of the

transport complex. The article also gives the author's definition of the risk of breach of transport security, which represents the probability of non-compliance with the law enforcement and anti-crime legislation in the field of transport facilities. Implementation of transport security mechanism by the state is carried out due to coordinated interaction of such elements as management subject, principles, methods and techniques, object of management in the sphere of transport complex. An important element of the mechanism to ensure transport safety is state control, exercised by the Ministry of Transport of the Russian Federation, and more specifically by the Federal Service for Transport Supervision, whereby the subject of this type of control is implementation of their powers in the area of transport safety by transport infrastructure services, transport infrastructure facilities developers and carriers. State executive authorities, individuals and legal entities act in the mechanism as subjects that ensure transport safety. At that, all the elements that make up the mechanism to ensure transport safety must function in a coordinated way. When studying the features of legal regulation of the mechanism to ensure transport safety, it should be borne in mind that it is an integral part of the system to ensure the safety of individuals, society and the state and represents a socially significant institution of ensuring safety at transport facilities and objects of transport infrastructure.

Keywords: mechanism, safety, transport safety, risk management system, modes of transport.

For citation: Stepkin R.M., Golubyatnikova Yu.Yu. Mechanism for ensuring transport safety at transport infrastructure facilities // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1. P. 80–84.

Важным стабилизирующим показателем функционирования транспортного комплекса является состояние защищенности пассажиров и персонала от актов незаконного вмешательства и от чрезвычайных обстоятельств природного и техногенного характера. Обеспечение высоких требований к оперативной готовности объектов транспорта обуславливает актуальность решения научных проблем обеспечения транспортной безопасности.

Понятие транспортной безопасности вытекает из понятия «безопасность», рассмотренного в литературе отечественными и зарубежными учеными.

Так, С.И. Ожегов рассматривает безопасность как состояние, при котором субъекту или объекту не угрожает опасность [1].

В Большом современном толковом словаре русского языка безопасность представлена характеристикой ситуации и действий, которые не связаны с риском [2].

Большой оксфордский толковый словарь английского языка рассматривает безопасность как защиту от опасности или вреда [3].

Значение категории «безопасность» можно найти в Законе Российской Федерации от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности», утратившем юридическую силу, который трактует данную категорию как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз»¹. В действующем Федеральном законе от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О без-

опасности» точная характеристика базовой дефиниции «безопасность» отсутствует².

В каждом из определений идет речь о защите, надежности, прочности, спокойствии, которые должны сопровождать интересы государства, общества и личности. Однако, как отмечает И.Б. Кардашова, понятия «защита», «защищенность» представляют безопасность не в динамическом процессе, а в состоянии покоя, и тем самым не выявляют всех ее свойств по предупреждению угроз на объектах транспортного комплекса [4].

В Федеральном законе от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» представлена интерпретация понятия транспортной безопасности как состояния защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства на различных видах транспорта³. Эффективная работа специализированных подразделений и служб предопределяет безопасность транспортной системы, которая, в свою очередь, повышает национальную безопасность и снижает риски совершения террористических актов.

Говоря о сущности и специфике транспортной безопасности, следует рассмотреть подробнее вопрос содержания механизма обеспечения транспортной безопасности.

М.В. Рыбкина и П.А. Ермилов механизм обеспечения транспортной безопасности обозначают как

¹ О безопасности: Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² О безопасности: Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ О транспортной безопасности: Федеральный закон от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 7. – Ст. 837.

«совокупность определенных методов, способов и средств обеспечения транспортной безопасности, в том числе защиты прав и свобод, а также законных интересов личности, общества и государства при использовании объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств в условиях наступления чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [5].

Российское законодательство довольно часто использует содержание механизма обеспечения транспортной безопасности, но детальной структуры не рассматривает. Хотя в Федеральном законе от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» законодатель попытался детально представить понятие «обеспечение транспортной безопасности» в виде «реализации определяемой государством системы правовых, экономических, организационных и иных мер в сфере транспортного комплекса, соответствующих угрозам совершения актов незаконного вмешательства»⁴.

В рамках данного исследования предпринята попытка разработки механизма обеспечения транспортной безопасности. Разрабатываемый механизм позволит на начальном этапе функционирования ограничить количество исследуемых рисков нарушения транспортной безопасности до тех из них, которые оказывают прямое воздей-

ствие на работу транспортного комплекса (см. рис. 1). При этом под риском нарушения транспортной безопасности на объектах транспорта будем понимать вероятность несоблюдения законодательства в области обеспечения правопорядка и борьбы с преступностью против собственности на объектах транспорта.

Проводимая государственная политика по обеспечению транспортной безопасности базируется на общих принципах, например, таких как законность, ответственность, взаимодействие и другие⁵.

Все методы, способы и инструменты, входящие в механизм обеспечения транспортной безопасности, делят на следующие группы: правовые (нормативные, правовые методы и другие) и неправовые (организационные, материально-технические, информационные, контрольные методы и другие).

Важным элементом механизма обеспечения транспортной безопасности является государственный контроль, осуществляемый Министерством транспорта Российской Федерации, а точнее Федеральной службой по надзору в сфере транспорта. Предметом осуществления данного вида контроля является реализация своих полномочий в области транспортной безопасности службами транспортной инфраструктуры, девелоперами объектов транспортной инфраструктуры и перевозчиками.

Государственные органы исполнительной власти, физические и юридические лица выступают в механизме субъектами, обеспечивающими транспортную безопасность.

Так, на примере работы органов внутренних дел рассмотрим схему выдачи органами внутренних дел заключений о возможности допуска субъектов к выполнению работ, непосредственно связанных с транспортной безопасностью (см. рис. 2). Органами внутренних дел в 2020 году была проведена проверка по-

Рисунок 1. Схема функционирования механизма обеспечения транспортной безопасности

⁴ О транспортной безопасности: Федеральный закон от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 7. – Ст. 837.

⁵ Там же.

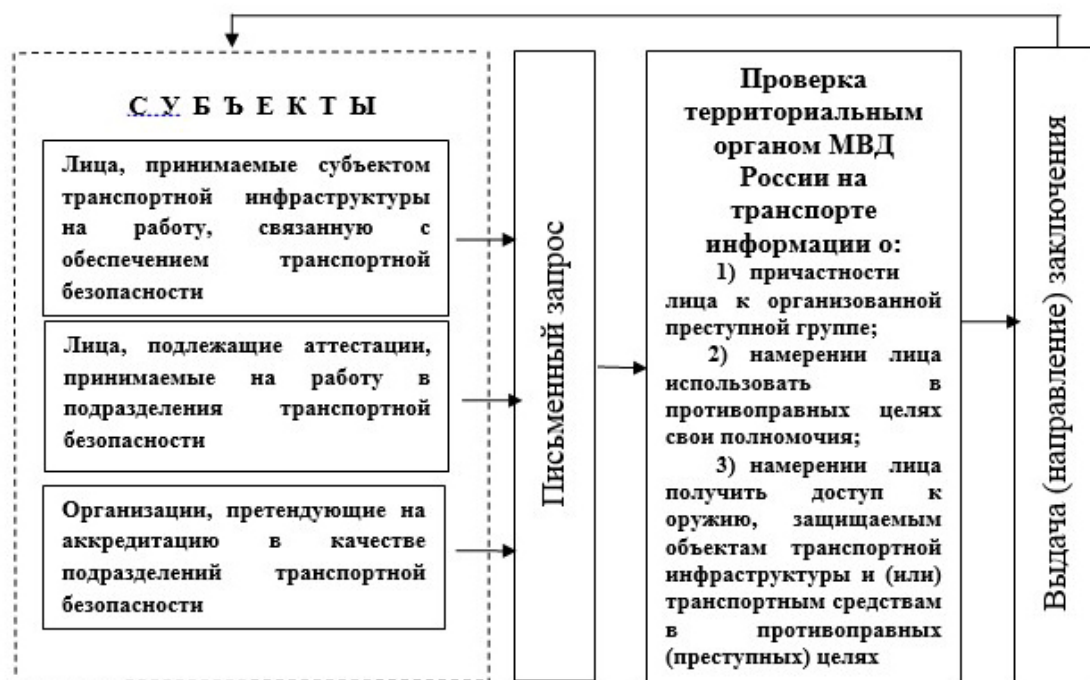

Рисунок 2. Схема выдачи органами внутренних дел заключений о возможности допуска субъектов к выполнению работ, непосредственно связанных с транспортной безопасностью

рядка 60 тыс. граждан, которые предъявляли требование на выполнение работ, непосредственно связанных с обеспечением транспортной безопасности, предусмотренных ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. 3-ФЗ «О полиции»⁶. В отношении 91 лица вынесены заключения о невозможности их допуска к работам в данной сфере деятельности.

В соответствии с Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» полномочиями в сфере процесса обеспечения транспортной безопасности обладают органы внутренних дел на транспорте. Так, в 2020 году совместно с территориальными подразделениями Ространснадзора было принято участие в 280 (+31,4%, 2019 г. – 213) проверках субъектов транспортной инфраструктуры.

В результате по выявленным недостаткам в антитеррористической защищенности объектов транспорта направлено 87 (–37%) информационных писем (в органы прокуратуры – 15, в подразделения Ространснадзора – 17, в администрации субъектов транспортной инфраструктуры – 55).

За неисполнение требований в области обеспечения транспортной безопасности в 2020 году составлено 913 протоколов об административных

правонарушениях (ст. 11.15.1 КоАП РФ), при этом 554 тыс. рублей (2019 г. – 1128 тыс. рублей) – сумма наложенных штрафов⁷.

Механизм обеспечения транспортной безопасности постоянно совершенствуется и улучшается. Так, в 2019 году большое внимание уделялось модернизации нормативной базы в области обеспечения транспортной безопасности. Так, был принят Федеральный закон от 2 августа 2019 г. №270-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О транспортной безопасности“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обеспечения транспортной безопасности», направленный на усовершенствование правового регулирования в области обеспечения транспортной безопасности.

Объединенными усилиями субъектов транспортной инфраструктуры и их службами безопасности происходит процесс обеспечения общественного порядка в перевозочном и технологическом секторах аэропортов гражданской авиации, где в 2019 году выявлено 631 преступление и 58,7 тыс. административных правонарушений, при этом установили более 2,2 тыс. разыскиваемых преступников, были пресечены попытки незаконного провоза запрещенных предметов и веществ, изъято 205 единиц холодного оружия, 81 единица огнестрельного оружия,

⁶ Материалы ГУТ МВД России «Обзор о реализации территориальными органами МВД России на транспорте полномочий в сфере обеспечения транспортной безопасности за 2020 год». Документ опубликован не был.

⁷ Там же.

почти 6,6 тыс. единиц боеприпасов и 1 кг взрывчатых веществ⁸.

Изучая особенности правового регулирования механизма обеспечения транспортной безопасности, следует иметь в виду, что он является составной частью системы обеспечения безопасности личности, общества и государства и представляет социально значимый институт обеспечения безопасности на объектах транспорта и объектах транспортной инфраструктуры.

Таким образом, в статье был рассмотрен механизм обеспечения транспортной безо-

пасности государством, реализация которого осуществляется за счет согласованного взаимодействия таких элементов, как субъект управления, принципы, методы и способы, объект управления в сфере транспортного комплекса.

Функционирование механизма обеспечения транспортной безопасности осуществляется за счет организации и проведения проверок, систематического наблюдения за исполнением требований, применения законодательных мер по пресечению и (или) устранению последствий выявленных нарушений в области транспортной безопасности. При этом все элементы, составляющие механизм обеспечения транспортной безопасности, должны согласованно функционировать.

⁸ Годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы за 2019 год «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» [Электронный ресурс]. – URL: <https://media.mvd.ru> (дата обращения: 23.06.2021).

Литература

1. **Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.** Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Азъ, 1994. – 907 с.
2. **Ушаков Д.Н.** Большой толковый словарь русского языка: современная редакция. – Москва: Дом Славянской кн., 2008. – 959 с.
3. Большой оксфордский толковый словарь английского языка: 45000 слов и выражений / под ред. А. Делаханти и Ф. Макдональда. – Москва: АСТ; Oxford: Астрель, 2005. – 807 с.
4. **Кардашова И.Б.** Обеспечение национальной безопасности: учебное пособие. – Москва: Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 2015. – 136 с.
5. **Рыбкина М.В., Ермилов П.А.** Проблемы обеспечения механизма правового регулирования транспортной безопасности в условиях чрезвычайных ситуаций // Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России. – 2011. – № 3. – С. 86–91.

References

1. **Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu.** Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 72500 slov i 7500 frazeologicheskikh vyrazhenii. – 2-e izd., ispr. i dop. – Moskva: Az», 1994. – 907 s.
2. **Ushakov D.N.** Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka: sovremennaya redaktsiya. – Moskva: Dom Slavyanskoi kn., 2008. – 959 s.
3. Bol'shoi oksfordskii tolkovyi slovar' angliiskogo yazyka: 45000 slov i vyrazhenii / pod red. A. Delakhanti i F. Makdonal'da. – Moskva: AST; Oxford: Astrel', 2005. – 807 s.
4. **Kardashova I.B.** Obespechenie natsional'noi bezopasnosti: uchebnoe posobie. – Moskva: Vserossiiskii gosudarstvennyi universitet yustitsii (RPA Minyusta Rossii), 2015. – 136 s.
5. **Rybkina M.V., Ermilov P.A.** Problemy obespecheniya mekhanizma pravovogo regulirovaniya transportnoi bezopasnosti v usloviyakh chrezvychainykh situatsii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta Gosudarstvennoi protivopozharnoi sluzhby MChS Rossii. – 2011. – № 3. – S. 86–91.

(статья сдана в редакцию 14.07.2021)

**ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ СУЩЕСТВУЮЩИХ
МЕР ПРОФИЛАКТИКИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ
ПРАВОНАРУШЕНИЙ И ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ
С НАРКОМАНИЕЙ, НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ
НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ
ВЕЩЕСТВ**

**ON THE EFFECTIVENESS OF EXISTING MEASURES FOR
THE PREVENTION OF ADMINISTRATIVE OFFENSES
AND CRIMES RELATED TO DRUG ADDICTION, ILLICIT
TRAFFICKING IN NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC
SUBSTANCES**

УДК 342.9

О.А. ДИЗЕР

(Омская академия МВД России,
Россия, Омск)
oadizer-24@mail.ru

OLGA A. DIZER,

(Omsk Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Omsk, Russia)

А.В. КУЯНОВА,

кандидат юридических наук, доцент
(Омская академия МВД России,
Россия, Омск)
a_kuyanova@mail.ru

ARINA V. KUYANOVA,

Candidate of Law, Associate Professor
(Omsk Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Omsk, Russia)

Аннотация: при существующем разнообразии мер профилактики правонарушений и преступлений, связанных с наркоманией, незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, анализ статистических данных не указывает на положительную динамику в данной области, более того, число больных наркоманией с каждым годом увеличивается. В связи с этим авторами статьи предпринята попытка рассмотреть существующие меры профилактики с точки зрения эффективности противодействия данному негативному явлению. В статье предложена авторская позиция профилактики наркотизма. Дана оценка проблемным вопросам, требующим детальной проработки. Обозначена необходимость усиления и дифференциации мер медицинского характера и социальной поддержки среди наиболее уязвимых групп граждан. Затронуты существенные аспекты механизма административного и уголовного-правового противодействия наркомании. Предложено расширение состава субъектов, уполномоченных на предупреждение наркомании, правонарушений и преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. Рассмотрены проблемные аспекты, препятствующие эффективной реализации профилактических мероприятий в указанной сфере, и пути их преодоления. Отмечены негативные моменты в борьбе с преступлениями против здоровья населения и общественной нравственности, используемые оперативными сотрудниками, такие как провокация преступления.

Ключевые слова: наркотики, наркотизм, наркомания, психотропные вещества, административные правонарушения, провокация преступления, профилактика.

Для цитирования: Дизер О.А., А.В. Куянова Об эффективности существующих мер профилактики административных правонарушений и преступлений, связанных с наркоманией, незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2022. № 1. С. 85–90.

Abstract: with the existing variety of measures to prevent offenses and crimes related to drug addiction, illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances, the analysis of statistical data does not indicate a positive trend in this area, moreover, the number of drug addicts is increasing every year. In this regard, the authors of the article made an attempt to consider the existing preventive measures in terms of the effectiveness of counteracting this negative phenomenon. The article proposes the author's position on the prevention of drug addiction. An assessment is given of problematic issues that require detailed study. The need to strengthen and differentiate medical measures and social support among the most vulnerable groups of citizens is indicated. The essential aspects of the mechanism of administrative and criminal-legal counteraction to drug addiction are touched upon. It is proposed to expand the composition of subjects authorized to prevent drug addiction, offenses and crimes related to illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors. Problematic aspects that impede the effective implementation of preventive measures in this area, and ways to overcome them, are considered. The negative aspects in the fight against crimes against public health and public morality, used by operational officers, such as the provocation of a crime, are noted.

Keywords: drugs, narcotism, drug addiction, psychotropic substances, administrative offenses, crime provocation, prevention.

For citation: Dizer O.A., Kuyanov A.V. On the effectiveness of existing measures for the prevention of administrative offenses and crimes related to drug addiction, illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1. P. 85–90.

Проблеме наркомании уделяется пристальное внимание на государственном уровне. Такое положение дел обусловлено распространенностью данного негативного явления. На сегодняшний день профилактика наркомании является приоритетным направлением государственной и общественной безопасности, о чем отмечалось в Указе Президента Российской Федерации В.В. Путина от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Так, среди значимых задач в п. 47 обозначены предупреждение, выявление и пресечение правонарушений и преступлений, связанных с организацией незаконного распространения наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров¹. О данной угрозе упоминалось и в Указе Президента Российской Федерации В.В. Путина от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», утратившем силу. Согласно п. 72 этого документа к угрозам национальной безопасности в сфере охраны здоровья граждан отнесено массовое распространение, доступность психоактивных и психотропных веществ для незаконного потребления². По сути, наркомания есть питатель-

ная среда для совершения различного рода противоправных посягательств, обусловленных удовлетворением болезненной зависимости. Стоимость приобретаемых наркотических средств требует значительных материальных вложений, цена их на нелегальном рынке достаточно высока. Таким образом, лица, страдающие наркоманией, не имея постоянного места работы, для получения очередной дозы нередко совершают противоправные деяния. Действительно, как показывает практика, наркотики приобретаются на средства, добытые путем краж, мошенничества, грабежей, разбойных нападений и иных преступных посягательств, направленных на извлечение материальной выгоды, вместе с тем нередко становятся случаи, когда лицами, употребляющими психоактивные и психотропные вещества, совершаются преступления против личности (убийства, телесные повреждения, изнасилования и др.). Между тем приобщение к употреблению наркотиков, психоактивных и психотропных веществ зачастую происходит под влиянием неблагоприятных жизненных обстоятельств, возникающих трудностей, в силу неокрепшей психики и неспособности противостоять приходящим соблазнам. Наиболее уязвимой группой в рассматриваемом аспекте являются несовершеннолетние, которым труднее противостоять соблазну ввиду следующих факторов: а) любознательности, склонности к подражанию и экспериментированию; б) среды обитания, взаимоотношений в семье, воздействия недостойного поведения родителей, грубости, цинизма во взаимоотношениях, ма-

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 (утратил силу) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 1. – Ст. 212.

териальных затруднений, отсутствия внимания. Кроме всего прочего, на законодательном уровне механизм противодействия употреблению наркотиков лицами, не достигшими 16-летнего возраста, регулируется лишь ст. 20.22 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях³, которая предусматривает административную ответственность родителей, законных представителей за потребление несовершеннолетними алкогольной и спиртосодержащей продукции, наркотических средств или психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ.

По данным Государственного антинаркотического комитета, в 2020 году показатели количества несовершеннолетних, совершивших административные правонарушения в сфере незаконного оборота наркотиков, снизились на 7,6% – 2,9 тыс. человек по сравнению с 2019 г. – 3,1 тыс. человек⁴. Вместе с тем общее количество административных правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, в 2020 г. возросло на 0,5% – 140,8 тыс.; 2019 г. – 140 тыс., протоколы составлены в отношении 125,2 тыс. человек (+0,7%); 2019 г. – 124,4 тыс. Отчетный период отмечен также возросшим количеством лиц, привлеченных за правонарушения, связанные с наркопотреблением или нахождением в состоянии наркотического опьянения (76,4%)⁵.

Механизм противодействия указанным правонарушениям содержит систему мер, включающих административную ответственность по статьям Особенной части КоАП РФ [1, с. 107], которые можно условно разделить на три группы: а) административные правонарушения, связанные с потреблением наркотических средств (ст. ст. 6.8, 6.9, 10.5¹, 11.9, 11.13, 12.8, 12.26, 12.29 (ч. 3), 12.32, 20.20 (ч. 3), 20.21, 20.22 КоАП РФ); б) административные правонарушения, способствующие распространению наркотических средств (ст. ст. 6.8, 6.13, 6.15, 6.16, 10.4, 10.5 и 10.5¹ КоАП РФ); в) административные правонарушения, влекущие меры принуждения за уклонение от прохождения диагностики, вовлечение несовершеннолетнего в употребление, нарушение правил, невыполнение возложенных обязанностей, непринятие меры и др. (ст. ст. 4.3 (ч. 6), 6.9¹, 6.10, 10.5, 11.5 (ч. 7), 11.5 (ч. 8), 12.27, 20.8 (ч. 4¹), 20.8 (ч. 4²), 20.13 (ч. 3)).

³ Далее – КоАП РФ.

⁴ Доклад о наркоситуации в России в 2020 году [Электронный ресурс]. – URL: <https://гак.мвд.рф/мониторинг-наркоситуации/выдержки-из-докладов-о-наркоситуации>

⁵ По данным формы статистической отчетности «4-МВ-НОН» (№ 174).

Исследуя статистические данные, представленные на сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, можно выделить наиболее распространенные правонарушения за 2020 г.: всего рассмотренных дел (по числу лиц) по ст. 6.8 КоАП РФ – 13965, ст. 6.9 КоАП РФ – 97028, ст. 10.5¹ КоАП РФ – 1227, ст. 12.8 КоАП РФ – 283750, ст. 12.26 КоАП РФ – 191827, ч. 3 ст. 12.27 КоАП РФ – 5413, медицинскому освидетельствованию на состояние опьянения подвергнуто 175369 человек (форма № 1-АП)⁶.

При этом законодатель предусмотрел разнообразие в выборе спектра мер административно-правового принуждения за совершение указанных правонарушений: административный штраф; конфискацию орудия совершения или предмета административного правонарушения; лишение права управления транспортным средством; административный арест; административное выдворение за пределы Российской Федерации и административное приостановление деятельности с конфискацией.

Помимо всего прочего, наказания за административные правонарушения не исключают и уголовной ответственности, предусмотренной статьями главы 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» Уголовного кодекса Российской Федерации⁷, в которых содержится запрет на незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Более того, в зависимости от размера изъятого наркотика, его приобретения, хранения, перевозки, изготовления, переработки в целях личного употребления уголовная ответственность может быть дифференцирована и усилена. Противодействуя распространению и сбыту наркотиков, правоохранительные органы все чаще стали выявлять случаи, когда в данные преступления в качестве исполнителя вовлекается молодежь. Особым фактором, играющим важную роль в выборе преступного пути, является желание заработать легкие деньги, не задумываясь о том, что пожизненное лишение свободы можно получить не только за особо тяжкие преступления против личности, например, за убийство, но также и за распространение наркотиков, так как все составы сбыта отнесены уголовным законом к категории особо тяжких.

Ярким примером тому является анонсируемая на сайте Управления МВД России по

⁶ Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <https://сдеп.ру/index.php?id=79&item=5259>

⁷ Далее – УК РФ.

Омской области информация о завершении расследования уголовного дела о попытке сбыта наркотиков в крупном размере. Необходимо отметить, что фигурантами дела выступали трое молодых людей, возраст которых варьировался от 22 до 23 лет. В надежде заработать они трудоустроились курьерами в интернет-магазин по продаже запрещенных веществ. Обвиняемые, по версии следствия, осенью 2021 года фасовали наркотики и пригатавливали их к сбыту в квартире одного из фигурантов по указанию организатора наркобизнеса. В данный момент молодые люди задержаны сотрудниками УНК УМВД России по Омской области, им предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ. Максимальное наказание, предусмотренное данной статьей, – лишение свободы на срок до 20 лет⁸.

Согласно статистике, за 2020 год по ст.ст. 228–234.1 УК РФ (незаконные действия с наркотическими средствами и психотропными веществами) рассмотрено 72728 уголовных дел, из них с вынесением приговора – 69241, с применением принудительных мер к невменяемым – 591 (форма № 1)⁹.

Согласно п. 3.2 ст. 196 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации лицу, производящему расследование по уголовному делу, необходимо устанавливать психическое или физическое состояние подозреваемого, обвиняемого, когда есть основания полагать, что он является больным наркоманией. По результатам судебно-психиатрической экспертизы на основании соответствующего заключения врачей суд может установить наличие заболевания и обязать лицо пройти медицинское лечение.

Вместе с тем излечение от наркомании – весьма трудоемкий процесс, поэтому профилактика наркомании носит первостепенный характер. Анализируя термин «наркомания», необходимо отметить, что данное понятие лежит в области медицины и обозначает серьезное заболевание, выражающееся в том, что человеческий организм, ввиду длительного употребления наркотических средств (при этом их доза увеличивается), истощается не только физически, но и психически и функционирует только при условии постоянного их потребления [2, с. 146].

⁸ Сайт Управления МВД по Омской области [Электронный ресурс]. – URL: <https://55.мвд.рф/news/item/27704850>

⁹ Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=5259>

Данный аспект законодателем учтен, и при добровольном обращении в медицинские организации и реабилитационные учреждения для прохождения лечения от наркомании, медицинской и социальной реабилитации в целях отказа от потребления наркотических средств или психотропных веществ предусмотрена отсрочка отбывания наказания больным наркоманией.

Кроме того, при назначении наказания, помимо основного наказания в виде штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы, суд, согласно ст. 72.1 УК РФ, может обязать осужденного, признанного больным наркоманией, пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию.

Установление факта уклонения осужденного от прохождения лечения влечет продление испытательного срока согласно ч. 2 ст. 74 УК РФ.

На сегодняшний день вопросам профилактики наркомании уделяется большое внимание не только на федеральном, но и на региональном уровне. Законодательная инициатива, отраженная в Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации, направлена на предупреждение совершения преступлений на почве наркомании. Повышая эффективность мер борьбы с наркотизмом, наше государство ориентируется на высокие стандарты благополучия граждан в условиях современного мира. В вопросах противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров приоритетное значение отдается положениям, содержащимся в таких источниках, как Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»¹⁰, Уголовный кодекс Российской Федерации, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, гражданское и семейное законодательство, таможенное законодательство. Указанные нормативные акты включают в себя положения, регулирующие отдельные меры медицинского, административного, уголовно-правового, уголовно-процессуального и оперативно-розыскного характера. Помимо указанных источников вопросам профилактики уделено внимание в Указе Президента Российской Федерации «О дополнительных мерах по противодействию незаконному обороту нарко-

¹⁰ О наркотических средствах и психотропных веществах: Федеральный закон Российской Федерации от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

тических средств, психотропных веществ и их прекурсоров»¹¹, в Указе Президента Российской Федерации «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации за период до 2030 года»¹². В рамках государственной антинаркотической политики большое внимание уделяется анализу смертности от потребления наркотиков в Российской Федерации. Так, в 2020 г. данное число достигло 7,4 тыс. человек, что на 16,1% больше в сравнении с 2019 г. (6,3 тыс.)¹³. Среди причин гибели в отчетных документах значится не только передозировка, но и последствия применения препарата, среди распространенных: а) изменение сознания, провоцирующее самоубийство или несчастные случаи; б) ломка, при которой чаще всего не выдерживает и отказывает сердце; в) возникновение серьезных хронических патологий, приводящих к летальным исходам; г) ВИЧ-инфекция от нестерильного оборудования [3].

Среди угроз национальной безопасности в докладах руководителей всех уровней обозначается и значительный рост распространения и употребления синтетических психоактивных препаратов. Опасность данного вида наркотиков связывают с зависимостью, возникающей уже после первого употребления. Еще одной неутешительной тенденцией, угрожающей национальной безопасности, является омоложение категории граждан, отнесенных к наркозависимым, средний возраст которых составляет 20–39 лет. Изучение вопросов наркомании сталкивается с проблемой отсутствия точных статистических данных ввиду того, что официально Минздравом России учитываются только зависимые, стоящие на учете. В связи с этим можно предположить, что проблема наркотической зависимости гораздо масштабней. Таким образом, профилактика наркотизма представляет собой сложный процесс, носящий комплексный характер и затрагивающий

¹¹ О дополнительных мерах по противодействию незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров: Указ Президента Российской Федерации от 18.10.2007 № 1374 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹² Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 г. № 733 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; далее – Стратегия.

¹³ По данным федерального государственного бюджетного учреждения «Российский центр судебно-медицинской экспертизы» Минздрава России, количество смертельных отравлений в Российской Федерации в 2020 году составило 7 тыс. наркотическими средствами, 342 психотропными веществами.

самый широкий спектр проблем – от социальных до медицинских. С точки зрения мер, направленных на реализацию антинаркотической политики, особый интерес представляет п. 14 Стратегии, в частности, подп. «в», акцентирующий внимание на духовно-нравственном воспитании в образовательных организациях, формирующем у обучающихся устойчивое неприятие незаконного потребления наркотиков, и подп. «б» п. 16, гласящий о совершенствовании методов выявления, предупреждения и пресечения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков.

Обращаясь к проблеме совершенствования методов выявления и предупреждения, нельзя не затронуть вопрос полицейской провокации, когда сотрудниками, действующими из ложно понятых интересов службы, провокация используется как привычный способ достижения результата. Отметим, что провокация, согласно ст. 5 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», признается запрещенным методом раскрытия преступлений. Более того, провокации подвергают лиц, страдающих наркоманией, либо продолжительное время находившихся на излечении, либо состоявших на учете в наркологическом диспансере. Так, профессор А.Е. Чечетин, исследовавший проблему обеспечения прав личности при проведении проверочных закупок, отмечал: «В обвинительных приговорах по таким делам доказательственная база на этот счет весьма узкая и малоубедительная... Это свидетельствует о легковесном и упрощенческом подходе оперативных сотрудников к использованию проверочной закупки в ОРД» [4, с. 130]. Нельзя не согласиться с данной точкой зрения, принимая во внимание, что наркомания признана заболеванием, требующим соответствующего лечения, предупреждение путем провокации преступления просто недопустимо [5]. Исходя из критериев, выделенных Европейским Судом по правам человека после пересмотра дел, где была заявлена провокация, можно констатировать, что провокатор своим склоняющим поведением создает преступника, так как, во-первых, лицо, в отношении которого осуществляется провокация, могло и не совершить соответствующее противоправное деяние без вмешательства полиции; во-вторых, не является объективным подозрением для проведения оперативных мероприятий наличие у лица наркозависимости или прошлая криминальная жизнь субъекта, находящегося на излечении в специализированном медицинском учреждении, потому что таким основани-

ем является только информация о совершаемой противоправной деятельности¹⁴. Действия на поступающую информацию не должны быть превентивными, более того, любая предварительная информация, касающаяся существующего измерения совершить преступление, должна быть проверяемой [6; 7].

Таким образом, проблема эффективности мер профилактики наркомании не исчерпала себя до конца и требует детальной разработки, во-первых, исходя из того, что оказание помощи больным наркоманией должно носить медицинский характер, во-вторых, с точки зрения распространенности социальных последствий

от данного явления. Общественная опасность наркотизма указывает на необходимость совершенствования мер профилактики с привлечением всех субъектов, наделенных полномочиями, помимо тех, в чьи прямые обязанности входит противодействие наркомании. Однако, учитывая специфику данного заболевания, его искоренение возможно только при комплексном подходе и детальной проработке всех предлагаемых законодательных инициатив относительно совершенствования мер профилактики преступлений и правонарушений, связанных с наркоманией, незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, в противном случае проблема не будет устранена, а вариации на тему профилактики приведут к нивелированию уже накопленного опыта.

¹⁴ Дело «Банникова (Bannikova) против России»: постановление ЕСПЧ от 04.11.2010 (жалоба № 18757/06) [Электронный ресурс]. – URL: <http://echr.coe.int>

Литература

1. **Цындра В.Н., Стеценко Н.В.** Проблемы профилактики и реализации правового механизма противодействия административным правонарушениям в сфере незаконного оборота наркотиков // Проблемы современной науки и образования. – 2015. – № 4. – С. 104–111.
2. **Гущина Т.В., Чернецова М.В.** Понятие наркотизма: проблемы правового и лингвистического толкования // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2016. – № 3. – С. 145–149.
3. **Дизер О.А.** Актуальные вопросы противодействия наркоугрозе: тенденции и направления совершенствования // Алтайский юридический вестник. – 2020. – № 2. – С. 62–67.
4. **Чечетин А.Е.** Актуальные проблемы обеспечения прав личности в оперативно-розыскной деятельности уголовного розыска // Труды Академии управления МВД России. – 2019. – № 1. – С. 125–134.
5. **Бучакова М.А., Дизер О.А.** Права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации: их обеспечение полицией и возможные ограничения // Права человека и глобализация: материалы II Международной научно-теоретической конференции, посвященной 71-летию принятия Всеобщей декларации прав человека / под общей редакцией к.ю.н., доцента Ф.Р. Шарифзода. – Душанбе, 2020. С. 47–51.
6. **Дизер О.А.** Уголовно-правовое исследование провокации преступления // Юрист-Правовед. – 2019. – № 4. – С. 219–224.
7. **Дмитренко А.П.** Провокация преступления в Российском законодательстве и решениях Европейского Суда по правам человека // Дифференциация ответственности за должностные преступления: сборник научных статей / ответственный редактор д.ю.н., профессор Н.Г. Кадников. – Москва, 2019. С. 32–38.

References

1. **Tsyndrya V.N., Stetsenko N.V.** Problemy profilaktiki i realizatsii pravovogo mekhanizma protivodeistviya administrativnym pravonarusheniyam v sfere nezakonnogo oborota narkotikov // Problemy sovremennoi nauki i obrazovaniya. – 2015. – № 4. – С. 104–111.
2. **Gushchina T.V., Chernetsova M.V.** Ponyatie narkotizma: problemy pravovogo i lingvisticheskogo tolkovaniya // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2016. – № 3. – С. 145–149.
3. **Dizer O.A.** Aktual'nye voprosy protivodeistviya narkougroze: tendentsii i napravleniya sovershenstvovaniya // Altaiskii yuridicheskii vestnik. – 2020. – № 2. – С. 62–67.
4. **Chechetin A.E.** Aktual'nye problemy obespecheniya prav lichnosti v operativno-rozysknoi deyatel'nosti ugovolnogo rozyska // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. – 2019. – № 1. – С. 125–134.
5. **Buchakova M.A., Dizer O.A.** Prava i svobody cheloveka i grazhdanina v Rossiiskoi Federatsii: ikh obespechenie politsiei i vozmozhnye ogranicheniya // Prava cheloveka i globalizatsiya: materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 71-letiyu prinyatiya Vseobshchei deklaratsii prav cheloveka / pod obshchei redaktsiei k.yu.n., dotsenta F.R. Sharifzoda. – Dushanbe, 2020. S. 47–51.
6. **Dizer O.A.** Ugolovno-pravovoe issledovanie provokatsii prestupleniya // Yurist-Pravoved. – 2019. – № 4. – С. 219–224.
7. **Dmitrenko A.P.** Provokatsiya prestupleniya v Rossiiskom zakonodatel'stve i resheniyakh Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka // Differentsiatsiya otvetstvennosti za dolzhnostnye prestupleniya: sbornik nauchnykh statei / otvetstvennyi redaktor d.yu.n., professor N.G. Kadnikov. – Moskva, 2019. S. 32–38.

(статья сдана в редакцию 30.11.2021)

**ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ИММУНИТЕТ АДВОКАТА
OPERATIONAL INVESTIGATIVE IMMUNITY OF A LAWYER**

УДК 343.102

Е.В. ГЕРАСИМЕНКО,
адъюнкт
(Омская академия МВД России,
Россия, Омск)
geras_ev@mail.ru

EVGENY V. GERASIMENKO,
Postgraduate
(Omsk Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Omsk, Russia)

Аннотация: статья 19 Конституции Российской Федерации гарантирует всеобщее равенство перед законом и судом, а также равенство прав и свобод человека и гражданина. Однако в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации в отношении лиц, обладающих статусом адвоката, устанавливается особый порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий, а также запрет на привлечение к конфиденциальному сотрудничеству с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность (оперативно-розыскной иммунитет). В условиях современного нормативного регулирования указанного правового явления, неопределенности относительно пределов его распространения возникает ряд проблемных вопросов, разрешение которых возможно путем совершенствования действующего законодательства. На основе анализа нормативных актов, правовых позиций, изложенных в решениях Конституционного Суда Российской Федерации, а также мнений представителей научного сообщества автором предложен вариант совершенствования нормы Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», регламентирующей особый порядок проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий в отношении лиц, обладающих статусом адвоката.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, адвокат, оперативно-розыскной иммунитет, оперативно-розыскное мероприятие.

Для цитирования: Герасименко Е.В. Оперативно-розыскной иммунитет адвоката // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2022. № 1. С. 91–96.

Abstract: article 19 of the Constitution of the Russian Federation guarantees universal equality before the law and the courts, as well as the equality of rights and freedoms of man and citizen. However, in accordance with the current legislation of the Russian Federation in respect of persons with the status of a advocate a special procedure for operational and investigative activities is established, as well as a ban on involvement in confidential cooperation with bodies engaged in operational and investigative activities (operational and investigative immunity). In the context of modern legal regulation of operational and investigative immunity of an advocate, legal uncertainty regarding the limits of its distribution, there are a number of problematic issues, which can be resolved by improving the current legislation. On the basis of analysis of regulations, legal positions set out in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, as well as the views of representatives of the scientific community, the author has proposed a variant of improvement of the norm of the Federal law of 31.05.2002, 63-FZ "On Advocacy and the legal profession in the Russian Federation". The author has offered a variant of perfection of a norm of the Federal law on lawyer activity and legal profession of the Russian Federation, regulating the special order of carrying out of investigative actions and operative-search actions in relation to the persons having the status of the advocate.

Keywords: operative-investigative activity, advocate, operative-investigative immunity, operative-investigative action.

For citation: Gerasimenko E.V. Operational investigative immunity of a lawyer // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 1. P. 91–96.

Всеобщая декларация прав человека¹ как основополагающий документ, отражающий отношение современного демократического общества к первостепенным, неотчуждаемым правам личности, в ст. 7 определяет равенство человека перед законом и право без всякого различия на равную защиту закона. Это аксиоматическое требование получило свое закрепление в конституциях большинства правовых государств, в том числе Российской Федерации. Так, в соответствии со ст. 19 Конституции Российской Федерации² государство гарантирует равенство всех перед законом и судом, а также равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям и других обстоятельств.

Вместе с тем указанные правовые принципы не являются абсолютными. На территории Российской Федерации для отдельных категорий лиц (чаще всего должностных), выполняющих значимые государственные и общественные функции, закреплена особая система неприкосновенности и различия рода правовых привилегий (правовых иммунитетов), обусловленная, как видится, необходимостью обеспечения их независимости, правовой суверенности и беспристрастности [1, с. 3]. В отношении некоторых из указанных лиц нормативными правовыми актами устанавливается особый порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий³, следственных и судебных действий. К их числу относятся и адвокаты.

Обратим внимание на то обстоятельство, что специальные исследования оперативно-розыскных иммунитетов носят лишь единичный характер и ввиду их секретности доступны для изучения ограниченному кругу представителей научного сообщества. Как отмечает В.Ф. Луговик, кроме работы В.А. Лаврентьева, специально посвященной оперативно-розыскным иммунитетам, нам неизвестны монографические исследования данной проблемы [1, с. 3]. Отметим, что в указанной работе В.А. Лаврентьевым проведено объемное и содержательное исследование оперативно-розыскных иммунитетов,

значительное внимание уделено совершенствованию понятийного аппарата. В открытых публикациях автором дается следующее определение понятия «оперативно-розыскной иммунитет» – это законодательно урегулированные дополнительные правовые гарантии защищенности отдельных категорий лиц, выполняющих значимые государственные или общественные функции, выражающиеся в исключительном порядке осуществления в отношении них оперативно-розыскной деятельности⁴ [2, с. 121].

Конкретизируя предложенное В.А. Лаврентьевым определение, под оперативно-розыскным иммунитетом адвоката мы предлагаем понимать урегулированный нормами действующего законодательства охранительный механизм, установленный для лиц, обладающих статусом адвоката, выражающийся в особом порядке проведения ОРМ, а также устанавливающий запрет на привлечение к конфиденциальному сотрудничеству. Представляется, что в силу специфики осуществляемой деятельности наделение адвоката оперативно-розыскным иммунитетом выступает важным условием обеспечения надлежащего выполнения функций по оказанию квалифицированной юридической помощи лицам, оказавшимся в сфере конфликтных правоотношений, в том числе с государством.

Таким образом, в настоящее время можно выделить два основных направления реализации оперативно-розыскного иммунитета адвоката:

1) оперативно-розыскной иммунитет, устанавливающий особый порядок проведения ОРМ в отношении адвоката;

2) оперативно-розыскной иммунитет, содержащий запрет на привлечение адвоката к конфиденциальному сотрудничеству с органами, осуществляющими ОРД.

Оговоримся, что в рамках данной статьи нами рассматриваются вопросы реализации оперативно-розыскного иммунитета адвоката в части особого порядка проведения ОРМ.

Считаем целесообразным обратить внимание на то обстоятельство, что в условиях современного правового регулирования оперативно-розыскного иммунитета адвоката, правовой неопределенности относительно пределов его распространения сохраняется возможность использования предоставляемых законодателем правовых привилегий в целях, не совместимых с понятием законности и правомерного поведения. Мы полностью разделяем мнение Ю.П. Гармаева о том, что «подавляющее большинство адвокатов – честные и порядочные специалисты, все свои силы отдающие высоким целям

¹ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Далее – ОРМ.

⁴ Далее – ОРД.

правозащитной деятельности и не допускающие в своей деятельности каких-либо правонарушений» [3, с. 6]. Однако в приведенном высказывании автор подчеркивает, что «нельзя не заметить весьма опасные, нездоровые тенденции в адвокатском сообществе» [3, с. 6]. Так, статистические данные Министерства юстиции Российской Федерации⁵ свидетельствуют о том, что факты лишения адвокатов статуса на основании вступившего в законную силу приговора суда о признании виновным в совершении умышленного преступления далеко не единичны. И хотя доля преступлений, совершаемых адвокатами, в общей доле уголовной преступности невелика, безусловно, каждый такой факт вызывает значительный резонанс как в профессиональном сообществе, так и среди представителей общественности. Более того, нельзя игнорировать и высокую латентность подобных преступлений, обусловленную в том числе существующими проблемами правового регулирования института оперативно-розыскного иммунитета адвоката.

Данные обстоятельства, по нашему мнению, создают предпосылки к формированию общественно отношения к институту адвокатуры не как к правовому институту оказания квалифицированной юридической помощи, а как к квазиправовому институту так называемых решал⁶, используя услуги которых можно передать незаконное денежное вознаграждение представителям органов государственной власти, получить консультацию о способах сокрытия признаков подготавливаемых, совершаемых и совершенных преступлений и тем самым избежать уголовной ответственности. Как отмечает Ю.П. Гармаев, «отчасти поэтому в определенных, прежде всего в криминальных кругах способность адвоката нарушать закон в интересах доверителя считается чуть ли не важнейшим критерием профессионализма, похвальной „ловкостью и изворотливостью“» [3, с. 10].

Примечательно, что Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-ро-

зыскной деятельности»⁷ как основной закон, регламентирующий осуществление данной деятельности, не содержит в себе правовых предписаний относительно особого порядка проведения ОРМ в отношении адвокатов, ограничиваясь рядом бланкетных норм, содержащих отсылку к иным федеральным законам. Так, при регламентации условий проведения ОРМ (правил, которыми следует руководствоваться, требований, из которых следует исходить при проведении ОРМ [4, с. 298]) в ст. 8 ФЗ «Об ОРД» законодатель указывает на то, что гражданство, национальность, пол, место жительства, имущественное, должностное и социальное положение, принадлежность к общественным объединениям, отношение к религии и политические убеждения отдельных лиц не являются препятствием для проведения в отношении них ОРМ на территории Российской Федерации, если иное не предусмотрено федеральным законом. Отсылка на иные обстоятельства вынуждает сотрудника органа, осуществляющего ОРД, самостоятельно проводить анализ действующего законодательства с целью определения порядка действий при необходимости проведения ОРМ в отношении адвоката. Таким образом, возникает парадоксальная ситуация, когда должностное лицо органа, осуществляющего ОРД, при определении условий проведения ОРМ должно руководствоваться нормами Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»⁸, а не нормами ФЗ «Об ОРД». Бесспорно, что правовую основу ОРД составляют как сам одноименный федеральный закон, так и другие федеральные законы и принятые в соответствии с ними иные нормативные правовые акты федеральных органов государственной власти, о чем прямо указано в ст. 4 ФЗ «Об ОРД», но регламентацию таких важнейших положений, как особые условия проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении лиц, обладающих каким-либо статусом, в том числе и адвокатов, по нашему мнению, все же должен содержать в себе именно ФЗ «Об ОРД».

Отдельно следует отметить, что редакция нормы ФЗ «Об адвокатуре», регламентирующей запрет на проведение ОРМ в отношении адвоката

⁵ Согласно сведениям Министерства юстиции Российской Федерации за 12 месяцев 2020 года на основании вступления в законную силу приговора суда о признании адвоката виновным в совершении умышленного преступления прекращен статус 42 адвокатов [Электронный ресурс]. – URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/svedeniya-ob-advokature-v-rossijskoj-federacii/>; за 6 месяцев 2021 года – 24 адвокатов [Электронный ресурс]. – URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/svedeniya-ob-advokature-v-rossijskoj-federacii-za-2021-god/>

⁶ Автором использовано данное жаргонное выражение ввиду того, что оно достаточно часто употребляется для определения лица, которое за определенную плату оказывает услуги посредника по урегулированию проблем в различных вопросах, используя свои связи среди «нужных» людей в «нужных» кругах.

⁷ Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 №144-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; далее – ФЗ «Об ОРД».

⁸ Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; далее – ФЗ «Об адвокатуре».

без судебного решения, по нашему мнению, является крайне неудачной. Возможности ее неоднозначного толкования могут привести к возникновению проблем в правоприменительной практике. Так, законодатель, используя в ч. 3 ст. 8 ФЗ «Об адвокатуре» формулировку «проведение ОРМ в отношении» (выделено – авт.) адвоката..., дает основания для определения адвоката как объекта проводимого мероприятия безотносительно целей его проведения, т.к. указанное словосочетание употребляется при указании на направленность действия на кого-либо или на что-либо [5, с. 466].

Для иллюстрации возможности неоднозначного толкования указанной нормы считаем необходимым дословно привести достаточно спорное и, по нашему мнению, некорректное высказывание одного из представителей адвокатской профессии: «Думаю, многим коллегам приходилось сталкиваться с вульгарным – не побоюсь этого слова – толкованием следователем и судом статуса адвоката. Буквально на днях мне звонила следователь и хотела допросить по бытовому вопросу, никак не связанному с работой. Дама очень удивилась, когда я предложил ей написать рапорт о том, что в соответствии с ч. 3 ст. 8 Федерального закона от 31 января 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (в ред. от 13 июля 2015 г.) я отказался от допроса в связи с отсутствием судебного решения: „Я же вас не как адвоката вызываю, а как бывшего владельца машины!». Когда **девочка из райотдела** (выделено нами – авт.) думает, что адвокат – это только тот, кто сидит у нее в кабинете рядом с обвиняемым, это не страшно, немного забавно и поправимо в судебном порядке. Но если суд пребывает в таком же заблуждении, это уже несколько не весело. Тем более что подобное заблуждение суда может привести к крайне неприятным последствиям»⁹. Конечно, в приведенном примере речь идет о проведении в отношении адвоката следственного действия, однако исходя из формулировки соответствующей нормы ФЗ «Об адвокатуре» ОРМ и следственные действия представляются однопорядковыми категориями, процедурные вопросы организации указанных действий в отношении адвоката одинаковы.

Причем вопрос о границах действия уголовно-процессуального иммунитета адвоката представляется более или менее урегулированным в нормах действующего Уголовно-процессуального

кодекса Российской Федерации¹⁰. Так, глава 52 данного нормативного правового акта посвящена особенностям производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц, к которым в числе прочих относятся адвокаты (ст. 447). Обращает на себя внимание факт нормативного закрепления того обстоятельства, что после возбуждения уголовного дела либо привлечения лица в качестве обвиняемого (в отдельных случаях) следственные и иные процессуальные действия в отношении такого лица производятся в общем порядке (ч. 1 ст. 450). Таким образом, после принятия решения о возбуждении уголовного дела в отношении адвоката к порядку организации следственных действий не применяются требования ч. 3 ст. 8 ФЗ «Об адвокатуре» об обязательном получении судебного решения. Иная ситуация возникает, когда необходимо провести следственное действие в отношении адвоката в рамках уголовного дела, возбужденного в отношении других лиц, или по факту совершенного преступления. В данном случае следователь должен руководствоваться ч. 3 ст. 8 ФЗ «Об адвокатуре», действующая формулировка которой безапелляционно требует получения судебного решения для проведения следственного действия независимо от целей его проведения. И формально приведенное выше мнение представителя адвокатуры, пусть и высказанное в крайне некорректной форме, основано на нормах действующего законодательства.

В свою очередь, в ФЗ «Об ОРД» порядок проведения ОРМ в отношении адвоката остается неурегулированным в полном объеме, в связи с чем даже в случае необходимости проведения мероприятий в рамках оперативного сопровождения возбужденного в отношении адвоката уголовного дела сотрудникам органов, осуществляющих ОРД, необходимо получение судебного решения.

Обратим внимание на юридическую технику оформления ч. 3 ст. 8 ФЗ «Об адвокатуре». Так, запрет на проведение ОРМ без судебного решения содержится в одной из частей статьи, регламентирующей адвокатскую тайну. Учитывая изложенное, представляется обоснованным вывод о том, что данный запрет связан именно с возможностью правоохранительных органов в ходе проведения оперативных или следственных мероприятий получить сведения, составляющие указанную тайну. К такому же выводу приходят другие исследователи проблем оперативно-розыскного иммунитета адвоката. Так, некоторые из них отмечают, что положения ч. 3 ст. 8 ФЗ «Об

⁹ Колосовский С. Процессуальный иммунитет. Границы юридической помощи адвоката [Электронный ресурс] // Адвокатская газета. 2016. 16–29 февраля. – URL: <https://www.advgazeta.ru/arhivnye-zapisi/protsessualnyy-immunitet/>

¹⁰ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.12.2021) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; далее – УПК РФ.

адвокатуры» нужно рассматривать в контексте необходимости обеспечения адвокатской тайны и получения судебного решения необходимо только в случаях, когда предполагается получение информации, предметов и документов, входящих в производство адвоката по делам его клиентов [6, с. 100]. Другие высказывают суждение о том, что одним из решающих критериев необходимости получения судебного решения для проведения ОРМ в отношении адвоката является возможность ограничения (или неограничения) адвокатской тайны, одновременно указывая на то, что в случае, если при проведении ОРМ не предполагается получение сведений, составляющих адвокатскую тайну, следует относиться к адвокату как к обычному гражданину [7, с. 43–44].

Бесспорно, адвокату для реализации полномочий по оказанию квалифицированной юридической помощи необходим специальный статус, предусматривающий защиту его отношений с доверителем и получаемых сведений, в том числе путем наделения его соответствующим оперативно-розыскным иммунитетом. Однако адвокат может являться как участником различных правоотношений, не связанных с осуществлением им профессиональной деятельности, так и субъектом совершения бытовых преступлений. Исходя из буквального толкования изучаемой нормы правоохранительные органы при необходимости проведения ОРМ, объектом которого выступает адвокат, в любом случае обязаны получать судебное разрешение. Представляется, что в данном случае указанное положение может выступать не средством защиты публичных интересов по обеспечению конституционного права граждан на получение квалифицированной юридической помощи, а предоставлять адвокату личную привилегию.

В контексте рассматриваемой проблемы, по нашему мнению, заслуживает внимания конструктивная, объективная и взвешенная позиция председателя Палаты адвокатов Самарской области, председателя Комиссии по защите профессиональных прав адвокатов Т.Д. Бутовченко, которая отметила, что все права даны адвокату только в целях защиты прав граждан, а не прав самого члена адвокатской корпорации, все профессиональные гарантии действуют только при осуществлении адвокатской деятельности в интересах доверителей. Демонстрация удостоверения для собственных предпочтений бесполезна, а для авторитета адвокатуры вредна¹¹. В данном контексте

¹¹ Бутовченко Т.Д. О действиях палаты в случае участия адвоката в ОРД [Электронный ресурс] // Адвокатская газета. – URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/o-deystviyakh-palaty-v-sluchae-uchastiya-advokata-v-ord/>

также высказался Конституционный Суд Российской Федерации, изложив в определении от 27.02.2020 № 322-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Козлова Александра Константиновича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 статьи 8 Федерального закона „Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации“, подпунктом 1 пункта 2 части первой статьи 7 и частью восьмой статьи 8 Федерального закона „Об оперативно-розыскной деятельности“»¹² правовую позицию, свидетельствующую о том, что закрепленное в ФЗ «Об адвокатуре» требование о проведении ОРМ и следственных действий в отношении адвоката (в том числе в жилых и служебных помещениях, используемых им для осуществления адвокатской деятельности) на основании судебного решения направлено на обеспечение реализации конституционного права граждан на получение квалифицированной юридической помощи, предполагающей по своей природе доверительность в отношениях между адвокатом и клиентом, сохранение конфиденциальности информации, с получением и использованием которой сопряжено ее оказание, чему, в частности, служит институт адвокатской тайны, призванный защищать информацию, полученную адвокатом относительно клиента или других лиц в связи с предоставлением юридических услуг.

Кроме того, в случае, если адвокат сам является субъектом преступления, исходя из положений рассматриваемой нормы, сотрудники органов, осуществляющих ОРД, также обязаны проводить оперативно-розыскные мероприятия в особом порядке, а именно – получать судебное разрешение. И хотя Конституционный Суд Российской Федерации в ранее нами указанном определении высказал однозначную правовую позицию о том, что сведения о преступном деянии самого адвоката не составляют адвокатской тайны и ФЗ «Об адвокатуре» не устанавливает его неприкосновенность, все же действующая норма сохраняет потенциал неоднозначного толкования и использования адвокатами своего статуса вопреки закону.

Примечательна противоположная мнению Конституционного Суда Российской Федерации позиция А.Н. Халикова, который полагает, что

¹² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Козлова Александра Константиновича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 статьи 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подпунктом 1 пункта 2 части первой статьи 7 и частью восьмой статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27.02.2020 № 322-О [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

статус адвоката является непрерывным и даже в случае совершения адвокатом преступления, связанного с оказанием помощи своему доверителю (дача взятки, мошенничество, фальсификация доказательств и др.), проведение ОРМ должно осуществляться на основании судебного решения. В противном случае проведение ОРМ без судебного решения, даже при совершении адвокатом преступлений, будет ставить под угрозу допустимость полученных результатов ОРД [8, с. 11].

Резюмируя изложенное, считаем необходимым высказать свою позицию относительно рассматриваемого вопроса. Так, при формулировке соответствующих положений о проведении ОРМ в отношении адвоката считаем целесообразным руководствоваться не принадлежностью объекта проводимого мероприятия к адвокатскому сообществу, а целями проведения мероприятия и возможностью получить в ходе его проведения сведения, составляющие адвокатскую тайну.

Таким образом, в целях совершенствования правового регулирования оперативно-розыскного иммунитета адвоката, устранения проблем, возникающих в правоприменительной практике, считаем целесообразным изложить ч. 3 ст. 8 ФЗ «Об адвокатуре» в следующей редакции: «Проведение оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий (в том числе в служебных помещениях, используемых для осуществления адвокатской деятельности) в случаях, если их проведение может привести к получению сведений, составляющих адвокатскую тайну, допускается на основании судебного решения».

Представляется, что предложенные изменения позволят акцентировать внимание адвокатов на защищенности их профессиональных отношений с доверителем, глубокой заинтересованности законодателя в защите адвокатской тайны и вместе с тем исключат возможность использования адвокатом своего статуса в целях получения личной выгоды и необоснованных правовых преференций.

Литература

1. **Луговик В.Ф.** Оперативно-розыскной иммунитет: проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности // Оперативно-розыскное право. – 2020. – № 1 (2). – С. 3–5.
2. **Лаурентьев В.А.** Использование компаративистского подхода при изучении иммунитетов в оперативно-розыскной деятельности // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2018. – № 2 (20). – С. 117–121.
3. **Гармаев Ю.П.** Незаконная деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве. Средства предупреждения и нейтрализации: монография. – Москва, 2010. – 439 с.
4. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под. ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. – Москва, 2006. – 832 с.
5. **Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.** Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: АЗЪ, 1994. – 928 с.
6. **Хусаинов Р.Р.** Некоторые проблемные вопросы проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении защищаемых лиц // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2018. – № 1. – С. 98–101.
7. **Кузьмин Н.Т.** Особенности проведения оперативно-розыскного мероприятия обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств у адвоката // Научный компонент. – 2020. – № 3 (7). – С. 41–46.
8. **Халиков А.Н.** Проблемы адвокатской тайны и неприкосновенности адвоката в оперативно-розыскной деятельности // Оперативник (сыщик). – 2016. – № 1 (46). – С. 9–12.

References

1. **Lugovik V.F.** Operativno-rozysknoi immunitet: problemy ispol'zovaniya rezul'tatov operativno-rozysknoi deyatel'nosti // Operativno-rozysknoe pravo. – 2020. – № 1 (2). – S. 3–5.
2. **Lavrent'ev V.A.** Ispol'zovanie komparativistskogo podkhoda pri izuchenii immunitetov v operativno-rozysknoi deyatel'nosti // Rassledovanie prestuplenii: problemy i puti ikh resheniya. – 2018. – № 2 (20). – S. 117–121.
3. **Garmaev Yu.P.** Nezakonnaya deyatel'nost' advokатов v ugovnom sudoproizvodstve. Sredstva preduprezhdeniya i neutralizatsii: monografiya. – Moskva, 2010. – 439 s.
4. Teoriya operativno-rozysknoi deyatel'nosti: uchebnik / pod .red. K.K. Goryainova, V.S. Ovchinskogo, G.K. Sinilova. – Moskva, 2006. – 832 s.
5. **Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu.** Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii. – 2-e izd., ispr. i dop. – Moskva: AZ», 1994. – 928 s.
6. **Khusainov R.R.** Nekotorye problemnye voprosy provedeniya operativno-rozysknykh meropriyatii v otnoshenii zashchishchaemykh lits // Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2018. – № 1. – S. 98–101.
7. **Kuz'min N.T.** Osobennosti provedeniya operativno-rozysknogo meropriyatii obsledovanie pomeshchenii, zdaniy, sooruzhenii, uchastkov mestnosti i transportnykh sredstv u advokata // Nauchnyi komponent. – 2020. – № 3 (7). – S. 41–46.
8. **Khalikov A.N.** Problemy advokatskoi tainy i neprikosnovennosti advokata v operativno-rozysknoi deyatel'nosti // Operativnik (syshchik). – 2016. – № 1 (46). – S. 9–12.

(статья сдана в редакцию 30.11.2021)

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЛЕГАЛЬНУЮ ПРОДАЖУ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ

THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF DOMESTIC LEGISLATION ON LIABILITY FOR THE ILLEGAL SALE OF ALCOHOLIC BEVERAGES

УДК 342.9

Д.В. АНДРЕЕВ,
адъюнкт
(Омская академия МВД России,
Россия, Омск)
adv1986@rambler.ru

DENIS V. ANDREEV,
Postgraduate
(Omsk Academy of the Ministry of
the Interior of Russia,
Omsk, Russia)

Аннотация: государственное регулирование в сфере оборота алкогольной продукции является важным элементом в обеспечении общественной безопасности и поддержании общественного порядка. Вместе с тем нелегальная продажа алкогольной продукции создает угрозу различным интересам личности, общества и государства в целом.

Данная статья посвящена развитию отечественного законодательства об ответственности за продажу алкогольной продукции с XII до начала XX в. Алкоголизм и пьянство многие десятилетия отрицательно влияют на здоровье населения и общественные отношения. Одним из источников данного явления является незаконная продажа алкогольной продукции. Автор акцентирует внимание на различных аспектах в изменении законодательства об обороте алкогольной продукции, способствующих развитию нелегальной ее продажи. Также автор указывает на нормативные правовые акты, направленные на противодействие незаконному обороту алкогольной продукции, появление и развитие специальных служб, имеющих полицейские функции, осуществляющих борьбу с незаконной продажей алкогольной продукции.

В статье автором выделяются этапы становления законодательства об ответственности за продажу алкогольной продукции и приводятся некоторые выводы о результатах реформ, проведенных руководством и правительством страны.

Изучение исторических этапов развития отечественного законодательства, установление его положительных и отрицательных последствий важны для юридической науки для использования полученного опыта с целью развития нормативного правового регулирования на современном этапе.

Ключевые слова: правоохранительная деятельность, алкогольная продукция, ответственность за продажу алкогольной продукции.

Для цитирования: Андреев Д.В. Становление и развитие отечественного законодательства об ответственности за нелегальную продажу алкогольной продукции // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2021. № 4. С. 97–102.

Abstract: state regulation of the turnover of alcoholic beverages is an important element in ensuring public safety and maintaining public order. At the same time, the illegal sale of alcoholic beverages poses a threat to various interests of the individual, society and the state as a whole.

This article is devoted to the development of domestic legislation on liability for the sale of alcoholic beverages from the XII to the beginning of the XX centuries. Alcoholism and drunkenness have had a negative impact on public health and public relations for many decades. One of the sources of this phenomenon is the illegal sale of alcoholic beverages. The author focuses on various aspects in changing the legislation on the turnover of alcoholic beverages, contributing to the development of its illegal sale. The author also points to regulatory legal acts aimed at countering the illicit trafficking of alcoholic beverages, the emergence and development of special services with police functions that combat the illegal sale of alcoholic beverages.

In this article, the author highlights the stages of the formation of legislation on liability for the sale of alcoholic beverages and provides some conclusions about the results of the reforms carried out by the leadership and the government of the country.

The study of the historical stages of the development of domestic legislation, the establishment of its positive and negative consequences is important for legal science in order to use the experience gained for the development of normative legal acts at the present stage.

Keywords: law enforcement, alcoholic beverages, responsibility for the sale of alcoholic beverages.

For citation: Andreev D.V. The formation and development of domestic legislation on liability for the illegal sale of alcoholic beverages // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. 2021. № 4. P. 97–102.

На протяжении десятков веков пьянство и алкоголизм являются одними из негативных социальных пороков человека и общества, которые существуют и в настоящее время.

Развитие отечественного законодательства в области регулирования общественных отношений в сфере производства, продажи и потребления алкогольной и спиртосодержащей продукции происходило дифференцированно – от ужесточения правил до ослабления контроля со стороны государства.

Параллельно с государственными мерами в сфере регулирования оборота алкогольной продукции в обществе возникли отношения по производству алкогольной продукции, ее потреблению, а в дальнейшем и ее продаже вне контроля со стороны государства.

Среди населения вплоть до XV в. распространенными напитками являлись слабоалкогольные: квас, пиво и медовые напитки, которые изготавливались самостоятельно в домашних условиях.

В ту эпоху алкогольные напитки крестьяне-общинники потребляли в период больших праздников или значимых событий (свадьба, похороны, ритуальный обряд), при этом хмельные напитки каждый варил для себя столько, сколько нужно для его личных нужд.

1-й этап XII–XV вв. Принятие первых законодательных норм, регулирующих оборот алкогольной продукции, и появление нелегального оборота алкоголя.

Исследователями отмечается, что с XII века на Руси начали появляться братчины. Братчинами являлись места, где собирались жители крестьянских общин или прихожан храма в целях поминовения произошедших ранее бедствий [1, с. 370]. Также отмечалось, что братчину мог посетить практически любой прохожий или путешественник, где одной из обязательных традиций являлось потребление обрядового напитка из меда либо пива. Злоупотребление хмельными напитками стало причиной роста преступности.

Несмотря на участвовавшие случаи совершения преступлений, со стороны князей государственных мер по урегулированию деятельности братчин не следовало, а лишь ограничивалось объединением братчины родственниками, и посторонние лица не допускались.

Первые упоминания о регулировании отношений в сфере производства и продажи хмельных напитков касались пчеловодства (бортничества).

Бортничество составляло одну из важнейших статей промышленности, борт, или пчеловодство, приносило высокую прибыль, в связи с чем издавались законы о бортах. Данные нормы вошли в свод законов «Русская правда», по которому устанавливалась пошлина за занятие бортничеством, торговлей медом и хмельными напитками [2, с. 8]. Так, в 1125 году Мстислав установил «медовую дань», по которой полагалось собирать «со ста по две лукне меду» [2, с. 8]. Подобные «медовые дани» стали распространяться по всей территории Руси, а князья начинают контролировать производство и продажу хмельных медовых напитков.

В период развития торговых отношений в городах вместо братчин начинают открываться корчмы. Корчмой на Руси назывались места общественного питания и потребления хмельных напитков. Деятельность корчем контролировалась князьями, при этом свободные крестьянские корчмы подвергались преследованию, что стало причиной появления на Руси первых тайных корчем, а их организация стала преступной. За организацию тайной корчмы наступало наказание в виде конфискации имущества и уплаты денежного штрафа, кроме того, в православной Руси могли отлучить от церкви, что в ту эпоху считалось серьезным наказанием. Подобные нормы ответственности содержались в Паисиевском сборнике XV века, где указывалось, что за незаконное корчемство следовало наказание, которое предусматривало отлучение от церкви [2, с. 24].

2-й этап XV–XVII вв. Введение государственной монополии на производство и продажу алкогольной продукции, рост тайных корчем и ужесточение наказания за их деятельность.

Следующее изменение в сфере оборота алкогольной продукции связано с широким распространением на территории Руси водки «хлебного вина» [3, с. 22]. В период правления царя Ивана IV корчмы были переименованы в кабаки и была введена государственная монополия на производство и продажу алкогольных напитков.

Производство и продажа алкогольной продукции были исключительно деятельностью государства, а продажа ее осуществлялась только в «царевых кабаках». В этот период отмечался резкий рост потребления водки и алкоголизации населения. Широкое распространение и потребление водки повлияло на резкий рост цен. Историками отмечалось, что цена ведра казенной водки до-

стигала 80 копеек, при этом цена лошади составляла от одного до трех рублей, корова стоила от 50 до 70 копеек. Таким образом, крестьяне и посадские люди не могли себе позволить приобрести алкогольную продукцию в государевых кабаках [3, с. 137]. Ценовая политика государства приводила к росту изготовления алкогольных напитков в «домашних условиях» и появлению тайных корчем, что, безусловно, влияло на снижение доходов государственной казны.

Рост количества тайных корчем на территории Руси требовал от правительства нового руководителя страны Михаила Романова активной борьбы с незаконным оборотом алкогольной продукции. Так, было издано распоряжение местным властям, где говорилось: «корчмы вынимати у всяких людей и чтоб, oprичь государевых „кабаков“, никто питье на продажу не держал» [4, с. 106], а исполнял данный указ провинциальный воевода, и в случае выявления подобных действий они строго наказывались. Другая государственная мера должна была повлечь увеличение посещаемости государственных «кабаков», а также способствовать противодействию нелегальному обороту. Так, была введена откупная система на изготовление и право продажи алкогольной продукции. В первом случае «кабак» мог взять на откуп любой желающий за установленную государственную плату. Во втором случае по указанию царя назначалось должностное лицо, которое осуществляло организацию питейного дела в городе: отвечало за производство алкогольных напитков и его сбыт в кабаки, своевременную оплату пошлины, а также должно было пресекать незаконное производство и продажу алкогольной продукции «корчемство».

Однако применяемые меры должных результатов не приносили, и деятельность корчем увеличивалась. В Соборном уложении 1649 года по указу Алексея Михайловича устанавливалось наказание за незаконное производство и продажу алкогольных напитков в виде штрафа, за повторное совершение преступления штрафные санкции удваивались, применялось дополнительное наказание в виде ударов батогами, кнутом или тюремного заключения¹.

Анализ законодательства того периода свидетельствовал о том, что появляется наказание за рецидив организации корчем, так как спрос на спиртные напитки увеличивался и люди, желая получения прибыли, шли на риск, несмотря на суровое наказание. Контроль за оборотом алкогольной продукции со стороны государ-

ства ужесточался, наблюдение за торговлей осуществлялось выборными посадскими людьми, сведения о торговле направлялись в Новую четверть (финансовый государственный орган, осуществлявший сбор денег с кабаков). За каждой территорией города закреплялся десятский (лицо, осуществляющее полицейские функции), в подчинении которого находились десять выборных, в обязанности которых входило выявлять продавцов водки, «неявочного» вина. Общий контроль за десятским и выборными людьми осуществлял «объезжий голова», назначаемый из числа дворян, который отвечал за общий надзор за общественным порядком и пожарной безопасностью. В случае выявления правонарушения «объезжий голова» доставлял нарушителя в Новую четверть для назначения наказания.

Результатом государственной политики того времени стала алкоголизация населения, спровоцированная ее направленностью на пополнение казны за счет увеличения цен на продажу алкогольной продукции. Данный факт привел, в свою очередь, и к росту количества тайных корчем.

3-й этап XVIII–XIX вв. Появление корчемной стражи, передача функций по выявлению незаконной продажи алкогольной продукции полиции.

Приход к власти Петра I для России ознаменовался проведением множества реформ во всех сферах государства. Для реализации реформ и поддержания Северной войны необходимо было пополнение государственной казны, как и ранее, наибольшее поступление от косвенных налогов для пополнения казны занимала продажа алкогольной продукции. Указами 1708–1710 годов царь Петр I запретил частное винокурение, отменив откупную систему. Приобрести алкогольную продукцию население могло только в казенных заведениях. В рамках реализации царского указа у людей различных сословий конфискации подвергались перегонные аппараты «кубы».

Однако принятые меры не повлекли существенного пополнения казны, а государственная продажа алкогольной продукции стала убыточной.

28 января 1716 года издан царский указ о свободной винокурне за уплату особого промыслового налога с производственной мощности. Для реализации данного указа в 1717 году учреждена Камер-коллегия казенных сборов под руководством киевского князя Дмитрия Михайловича Голицына. Несмотря на легализацию частного винокурения, стоимость алкогольной продукции для населения была высокой, в связи с чем количество нелегального производства и продажи алкоголя увеличивалось. Ответственность за преступления, связанные с

¹ Российское законодательство X–XX вв. – Москва, 1985. Т. 3.

незаконным оборотом алкогольной продукции, действовала в рамках Соборного уложения 1649 года. Для выявления такого рода преступлений применялись новые методы. Так, за донос на продавца, осуществлявшего незаконную торговлю алкоголем, доносчик получал четверть конфискованного имущества [5, с. 151]. В 1715 году Петр I учреждает в Санкт-Петербурге Главную полицию, одной из основных обязанностей которой было обеспечение безопасности, однако выявлением тайного провоза и продажи алкогольной продукции занималась корчемная стража или корчемная команда, в состав которой входили солдаты и офицеры.

При императрице Анне Иоанновне борьба с «корчемством» возложена на городскую полицию, а с 1751 года по указанию императрицы Елизаветы Петровны в Москве, Петербурге и других крупных городах создавались специальные корчемные конторы, подчинявшиеся, в свою очередь, Корчемной канцелярии. Именно с этого периода противодействием незаконному производству и продаже алкогольной продукции в городах и губерниях занимается полиция, а корчемная стража осуществляет надзор за провозом подакцизного товара (алкоголь, соль, табак) через государственную границу или границу губерний. Несмотря на существенные изменения в борьбе с незаконным оборотом алкогольной продукции, серьезных улучшений в этой области не было. Исследователями отмечалось, что положительные результаты корчемной конторы наблюдались только в столице, так как контроль был строже. Вместе с тем в уездных городах организовать работу должным образом не представлялось возможным из-за небольшого количества штатных работников, а также широкого распространения укрывательства среди населения².

Решить проблему с «корчемством» Елизавета Петровна стремилась путем введения единого всеобщего откупа. С 1751 года каждому гражданину разрешалось для домашнего потребления варить пиво после оплаты пошлины. Таким образом, Елизавета Петровна стремилась вывести «теневой» рынок производства и продажи спиртных напитков в легальный оборот для пополнения казны. Однако указом Екатерины II от 1 августа 1765 г. производить алкогольную продукцию дозволялось только дворянам, а население приобрести данную продукцию могло только в питейных домах. Кроме того, при правлении Екатерины II менялось отношение к «корчемникам», часто лиц, задержанных за незаконную торговлю алкогольной продукцией, миловали, применение пыток было запрещено, а доказывать вину не-

обходимо путем сбора доказательств и проведения обысков. Несмотря на некоторое смягчение государственных мер в отношении нелегального оборота алкогольной продукции, увеличилось количество корчемных сыщиков [2, с. 126]. Все же значительных успехов в противодействии нелегальному обороту достичь не смогли. Так, в 1791 году коллежский асессор Мещанинов с жалобой обращался к московскому главнокомандующему князю А.А. Прозоровскому о том, что в «гербергах» (питейное заведение, где можно приобрести пиво) вместо дозволенного пива продают пиво крепленое. При этом полицейские не только не принимали никаких мер в отношении незаконной торговли, но и сами открывали подобные заведения на подставное имя [3, с. 103]. Рост пьянства в Российской империи в ту эпоху и коррумпированность чиновников создавали все условия для увеличения нелегального оборота алкогольной продукции, принося высокие доходы.

После правления Екатерины II реформа в области оборота алкогольной продукции переходила то к откупной системе, то к монополии государства на право производства и продажи алкогольной продукции, вплоть до правления Александра II. Причиной таких реформ являлась в первую очередь эффективность пополнения государственной казны, а здоровье населения было уже вторично, хоть и данной проблеме руководство государства уделяло внимание. Так, в специальном рескрипте Александра I указывалось на то, что из-за роста питейных заведений происходило увеличение числа опьянения среди людей [6, с. 23].

Правительство Николая I, помимо вопросов легального оборота алкогольной продукции, продолжало политику по противодействию ее нелегальному обороту. Исследователями отмечалось, что в губерниях происходил рост «корчемства», которое сопровождалось нарушением общественного порядка и совершением тяжких преступлений. С 1850 по 1856 год численность корчемной стражи была увеличена до 450 человек, однако положительные результаты работы отмечались также только в крупных городах.

Большие изменения в законодательстве об обороте алкогольной продукции произошли 4 июля 1861 года. Правительство Александра II приняло Положение о питейном сборе. Исполнение данного нормативного правового акта требовало от предпринимателя уплаты акцизного налога с проданной продукции (4 рубля с проданного ведра чистого спирта), а также патентного сбора за право производства и оптовой продажи. По результатам проведенной реформы создать завод, кабак или иное питейное заведение мог любой желающий.

² РГАДА ф. 7. Оп. 1. № 736. Л. 2-3,8.

Отмечалось, что реформа повлекла резкое увеличение количества питейных заведений в России с 78 тысяч до 265 369 заведений [2, с. 214]. При этом отмечалось снижение количества нелегального оборота алкогольной продукции.

Положение о питейном сборе закрепляло права и обязанности полиции по контролю за исполнением данного правового акта. В статье 96 седьмого раздела указывалось, что «полиция осуществляет наблюдение за исполнением как производителями, так и продавцами алкогольной продукции норм, установленных данным уставом и общими законами общественной безопасности, нравственности и здоровья населения. Кроме того, на полицию возлагалась обязанность по предупреждению незаконной торговли алкогольной продукцией. Полиции дано право требовать от акцизных управлений списки лиц, кому предоставлен патент на право торговли». В статье 107 указывалось, что «в селах и деревнях разрешалось изготавливать пиво, брагу и медовые напитки только для собственных нужд». В статье 279 шестого раздела указано, что «приобретать алкогольную продукцию население имеет право только для собственных нужд, а ее перепродажа запрещена»; статьей 286 устанавливалось, что «напитки должны быть доброкачественными, без вредных для здоровья примесей»; статьей 328 определялось время торговли алкоголем: «розничную торговлю крепких спиртных напитков разрешалось осуществлять с семи часов утра до десяти часов вечера»; статьей 331 запрещалась продажа «в долг или иные материальные вещи, продажа осуществляется только за наличный расчет денежными средствами»³. Данный нормативный правовой акт был серьезным шагом для структурированного правового регулирования общественных отношений в сфере оборота алкогольной продукции, где были кодифицированы важные положения об акцизном сборе, патентных правах, разрешающих право на производство и продажу алкогольных напитков.

Анализ законодательства об ответственности за производство и продажу алкогольной продукции показывает, что государство стремилось к убеждению о недопустимости совершения подобных правонарушений, вводя ответственность за рецидив и постепенное ужесточение наказания, преимущественно финансового характера.

Изменения в проводимой политике произошли, когда Российская империя вступила в Первую мировую войну, необходимо было организовывать мобилизацию населения и осуществлять сборы

продовольствия для нужд фронта. Мобилизация населения требовала принятия радикальных мер по снижению злоупотребления алкогольными напитками среди населения, в связи с чем по указу Николая II был введен «сухой закон» – запрет на производство, продажу и потребление крепкой алкогольной продукции. Кроме того, армия нуждалась в обеспечении продовольствием.

После Октябрьской революции 1917 года Временным правительством издается постановление «О передаче хлеба в распоряжение государства и о местных продовольственных органах», с этого момента в стране вводится так называемая хлебная монополия.

По данному документу вся хлебная продукция урожая от 1916 года передавалась государству, собственники хлебной продукции обязаны были сообщать о количестве и месте хранения запасов, а весь хлеб подлежал сдаче продовольственному органу по фиксированным ценам⁴.

Данные меры повлекли появление предпринимчивых граждан, именуемых «мешочниками» и «самогонщиками» (также химиками или кумышковарами). С этого периода начинается «кустарное» изготовление крепких спиртных напитков, примитивное производство водки домашней выработки. Рост потребления низкого качества «суррогатных» спиртных напитков «домашней выработки» повлек серьезную угрозу жизни и здоровью людей. Правительство продолжило активно бороться с незаконным оборотом алкогольной и спиртосодержащей продукции, принимая соответствующие нормативные правовые акты. За незаконное изготовление и продажу алкогольной продукции ответственность наступала в соответствии с Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, Уставом об акцизных сборах 1883 года и Уголовным уложением 1903 года. Так, в статье 655 главы шестой Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года указано, что нормы ответственности за нарушение правил производства и продажи алкогольной и спиртосодержащей продукции изложены в Уставе об акцизных сборах 1883 года⁵.

В Уставе об акцизных сборах, в статье 128, указывалось о запрете изготовления «кумышки» на всей территории Российской империи. В статье 1111 указывалось, что за продажу крепких

⁴ См. Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Ч. 2. – Москва, Ленинград, 1957.

⁵ Россия. Законы и постановления. Т. 15. [Ч]. 1: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издание 1885 года, с включением статей по Продолжениям 1912, 1913 и 1914 годов; [Ч]. 2: Уголовное уложение (статьи, введенные в действие). Издание 1909 года, с включением статей по Продолжениям 1912 и 1913 годов. – Санкт-Петербург, 1916. – 521 с.

³ Положение о питейном сборе 1861 г. [Электронный ресурс] // Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина. – URL: <https://www.prlib.ru/item/438032>

напитков без «патента» виновные подвергаются, помимо денежного взыскания до ста рублей и уплаты особой суммы патентного сбора, тюремному заключению от двух до четырех месяцев. Рассматриваемый правовой акт предусматривал ответственность не только за продажу самого спиртного напитка, но и за сбыт и продажу сырья для его приготовления, а также за незаконный оборот перегонного аппарата для изготовления алкогольных напитков. Статья 1069 предусматривала ответственность за приготовление прессованных дрожжей не для домашнего употребления, а для сбыта, а статья 1059 – ответственность за приобретение или хранение перегонного куба, приспособленного к изготовлению фруктового, виноградного и коньячного спирта⁶.

Стоит отметить, что установление запретительных мер 1914 года и последующее введение хлебной монополии незначительно способствовало снижению потребления водки на душу населения в России до 0,2 ведра, увеличению производительности труда на 10–13% и снижению количества прогулов трудящихся на 27–30% [8, с. 192].

Однако, с другой стороны, принятые запретительные меры привели к росту «тайной» продажи спиртных напитков, которая способствовала

скрытому потреблению алкоголя вне легальных питейных заведений, что в целом снижало и культуру потребления алкогольной продукции и способствовало росту девиантного поведения. Исследователи отмечали, что «пьянство народа продолжалось в таких же чудовищных размерах, хотя и не открыто, как прежде» [9, с. 15–16].

Подытожив, мы можем сделать вывод, что в определенном смысле государственная политика в области производства и торговли алкогольной продукцией, направленная главным образом на извлечение прибыли и пополнение казны, во многом способствовала возникновению и распространению незаконной продажи алкогольной продукции. К этому же привели и такие меры, как увеличение стоимости легальной алкогольной продукции, снижение качества алкогольной продукции, частичный или полный запрет приобретения и потребления алкогольной продукции.

Вместе с тем, рассматривая генезис регулирования законодательства в сфере алкогольной продукции на разных исторических этапах и проводя сравнение с современным периодом законодательного регламентирования в Российской Федерации, можно сделать вывод, что наиболее оптимальным регулированием общественных отношений является процедура лицензирования, при которой государство должно находить оптимальные меры для пополнения бюджета, создания справедливой конкуренции и контроля качества алкогольной продукции и количества ее потребления населением.

Литература

1. Громыко М.М. Мир русской деревни. – Москва, 1991. – 446 с.
2. Прыжов И.Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. – Москва, 2009. – 228 с.
3. Курукин И.В. Повседневная жизнь русского кабака от Ивана Грозного до Бориса Ельцина. – Москва, 2007. – 518 с.
4. Соколов В. Пьянство на Руси в эпоху первых Романовых и меры борьбы с ним // Голос минувшего. – 1915. – № 9. – С. 105–118.
5. Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. – Москва, 1966. – 275 с.
6. Лирмян Р.О. Возникновение и развитие пьянства в дореволюционной России и проекты его искоренения. – Москва, 1979. – 119 с.
7. Дизер О.А. Административно-правовая защита общественной нравственности: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. – Омск, 2019. – 475 с.
8. Гордон Г. Об алкоголизме в средней школе // Летопись. – 1916. – № 9. – С. 193–203.

References

1. Gromyko M.M. Mir russkoi derevni. – Moskva, 1991. – 446 s.
 2. Pryzhov I.G. Istoriya kabakov v Rossii v svyazi s istoriei russkogo naroda. – Moskva, 2009. – 228 s.
 3. Kurukin I.V. Povsednevnyaya zhizn' russkogo kabaka ot Ivana Groznogo do Borisa El'tsina. – Moskva, 2007. – 518 s.
 4. Sokolov V. P'yanstvo na Rusi v epokhu pervykh Romanovykh i mery bor'by s nim // Golos minuvshogo. – 1915. – № 9. – S. 105–118.
 5. Troitskii S.M. Finansovaya politika russkogo absolyutizma v XVIII v. – Moskva, 1966. – 275 s.
 6. Lirmyan R.O. Vozniknovenie i razvitiye p'yanstva v dorevolyutsionnoi Rossii i proekty ego iskoreneniya. – Moskva, 1979. – 119 s.
 7. Dizer O.A. Administrativno-pravovaya zashchita obshchestvennoi nraivstvennosti: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk. – Omsk, 2019. – 475 s.
 8. Gordon G. Ob alkogolizme v srednei shkole // Letopis'. – 1916. – № 9. – S. 193–203.
-

(статья сдана в редакцию 12.10.2021)

К сведению авторов

На страницах журнала освещаются вопросы юридической науки, уголовного, уголовно-процессуального, оперативно-разыскного, уголовно-исполнительного, административного, миграционного законодательства, передовой опыт борьбы с преступностью в России и за рубежом.

Статьи должны отражать наиболее актуальные темы правоохранительной деятельности, затрагивающие проблемы и предлагающие пути их решения. Статьи, имеющие слабый научный аппарат, к опубликованию не принимаются.

В соответствии с международными требованиями статья должна содержать:

на русском языке: название статьи, фамилию, имя, отчество автора (авторов) полностью, должность, ученую степень и звание. Полное наименование организации (в скобках – сокращенное), город, телефон, электронный адрес. Аннотацию (150–250 слов), ключевые слова (5–7 слов или словосочетаний), список литературы, на которую ссылается автор. Данная информация должна быть представлена на английском языке, за исключением ФИО автора (авторов) и списка литературы, которые транслитерируются.

Текст статьи должен быть набран на компьютере в текстовом редакторе Word, шрифт Times New Roman, размер шрифта 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25. Не следует использовать знаки ручного переноса и дополнительных пробелов. Объем статьи 8–20 страниц машинописного текста (стандартная страница – 1800 знаков с пробелами, включая таблицы, рисунки и список литературы). Статья представляется в редакцию в электронном (диск, электронная почта) и распечатанном виде. Файл, содержащий статью, называется по фамилии автора.

Список литературы приводится в конце статьи. В тексте в квадратных скобках указывается номер источника в списке литературы, а через запятую – номер страницы (например, [3, с.25]). Обязательно указываются следующие данные: для книг – фамилия и инициалы автора (редактора), название книги, место издания (город), год издания; для журнальных статей – фамилия и инициалы автора, название статьи, название журнала, год издания, номер, выпуск, страницы (первая и последняя).

Статья должна быть вычитана и подписана автором (авторами) следующим образом: «Материал вычитан, цифры, факты сверил с первоисточником. Не возражаю против размещения моей статьи в электронной библиотеке». Далее ставится дата и подпись. Статьи соискателей, адъюнктов и аспирантов визируются научным руководителем. Редакция оставляет за собой право в случае необходимости редактировать и сокращать статьи. Отклоненные редакцией материалы не рецензируются и не возвращаются.

Направляя статью для опубликования в журнале, автор (соавторы) безвозмездно предоставляет редакции журнала «Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина» неисключительные права на использование данной статьи, в том числе на неограниченное её распространение любым способом, включая создание её электронного варианта для размещения в локальной сети Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, а также в сети Интернет (на сайте института, в научных электронных библиотеках и т.д.), с целью доведения статьи до всеобщего сведения и выполнения требования ВАК при Минобрнауки России об информационной открытости научной периодики.

Статьи, оформленные с нарушением требований или поступившие после контрольного срока, могут быть опубликованы в последующих номерах журнала по согласованию с автором.

Редакция оставляет за собой право в случае необходимости редактировать, сокращать объем статей и принимать решение о включении их в журнал. Научные материалы, оформленные с нарушением требований или поступившие после контрольного срока, могут быть опубликованы в последующих номерах журнала.

Ответственность за достоверность фактов несут авторы статей.

Научные публикации, включенные в журнал, представляют точку зрения автора на актуальные проблемы правоохранительной и нормотворческой деятельности, которая не всегда совпадает с мнением редакционной коллегии журнала.

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и размещается в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка»

eLIBRARY.RU

